

СВЕТ ВАШ ПРЕД ЧЕЛОВЕКИ

Дневники и воспоминания
митрополита Иоанна
и монахини Евфросинии
(Вендланд)
1912–1987

Академия 76
Ярославль 2019

УДК 281.93(093.3)
ББК 86.372.24-3,8ю14
С 24

По благословию Высокопреосвященнейшего Феодора,
митрополита Волгоградского и Камышинского

Книга издана на средства
Виктора Ивановича Тырышкина

С 24 «Свет ваш пред человеки» : дневники и воспоминания митрополита Иоанна и монахини Евфросинии (Вендланд). 1912–1987 / составитель Э. Л. Меженная. — Ярославль : Академия 76, 2019. — 224 с. : ил.

В 2019 году исполнилось 110 лет со дня рождения и 30 лет со дня кончины митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна (Вендланда). Владыка Иоанн потрудился на благо Святой Церкви как великий ученый и святитель, и занял почетное место в ее истории. Он был награжден большими талантами в самых разных областях человеческой деятельности. Не один десяток лет жизни отдал геологии.

В этом издании мы публикуем дневники и воспоминания митрополита Иоанна и его сестры монахини Евфросинии, которые охватывают период с 1912 по 1987 год. Рассказывая о своей семье, родителях, о своем детстве, о приходе в церковь брат и сестра Вендланд создадут своеобразный исторический документ жизни христиан в труднейшее для Русской Православной Церкви время. Большинство материалов публикуется впервые.

ISBN 978-5-906040-74-9

УДК 281.93(093.3)
ББК 86.372.24-3,8ю14
С 24

ISBN 978-5-906040-74-9

© Э. Л. Меженная, составление, 2019
© М. Е. Бороздинский, оформление, 2019
© «Академия 76», 2019

Жизнь митрополита Иоанна (Вендланда) и его сестры монахини Евфросинии связана с Волгоградской епархией. Их духовный отец митрополит Гурий (Егоров) в 1953 году возглавил Саратовскую кафедру в качестве архиепископа Саратовского и Сталинградского, и вместе с ним приехали его духовные чада брат и сестра Вендланд. Также в эту прекрасную духовную семью входили будущий архиепископ Михей (Хархаров) и протоиерей Игорь Мальцев, которые тоже последовали за своим духовным отцом на нашу землю. Их имена читатели тоже встретят в этом издании.

Книга, которую вы держите в руках, рассказывает о семье Вендланд, из которой вышли настоящие угодники Божии.

Константин и Елизавета родились в непростое для нашей страны время, но смогли не заразиться инфекцией вольнодумства, смуты и мятежа. Господь призвал их еще в отрочестве. Детей постигла тяжкая утрата. Они потеряли отца. Костя Вендланд был младшим в семье. И стоя у смертного одра своего родителя, он услышал совершенно по-новому слова заупокойного поминовения на панихиде, что «папа в селениях праведных». И он проникся глубиной мысли о будущем Царствии Небесном, которое уготовано всем верным Господу, и, уязвленный этой любовью, сохранил святое чувство, что папа там, где «праведницы сияют яко светила». Эту веру митрополит Иоанн не только сохранил, но и возделывал ее в своем сердце до последних дней, пронеся через всю жизнь святую христианскую детскость.

Эта книга будет интересна тем, кто уже в Церкви, или кто еще находится на пути к ней. Кто имеет своих детей или станет родителями в будущем. Эти удивительные люди, митрополит Иоанн и монахиня Евфросиния, сумели с честью пройти тяжелейшие времена гонений и испытаний, потому что для себя определили самую главную цель жизни. И эта цель была Христос.

Митрополит Волгоградский и Камышинский Феодор

От составителя

В 2019 году исполнилось 110 лет со дня рождения и 30 лет со дня кончины митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна Вендланда. Все меньше остается людей, лично знавших Владыку. Но интерес к его личности только возрастает.

Можно назвать множество заслуг митрополита Иоанна и его рода перед Отечеством и Православной верой. Прадед Владыки — выдающийся военный инженер и боевой генерал Карл Шильдер — участвовал в битве при Аустерлице, в походах против турок, в Дунайской компании, где и погиб в 1854 году. Он известен как блестящий изобретатель и испытатель разнообразных приемов инженерной атаки и обороны. В истории военной инженерии сохранилась слава о нем как организаторе и инициаторе крепостных маневров. Военные инженеры, прошедшие в мирное время школу Шильдера, заняли почетное место в истории обороны Севастополя. Современники вспоминали о нем как о человеке, не знавшем личных соображений, проникнутым лишь желанием успеха для дела: «Человек инициативы, с редким мужеством военным и гражданским, неистощимый в средствах для неожиданно возникающих преград, чуждый мелочности, рыцарь без страха и упрека, баярд русского инженерного корпуса».

Николай Карлович Шильдер, двоюродный дедушка владыки Иоанна, генерал-лейтенант, служил в лейб-гвардии саперном батальоне, был адъютантом ученика своего отца графа Тотлебена, участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Был директором Императорской публичной библиотеки. Автор монографий и очерков об истории России XIX века, в том числе биографий российских императоров и военачальников.

Семья Вендланд состояла в родственных отношениях с Лермонтовыми, давшими миру великого русского поэта. Дедушка со стороны отца был генералом. Отец Николай Антонович тоже дослужился до генеральского звания.

Двоюродная сестра владыки, Екатерина Владимировна Лермонтова, в советское время стала известным палеонтологом, специалистом по кембрию Сибири и его трилобитам. Геологом был и сам владыка, Константин Николаевич Вендланд.

В 30-е годы прошлого века он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук по теме «Петрология вулканогенных толщ Приташкентского региона», создал в Ташкенте школу геологов-петрографов. Он автор значимых научных обобщений о строении и происхождении массивов изверженных пород Западного Тянь-Шаня. Предвидел неизбежность возникновения нового раздела геологических наук — геосоматологии (учения о геологических телах). Его идеи нашли свое развитие в получившем развитие в последующие десятилетия учении о геологических формациях и стратиграфической геофизике. В 30-е годы принял тайный монашеский постриг, потом стал священником, архиереем. Представлял Русскую Православную Церковь за рубежом: в Сирии, Германии, в США и Канаде. До последнего вздоха был предан Христу.

В высокородной семье Вендланд было трое детей. Старшая, Елизавета, или, как ее называли дома, Эли, стала врачом. Средняя, Евгения, — агрономом. Их младший брат Константин — геологом. Но все дети в годы жесточайших гонений на церковь выбрали путь монашества.

За последние годы вышло немало книг о замечательном архиерее-старце, публиковались отрывки из его мемуаров и писем, богословские работы, проповеди. Но полностью, не фрагментарно, воспоминания митрополита Иоанна о его семье — отце, матери, старшей сестре — еще не публиковались. Книга, которую вы держите в руках, должна восполнить этот пробел.

Воспоминания «Мой папа» митрополит Иоанн написал в 1982 году в Переславле-Залесском Ярославской области. «Моя мама» писалась в период с 1980 по 1982 год тоже в Переславле-Залесском, в бревенчатом русском доме, принадлежавшем владыке. В это время митрополит Иоанн был правящим архиереем, возглавляющим Ярославскую епархию. Скорее всего, писать удавалось урывками, поэтому изложение небольшого по объему повествования растянулось на два года.

Воспоминания о сестре Эли, монахине Евфросинии, были написаны митрополитом Иоанном в 1987 году в Ярославле. В это время владыка был уже на покое и жил в многоэтажном доме на окраине города.

Кроме того, в книге публикуется детский дневник монахини Евфросинии Вендланд. В 1912 году тогда еще девочка Эли вела его в Швейцарии, куда семья уехала на год, чтоб поправить здоровье дочери после тяжелой болезни.

Чем важны для читателей эти воспоминания? Мемуары о семьях не так уж редки в русской литературе. Но эти особенны тем, что все трое детей семьи Вендланд стали монахами. При этом родители их были людьми нецерковными. Конец XIX — начало XX века был отмечен охлаждением к вере русской интеллигенции. В образованном обществе распространялись атеистические идеи. Быть верующим и жить церковной жизнью считалось несовременным. Мама, Нина Петровна, не была атеисткой. Она любила Христа, читала Евангелие, просила положить Евангелие к себе в гроб, когда она умрет. Но от Матери-Церкви она отступила.

Папа владыки ходил в храм один раз в год, «кажется, на Рождественскую всенощную». Священник появился в доме Вендланд в Крыму, когда папа смертельно заболел. Это был отец Леонид из Левадийской церкви, которому маленький Костя начал прислуживать в алтаре.

Так почему же Господь выбрал этих детей для служения Себе и Матери-Церкви? У них было много двоюродных братьев и сестер. Владыка вспоминал, как кто-то из них учил его молитвам, кто-то пел в церковном хоре. Это были хорошие светлые дети. А вот монахами стали только Костя, Эли и Женя. Причем все трое. Великая тайна — Промысл Божий.

В семье Вендланд царила любовь. Может быть, она стала проводником в мир служения Богу? Ведь где любовь, там Христос. Это была любовь друг к другу, к окружающим людям, к цветам, животным. Дети жили в атмосфере благоговения перед природой и красотой. Дневник 12-летней девочки Эли полон восторгов и умиления перед Божиим миром. Эли, Женя и Костя были исполнены любви к своим родителям, невероятно ценили минуты и часы, проведенные с отцом, то безмятежное счастье, которым были наполнены годы их детства в семейном кругу. Митрополит Иоанн очень любил свою маму. Нина Петровна была наделена множеством талантов. Она прекрасно знала литературу, рисовала, владела несколькими языками. Все это она передала своим детям. Значение личностей Нины Петровны и Николая Антоновича чрезвычайно велико в формировании внутреннего нравственного облика их детей.

Здесь уместно вспомнить слова Небесного покровителя владыки Иоанна Златоуста, который говорил о том, что часто многие из отцов принимают все меры, чтобы у сына был хороший конь, великолепный дом или дорогое поместье, а о том, чтобы у него была хорошая душа и благочестивое настроение, насколько не заботятся.

Это, по мнению святителя, ни много ни мало как — вдумайтесь в масштаб последствий — расстраивает всю Вселенную.

Поэтому родителям следует думать не о том, как бы сделать детей богатыми серебром и золотом, а о том, как бы они стали всех богаче благочестием, мудростью и стяжанием добродетели. Родители Кости, Эли и Жени радели именно об этом, чтобы у детей была хорошая душа.

Дети рано потеряли отца. И здесь нельзя не обратить внимание на такое обстоятельство, что сиротами были и другие близкие митрополиту Иоанну люди, с которыми они вместе прошли по жизни. Это митрополит Гурий (Егоров Вячеслав Михайлович, 1891–1965), духовный отец митрополита Иоанна, и архиепископ Михей (Хархаров Александр Александрович, 1921–2005), архиепископ Ярославский и Ростовский, друг митрополита Иоанна. И у каждого в самом раннем возрасте зародилось желание идти по духовному пути.

Владыка Гурий и его брат, будущий преподобномученик Лев (Егоров Леонид Михайлович, 1898–1937), остались без отца в раннем детстве. Их приютили бездетные родственники. Семья Хархаровых потеряла кормильца в тяжелое, голодное время после Гражданской войны. Сына Сашу его маме пришлось определить в детскую трудовую колонию. И Вячеслав, будущий митрополит Гурий, и Александр, будущий архиепископ Михей, с раннего детства мечтали стать монахами, но хранили эту мечту глубоко внутри. Митрополит Иоанн вспоминает о том, как в детстве испытывал блаженство, когда мама, укладывая спать, осеяла его перед сном крестным знамением. Все трое нашли замену родным отцам духовными. У владыки Михея это был протоиерей Николай Гронский (1875–1942), принявший священство по благословению святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. У митрополита Иоанна — отец Леонид из церкви в Ливадии. Юный отрок Вячеслав Егоров полюбил епископа Сергия (Тихомиров Георгий Алексеевич, 1871–1945), в дальнейшем митрополита, главу Японской Православной Церкви (1912–1945), ездил к нему в Японию.

Испытывая трудности в самом юном возрасте, все они рано научились сочувствовать чужой беде. Эта чуткость к окружающим укреплялась по мере приобщения их к церковной жизни. Сироту может понять только сирота. Умирает отец, и в душе ребенка образовывается пустота, грусть. Она сопровождает его постоянно. Господь ведет дитя к себе, а Ангел-Хранитель подталкивает в нужном направлении.

На место ушедших отцов встает сам Господь, взяв на попечение эти прекрасные светлые души. Он забрал их родных отцов, но дал Себя: «Сира и вдову примет». У сироты чувство Богоотцовства очень развито.

Владыка Иоанн напрямую связал свой путь к Богу и Церкви со смертью отца. Она сыграла очень большую роль в его духовном становлении. Тем более смерть такого отца, как Николай Антонович Вендланд. Дети не чаяли в нем ду-

ши, а он одарил их всем, чем владел сам. Потеряли дети папу в одночасье, умер он фактически на их глазах. Это определило дальнейший жизненный путь будущих монахов. Чтобы приобрести, надо сильно пострадать и что-то важное потерять. Чтобы Бога узнать, надо что-то дорогое отдать.

Уповающие на Бога живут в этом мире спокойно. Они понимают, что находятся под охраняющей денницей Господа. Он и злое превратит во благо, если человек этого желает. Владыка Иоанн, также как его близкие, покорялся воле Божией и шел по этому пути по промыслу Божию с раннего детства.

Господь на таких избранных от рождения детях раскрывал Свое произволение, но каждый из них делал свой выбор сам. И у прославленных, и у непрославленных Божий замысел всегда сочетался со свободой человеческого выбора. И лишь когда человек отдает себя Богу с охотой и жаждой, тогда из него вырастает подвижник нашей Церкви. Надеемся, что воспоминания митрополита Иоанна о его семье, о его детстве только укрепят нас на этом пути.

Эльвира Меженная

МИТРОПОЛИТ ИОАНН
(ВЕНДЛАНД)

В воспоминаниях о Николае Антоновиче Вендланде «Мой папа» митрополит Иоанн упоминает о своем прадедушке Карле Андреевиче Шильдере. Нам представляется очень важным рассказать подробнее о такой стороне его жизни, как переход из лютеранства в православие. Карл Андреевич принадлежал к сынам Отечества, для которых достоинство и благополучие России были значительно выше собственного благополучия и собственной жизни. Без знания этого трудно понять личность как самого митрополита Иоанна, так и его отца.

Карл Андреевич Шильдер родился в 1785 году в усадьбе Симоново Витебской губернии. Отец его, Андрей Михайлович, выходец из Риги, приобрел здесь большое поместье.

Журнал «Русская старина» сообщал, что Карл Андреевич вырос в деревне среди русской земли, успев с раннего детства сродниться с русскими понятиями и с русским мирозерцанием. Это обстоятельство, конечно, послужило исходной точкой его всегдашнего тяготения к православию и принятия им впоследствии этого вероисповедания, к величайшему огорчению лиц, не сочувствующих России и началам ее духовной жизни.

Первоначальное образование он получил под руководством гувернера. Склонность молодого Шильдера к военной службе проявилась в пылком юноше с ранних лет, и на этом пути он добился больших успехов. К числу его инженерных открытий, имеющих мировую известность, можно отнести взрыв пороха на далеком расстоянии не бикфордовым шнуром, а «гальваническим способом», то есть электрической искрой, путем подведения проводов, первая железная подводная лодка.

Незадолго до гибели он принял православие. Современники пишут о том, что присоединение к Православной Церкви составляло с давнего времени задушевное желание Карла Андреевича. Если он не решился на этот шаг ранее, то единственно во избежание праздных толков. Но в кругу семьи он выражал неоднократно по-

Карл Андреевич Шильдер. Русская портретная галерея. 1845

ложительнейшим образом свою непремную волю и искреннее желание умереть сыном Православной Церкви, учение которой более удовлетворяло глубокому религиозному чувству его поэтической и восторженной души. В случае опасной болезни он просил близких к нему лиц непременно позаботиться о своевременном призвании священника для совершения таинства миропомазания. 5 января 1854 года, в сочельник, накануне отъезда в Дунайскую армию, состоялось через святое миропомазание присоединение генерал-адъютанта Шильдера к Православной Церкви. Это было в Варшаве, в походной церкви св. великомученика Георгия. Присутствовали князь Варшавский и его супруга Елизавета. Наречен именем Александр.

Сегодня перечень изобретений генерала Шильдера можно прочесть в солидных энциклопедиях. Кроме того, он умел прекрасно рисовать и играл на нескольких музыкальных инструментах. Но самое главное — Карл Андреевич был истинным православным христианином и сыном своего Отечества.

Шильдер смотрел на войну с турками духовными очами и чувствовал христианским сердцем: «Совершилось настоящее чудо: действуя четырьмя пушками против сотни орудий из крепости Рацука, целой флотилии и одного большого парохода, мне удалось все это потопить или разбить вдребезги, не потеряв ни одного человека и с тремя ранеными только; такой случай еще не встречался в военных летописях. Я сказал храбрым артиллеристам: “Перекреститесь, а завтра отслужим молебен; Бог благословляет труд ваш против изступленных мусульман...”» (здесь и далее цитируются публикации журнала «Русская старина»).

В письмах Карла Андреевича к товарищам по оружию через каждую строчку слова, подобные этим: «Чудное дело совершилось! Тремя убитыми солдатами и 17 ранеными искуплена победа над врагами Христа... Уповаю на Бога и надеюсь, что с Божией помощью мы все-таки, в конце концов, выйдем со славою из этих всеобщих смут». Или: «... Дело ныне идет о царе, России и православии...», «... Велик русский Бог!».

Преосвященный Иннокентий Херсонский и Таврический прислал генерал-адъютанту Шильдеру из Одессы икону Божией Матери с надписью: «Рабу Божию, возлюбленному брату во Христе, стратигу воинства православного, Александру Андреевичу Шильдеру, на благословение и в знамение победы над врагами креста Христова. Мая 7-го».

Сам святитель с иконой Богородицы бывал в осажденных неприятелем городах и крепостях, не переставал служить литургии и молебны, посещал госпитали, снабжал раненых продовольствием, духовными книгами и иконами, поддерживал дух защитников Отечества. И неудивительно, что он понимал душу православного воина и русского патриота генерала Шильдера.

Описывает ли Карл Андреевич в письмах домой состояние своего здоровья, общается ли о покупке коня, дает ли оценку военным действиям, обязательно упоминает Бога: «Под градом пуль и при неумолкаемом громе орудий совершено богослужение перед моей палаткой, после которого я отправился со священником в траншеи и к могилам бесчисленных жертв собственного безумия, чтобы с молитвой окропить их святой водой. Наши набожные солдатики были очень умилены священнодействием, наравне со мной; может быть, я единственный с успокоенным духом продолжал свои работы, мыслями к Богу и к вечности... Ежедневно и ежечасно преклоняюсь мысленно перед престолом Всемогущего и сознаю с глубокопрочувствованной благодарностью удачу всего сделанного мною доселе... Смелость, храбрость и благоразумие должны всюду обнаруживаться, где только появятся православные воины царя России... Я обнимаю вас всех и прошу предать себя воле Божией и не тревожиться, тогда будет также спокоен ваш старший отец».

Погиб Карл Андреевич в 1854 году. При обычном обходе с саперами осадных работ он сел, чтобы отдохнуть. Разорвавшейся гранатой ему раздробило ступню. Его отнесли в палатку, тотчас ампутировали ногу... Затем он потребовал священника, причастился и скончался.

Император Николай I в письме к князю Горчакову почтил память своего любимца словами: «Потеря Шильдера меня крайне огорчила, такого второго не будет и по званию, и по храбрости».

Отец митрополита Иоанна, Николай Антонович Вендланд, был внуком Карла Шильдера по линии своей матери. В семье не принято было хвалиться достижениями и победами своих предков, но ими по-настоящему гордились.

Э. М.

МОЙ ПАПА

Мой папа, Николай Антонович Вендланд, родился в 1870 году в Белоруссии. Его отца, моего дедушку, я знаю только по фотографиям; их несколько. Он — в генеральской форме, довольно сурового вида. Впрочем, есть такая фотография, где он с отеческой гордостью стоит рядом с папой — тогда мальчиком лет пятнадцати. Я знаю, что его звали Антон Адольфович Вендланд и что он был всю свою жизнь лютеранского вероисповедания. На более поздних фотографиях он — глубокий старик с заметным животиком, одет просто.

Семейное предание говорит, что мой прадед Адольф прибыл в Россию из Дании, что он был в армии Наполеона и, когда увидел ее крах, перешел на службу к русскому царю. В Германии встречается фамилия Вендланд (между ними есть и пасторы, и богословы), поэтому некоторые, даже незнакомые мне немцы, шлют мне письма, уверяя, что я их родственник.

Однажды я летел на самолете из Амстердама в Москву. Соседнее кресло занимал швед, специалист по атомной энергии. Он очень интересно рассказывал мне о материи и о том, как ее удастся поймать и удержать в электромагнитной ловушке. Потом разговор перешел на тему о происхождении моей фамилии. Шведский профессор уверял, что она шведского происхождения, ибо, как он сказал, Венд — есть название одной из частей шведского королевства.

Но мы в своей семье (то есть и папа, и мама) настаивали всегда на славянском происхождении нашей фамилии. Венды — это славянская народность¹. «Советский энциклопедический словарь» 1982 года утверждает: «Венеды (венеты, венды) — древнейшее наименование славянских племен. Они жили в Центральной Европе, они (Венды-Венеды) основали Венецию. Но они были ассимилированы другими народностями».

¹ Наиболее раннее известие о славянах доходит к нам под именем вендов или венетов, или Вендов. (Академик Н. С. Державин «Славяне в древности». Изд. Ак. Наук СССР, 1945. С. 7–8.) — Прим. авт.

Антон Адольфович Вендланд

Елизавета Карловна Вендланд с внуком

Я видел гимназический учебник латинской грамматики, на которой, еще детской, рукой было написано: «Nicolas al ardo Vendorum», что значит — «Николай из земли Вендов».

Гораздо больше я знаю о папиной маме, моей бабушке, Елизавете Карловне Вендланд, в девичестве Шильдер. Она была родной сестрой известного историка и директора Публичной библиотеки в Петербурге — Николая Карловича Шильдера (1842–1902) и дочерью, от второго брака, Карла Андреевича Шильдера — военного инженера, сапера, погибшего в русско-турецкую войну. Перед смертью мой прадед, Карл Андреевич, принял православие. Бабушка в течение всей жизни была глубоко религиозным православным человеком. Папа благоговел перед своей матерью и очень любил ее. Умерла она 8 июня (ст. стиль) 1911 года. Небезынтересно, что слово «шильдер» на фламандском языке означает «художник».

Окончив гимназию в городе Вильно, папа поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Теперь я считаю, что это было основной ошибкой его жизни. Он не имел никакой склонности к юриспруденции, напротив, он любил естественные науки и хотел быть врачом. Но вместе

Гимназисты Виленской гимназии Николай Евстафьевич Скалон и Николай Антонович Вендланд

со своим сверстником, другом и одноклассником по гимназии — нашим дядей Колей Скалоном, он соблазнился легкостью поступления на юридический факультет: имея гимназический аттестат, туда можно было поступить без экзаменов.

Думаю, что влияние дяди Коли тут

тоже сказалось. Дядя Коля не интересовался естественными науками, ему юридическая практика казалась вполне подходящей, а другие науки — трудными. Впоследствии он рассказывал, что выбрали они юридический, «убоявшись бездны премудрости», которую надо было познавать на других факультетах. Сам дядя Коля впоследствии не стал настоящим юристом. Он изучил финский и шведский языки и работал в департаменте по финским делам. После революции он зарабатывал переводами со шведского.

Мои родители, папа и мама, горячо любили друг друга. Вот какими словами папа выразил в письме свою любовь к маме, тогда еще невесте:

«Теперь я весь проникнут тобой. Я поставил на стол твою карточку, и ты смотришь на меня постоянно своими добрыми светлыми глазами. Они так верно отражают твою чистую душу, что я готов молиться на них, так как вижу в них моего доброго гения, который никогда не позволит подойти ко мне самому хитрому злу. И ведь этот гений любит меня и будет всегда со мной. Ангел ты мой ненаглядный, вся моя жизнь в том, чтобы сохранить в тебе, моей Ниночке, твой душевный мир, чистый, как утренняя росинка. Мне хотелось бы взять тебя, как берут бабочек, между руками, греть тебя на солнце и переносить с цветка на цветок, чтобы ты никогда не чувствовала невзгод жизни, не видела бы среди цветов сорной травы. А я буду смотреть в твои глазки, слушать, как ты дышишь, и нам будет хорошо всегда. Ты все понимаешь, все чувствуешь, ты такой ангел! Я чувствую такое счастье, когда думаю о нашей совместной жизни, что все мои заботы и дела кажутся мне смешными».

Свадьба наших родителей состоялась где-то около 1897 года. Юношеская любовь папы впоследствии особенно выразилась в отцовской любви к его старшей дочери Эли. Она горела особенно ярким пламенем, когда Эли болела воспалением легких и была близка к смерти. «Тот не знает, что значит молитва, кто не сидел у постели смертельно больного своего ребенка», — запишет папа впоследствии в своем дневнике. И Эли выздоровела.

Итак, папа стал юристом, и это было его несчастьем. Сперва ему дали должность «товарища прокурора». В число его обязанностей входило делать обыски у литовцев. Почему-то запрещенным было иметь какой-то молитвенник. Папа старался во время обыска сам этот молитвенник поскорее найти. Потом он прятал его себе в карман, а по окончании обыска незаметно возвращал его хозяевам. Действуя так, он жил по совести.

Но выпадали еще более неприятные поручения. Так, ему приказывали присутствовать при смертной казни. Хотя сама казнь не лежала на папиной совести, но официальное присутствие делало папу ее соучастником. Этого он выдержать не мог. Ему удалось переменить службу, переехать из Вильны в Петербург в Адмиралтейство. Насколько мне известно, там он занимался пенсионными делами.

С этого времени, то есть приблизительно с 1912 года, я ясно помню своего папу. Тогда мы уже жили в Царском Селе, где снимали квартиру в очень затейливо построенном деревянном доме. Это был весь нижний этаж (около 9 комнат!), окруженный небольшим садом. Я очень любил папу. Но редко мне удавалось видеть его утром. Обычно он уезжал в Петербург раньше, чем я вставал. Только около шести часов вечера он возвращался. В это время мы все только ЖДАЛИ. Наконец, раздавался цокот копыт извозчичьей лошадки и звонок. Наш верный пес Жук (цвета темной бронзы) с радостным лаем устрем-

*Николай Антонович и Нина Петровна
Вендланд*

Женя, Жук и Костя. 1915

лялся к двери. Папа входил. Начи-
нался обед. Далеко не всегда папа
проводил вечера в кругу семьи. Ча-
сто он затворялся в своем кабинете
и чем-то занимался там. (О, этот
кабинет! У меня до сих пор холоде-
ет душа, когда я вспоминаю полки,
установленные бесконечными томами
«Свода законов Российской импе-
рии».) Зато какая была радость, ко-
гда папа выходил к нам. Иногда он
сидел просто так. Тогда моим вели-
чайшим удовольствием было набивать
папе папиросы. Для этого надо
было вскрыть коробку с мелко наре-

занным благоухающим табаком, заложить табак в особую машинку. К машинке приставлялась пустая папиросная гильза, машинка закрывалась, затем надо было продвинуть вперед маленький металлический цилиндрок, и, о чудо! — из машинки выскакивала готовая, аккуратно набитая табаком папироса. Я мог заниматься этой операцией без конца, лишь бы папа сидел рядом.

Но иногда папа устраивал нам что-то гораздо более интересное. Это было — «волшебный фонарь». На самом деле это был самый обыкновенный проекционный фонарь. В него вставлялись большие квадратные диапозитивы, а на экране получалось изображение. Диапозитивов было всего несколько, не более десятка. Между ними: «Мальчик-с-пальчик», «Людоед» и цветные — «Лазоревый грот на Капри». Демонстрация длилась не более пятнадцати минут, но она доставляла необыкновенное удовольствие. Вспоминая это, я и сейчас переживаю вновь чувство любопытства, восторга и наслаждения.

В другой раз папа со старшими девочками устраивал телеграф. Провода соединяли разные комнаты, и вдруг в одной из комнат начинал стучать телеграфный аппарат так, как будто он ожил сам собой. Или же занимались разрядкой спирали Румкорфа², или же показывались таинственно-прекрасные, как полярное сияние, огни гейслеровских трубок³. Наконец, иногда папа, как бы по се-

² Спираль (катушка) Румкорфа, индукционная катушка — устройство для получения импульсов высокого напряжения (*здесь и далее прим. ред.*).

³ Гейслеровы трубки — стеклянные трубки разнообразной формы, содержащие разреженные газы и служащие для изучения световых явлений, сопровождающих электрические разряды в разреженных средах.

Николай Антонович Вендланд за роялем, рядом с ним Николай Скалон

крегу, удалялся вместе с моей старшей сестрой Эли. Когда они через полчаса возвращались, то из голубого раствора вынимались сияющие свежей медью медали. Это была гальванопластика⁴. Так незаметно проходили полтора-два часа. Теперь мне, самому маленькому, полагалось идти спать. Несмотря на протесты, я подчинялся. И тут начиналось самое главное в папиных вечерах — игра на рояле. Иногда один, а чаще с мамой, в четыре руки, папа играл. Как он играл! Засыпая, я восторгался этой игрой. Музыка была папиной молитвой, излиянием лучших чувств папиной души как в хвалебных и патетических местах, так и в скорбных или лирических мелодиях. Больше всего папа любил Бетховена и Скрябина. Тогда Скрябин считался новатором; Бетховен, как и теперь, — классиком. У Скрябина новым элементом считались диссонансы, которые обязательно должны были «разрешаться» в последующих гармонических аккордах. Понимать — это значило очень хорошо сопрягать музыку с глубокими переживаниями человеческой души.

Не помню, играл ли папа Чайковского. Во всяком случае, мой детский слух не помнит этой фамилии. Зато с этих детских времен мне помнятся имена Вагнера и Римского-Корсакова. Их папа не играл, а любил слушать, когда это ему

⁴ Гальванопластика — формообразование из цветного металла при помощи осаждения его из раствора (расплава) под действием электрического тока на матрице.

Николай Антонович и Нина Петровна Вендланд

удавалось в Петербурге. В папином дневнике имеются описания оркестровой музыки Вагнера. А Римский-Корсаков был для папы (как и для мамы) не только музыкантом, но и идеологическим авторитетом. Римский-Корсаков наилучшим образом выразил себя в своей опере «Сказание о невидимом граде Китеже». Эту оперу очень любили и папа, и мама. Каждый из них любил ссылаться на арию Февронии, в которой она, гуляя по лесу, поет, что ей не нужен храм, потому что она в лесу, как в храме, молится. Такого рода молитву папа (как и мама) любили больше всего. Папа обычно ходил в церковь только раз в год и, кажется, на Рождественскую всенощную. Когда папа, уже тяжело больной, жил в Крыму, там не было рояля. А я однажды застал папу за столом, внимательно проглядывавшего ноты (это был клavier того же «Града Китежа»). Я спросил: «Папа, зачем ты смотришь на ноты, когда у нас нет рояля?» Он ответил: «Я могу представить себе звуки по нотам!»

Еще папа любил говорить о вступлении к третьему акту оперы «Царь Салтан» Римского-Корсакова. Он говорил о том, как прекрасно изображается там музыкой волнение моря и блеск разноцветных звезд.

Папа (как и мама) очень любили природу. В ней он и она находили свое счастье, считали (как дева Феврония), что в природе можно найти Бога. Вот отрывок из папиного письма, написанного маме из Вильны в конце прошлого века:

Николай Антонович Вендланд. 1912–1913

«Возвращаясь домой, любовался луной, таинственно сиявшей за тучами. Река и Замковая гора были великолепны и величественны. Мне невольно пришло в сотый раз в голову, как дивно хороша природа, как в ней все говорит о гармонии, красоте и истине, и как жалки люди, погруженные в их страстишки, мелкие стремления и дела. Человеку все дано, чтобы он жил заодно с природой, был бы ее лучшим украшением; а вместо этого, он только портит ее или удаляется, отравляя себя неестественным образом жизни, приучая себя думать лишь о том, как бы быть сытым и благополучно пожить завтрашний день. Нельзя, конечно, отрицать того, что причиной этого не один человек, а целые поколения, и теперь нельзя даже сказать, как изменить и улучшить все это. Беда еще в том, что человек редко бывает доволен своей судьбой и желания его обыкновенно не имеют предела. Я, однако, думаю, что это последнее происходит от недостатка умственных способностей и некоторого зверства человеческой природы. Вся житейская мудрость заключается в умении пользоваться настоящим, не поддаваясь огорчениям от неудач, которые всегда и у каждого бывают, и извлекать из него (т. е. из настоящего — *М. И.*) все, что оно может дать — вот для этого нужен настоящий восприимчивый ум. Мне много раз приходилось читать, тебе, вероятно, тоже, как часто люди мечтают, что они будут жить не так, как другие, что у них все будет необыкновенно и т. д. — и чем это кончается? Обыкновенно тем же халатом и туфлями, в которых по целым дням гуляют гос-

Н. С. Прокудин-Горский

пода холостые, мечтая о сытном обеде, в лучшем случае — вспоминая мотивы из модной оперетты (в письме: из оперы «Тыртов и Ивень» — М. И.). Это есть то торжество зла, о котором я тебе как-то говорил. Это ужасно. Оно точно ходит следом за человеком и зорко следит, когда можно хоть на йоту войти в него. Незаметно оно шаг за шагом овладевает им, и нужно иметь постоянную и неизменную силу воли, чтобы не поддаться ему».

Мысли, аналогичные папиным, я встречал у Льва Николаевича Толстого:

«Природа дышала примирительной красотой и силой. Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звездным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы рождаться в душе человека чувство злобы, мщения или страсти истребления себе подобных? Все недоброе в сердце человека должно бы, кажется, исчезнуть в прикосновении с природой — этим непосредственным выражением красоты и добра». (Л. Н. Толстой «Набег. Рассказ волонтера».)

Вернемся к нашим Царскосельским вечерам. Иногда не было слышно музыки. Папа уединялся и занимался фотографией. После музыки это было его любимое занятие. Насколько я помню, у него было несколько фотографических камер. Была стереоскопическая камера с двумя объективами. Каждый давал квадратное изображение 4 × 4 см. Надо было, получив негатив, после получить позитивное изображение на специальных диапозитивных (малочувствительных) пластинках. После оно вставлялось в особый бинокулярный прибор для просмотра, и получалось поражавшее нас стереоскопическое изображение.

Была зеркальная камера, дававшая изображение 9 × 9 см. С этих негативов папа часто делал увеличения. Была еще огромная камера 18 × 24 см, с которой можно было без увеличения делать превосходные фотографии. Вероятно, были и другие камеры.

Занимался папа также и цветной фотографией. Для этого он пользовался французскими пластинками «Люмьер». С их помощью получался цветной диапозитив, который нужно было рассматривать на свет. Размножить эти диапо-

зитивы было нельзя, они существовали в одном экземпляре. Кроме того, папа делал и цветные фото на бумаге методом пинакопии.

На поприще работы с фотографией папа сблизился с известным тогда издателем фотографического журнала и крупным специалистом по цветной фотографии Прокудиным-Горским⁵.

Однажды (около 1965 года) я был в Одессе и посетил художественный музей. Какова же была моя радость, когда на одной из картин я увидел папу, занимающегося фотографией. Эта была картина художника Е. И. Буковецкого⁶ «Фотограф-любитель» 1894 года. К сожалению, сотрудники музея не захотели дать мне подробных сведений об этой картине.

Один из царсосельских вечеров, только раз в году, был исключительным. Это был вечер сочельника — 24 декабря. Мы долго готовились к нему: клеили разноцветные многогранники (так называемые бонбоньерки), ставили и украшали елку. Когда наступал сочельник, я не знал, куда себя девать от нетерпения, и бегал из комнаты в комнату. Наконец, темнело. Дети удалялись из той комнаты, где была поставлена елка. Двери закрывались, и папа дополнял нашу работу последними штрихами. Он протягивал между ветвей елки провод с разноцветными электрическими лампочками. Впрочем, лампочки считались «мертвым» светом. Их не всегда зажигали. Обязательно горели на елке свечи (тоже разноцветные, специально изготовленные) в особых устойчивых подсвечниках. Наконец, двери открывались, и нас приглашали. Какой восторг было сразу увидеть елку, горящую огнями свечей, сверкающую нитями серебристого дождя, увенчанную большой золотой звездой! В центре елки, между ветвей, устанавливались «ясли», то есть небольшая панорама, изображавшая событие Рождества Христова. Несколько минут в полном молчании мы любовались елкой. А затем каждый из детей по отдельности приглашался заглянуть под елку. И каждому там находился подарок. Потом фрейлин начинала петь прекрасные рождественские лютеранские гимны. Мы ей подтягивали. Елка зажигалась и в последующие дни, но никакой день не мог сравниться с сочельником. Другие дни разнообразились приездом гостей: тетя Катя приезжала с целым ворохом гостинцев; тетя Маша — с чем-нибудь интересным; приезжала тетя Саня с детьми; приезжали Грамматчиковы, приезжали Тьжновы. Ставились «пессы», например, басня Крылова «Стрекоза и муравей». Папа мало проявлял себя, но был душой этих елок.

⁵ Сергей Михайлович Прокудин-Горский (1863–1944) — русский фотограф, химик (ученик Менделеева), изобретатель, издатель, педагог.

⁶ Евгений Иосифович Буковецкий (1866–1948) — украинский художник-портретист.

Как видно из перечисленных папиных увлечений, он любил все что угодно, но только не юриспруденцию. А между тем он ею занимался добросовестно, о чем свидетельствует папино продвижение по службе.

Однажды (это было около 1916 г.) мы узнали, что папа получил очень высокий чин, по табели о рангах соответствующий генералу. А так как папа служил в Адмиралтействе, то он имел право надевать морскую форму. Иногда мы видели его в ней. Должно быть, по-граждански этот чин назывался «действительный тайный советник». Точно могу сказать, что после получения этого чина к папе официально обращались «Ваше превосходительство». Знаю я об этом потому, что меня в связи с этим дразнили старшие сестры. Оказывается, к дочерям это «Ваше превосходительство» переходило автоматически, а я, сын, оставался только «Ваше благородие», в расчете на то, что я что-либо большее зарабатую впоследствии сам. Как известно, я пока себе заработал «Ваше Высокопреосвященство»!

Но такие почести не слишком утешали папу. Я убежден, что именно постоянное занятие нелюбимым делом, скучным и нудным, вызвало у папы заболевание раком (саркомой?), который и свел его в могилу в возрасте 49 лет. Вскоре, как мне кажется, через полгода, максимум через год, папа перестал ездить на свою службу. Нас, детей, позвали в родительскую спальню. Папа лежал на постели грустный. Мама сказала: «У папы заболела нога. Это — ишиас, воспаление седалищного нерва. Это больно, но не опасно. Надо поехать в теплый климат, где это скорее пройдет. Мы поедем в Крым». Только тогда в моей душе шевельнулось предчувствие, что все это не будет так просто. Потом, когда папе становилось хуже и даже совсем плохо, я всегда был уверен, что папа все-таки выздоровеет.

Мы уехали в Крым в мае 1917 года и поселились в хорошеньком домике с черепичной крышей. Около дома был большой фруктовый сад. Папа ходил, но совсем мало: по комнатам или в саду, совсем недалеко. Большую часть времени он проводил в спальне: или лежа на постели, или сидя за письменным столом. Он стал читать Евангелие. Но как это удивительно: мне кажется, он его совсем не понимал. Я сужу об этом потому, что он однажды обратился к нам, членам семьи и гостям, прочел нам отрывок Евангелия от Матфея, глава 21, стихи с 33 по 45 — где рассказана притча о злых виноградарях. Прочтя притчу, папа сказал, что не понимает ее значения и просит, чтобы кто-нибудь разъяснил ему. Все молчали. Мне казалось, что притча так проста, что в ней и разъяснять нечего, но я, конечно, также молчал. Папа с грустью ушел к себе в комнату.

Еще он занимался немного фотографией, снимая то, что видно было из дома, с балкона или около дома.

Осенью наши девочки уехали в Одессу. Эли кончила там гимназию. Женья позже окончила гимназию в Ялте. Папа мужественно заботился о том, чтобы в Крыму Рождество прошло, как это было принято у нас всегда. Но не было елки. Срубили небольшой кустик туи и, как смогли, украсили его. Елочных свечей тоже не было. Две-три свечи, с помощью фрейлин, мы вылили из воска. Началась елка очень скромно. Уж я не думал, что будут елочные подарки. Но папа сказал: «Костя, посмотри, что там лежит за елкой?» И я нашел книжку. До сих пор помню, что там были биографии Тропинина и Тараса Шевченко, и до сих пор люблю этих двух людей. Мне было 8 лет. И это была последняя елка, на которой ко мне относились как к ребенку. (После много было елок, но уже меня за ребенка не считали!)

Любовь наших родителей друг к другу приняла несколько иной характер. Теперь папа был в беде. Он болел. И, хотя мы этого не ожидали, болезнь его была смертельной. Теперь мама главенствовала в этой любви. Она всю себя отдала служению папе. Она во имя какого-то ей нужного аскетизма отказалась от мяса, от любимой ею живописи и уже никогда потом не играла на рояле. Она постелила себе постель на полу в папиной спальне (хотя вполне можно было поставить и кровать) и укрывалась какой-то изодранной цветной шалью.

Любя друг друга, родители наши не всегда были одного мнения о чем-либо. Тогда они начинали оживленно спорить и переходили на французский язык для того, чтобы дети не поняли. Но вот в Крыму я уловил момент, когда папа с мамой разошлись по серьезному вопросу. Был темный, холодный вечер, вернее, уже наступила ночь. Мы сидели вокруг стола втроем — папа, мама и я. Освещение — маленькая керосиновая коптилка. Электричества не было, больших ламп не зажигали из экономии. (Коптилка — небольшой металлический цилиндрок с крышечкой, через которую продет фитиль и прилажен маленький регулятор яркости.)

Обсуждался деревенский слух, что немцы поставят артиллерию на горах и будут бить по долине. Папа только что осчастливил меня тем, что сыграл со мной шахматную партию. Я был в восторге от того, как папа поставил мне мат, несмотря на то, что наперед снял с доски свою королеву. И вот мама, протянув руку, взяла кусочек хлеба, разломил его руками и начала есть.

«Нина, — сказал папа, — отчего бы тебе не взять ножик, аккуратно отрезать кусок и тогда есть?»

«Так свободнее!» — сказала мама.

«Свобода! — с упреком воскликнул папа. — До чего она довела? Я, по крайней мере, тогда бы умер спокойно, когда бы знал, что в России есть царь. Пусть самый маленький, но все-таки царь!» Мама смолчала. Она в душе была револю-

Ялта. Фотография Н. Вендланда

ционеркой. Я был очень огорчен такой размолвкой между родителями. До сих пор вспоминаю об этом вечере с болью душевной.

Папу пробовали лечить по-всякому. Его возили в Саки, где он принял курс грязевых ванн; потом пробовали лечить электричеством в Симферополе (в начале 1919 года). Из Симферополя, где ему стало совсем плохо, он уехал с мамой в Ялту. Тогда еще верили, что Ялта может излечить любую болезнь. Весной 1919 года мы продали свое хозяйство татарину и тоже двинулись в Ялту. Наш переезд (фрейлин, Эли, Женя и я) был похож на кочевье цыган. На длинные татарские телеги (маджары) мы погрузили два-три сундука, сели сами и шагом двинулись сперва в Бахчисарай, потом на Ай-Петри. За нами шел бездомный небольшой черный песик Куц (так мы его прозвали за отрубленный хвост). Он был очень несчастен — весь в клещах, и мы поэтому тем более любили его и выдирали клещей. В деревне Коккоз (теперь Соколиное) нам сказали, что дальше идти пешком быстрее, чем ехать по изгибам дороги. Мы оставили Женю на маджаре, а сами пошли вверх тропинками. На дворе стоял май месяц. Красота кругом была неизреченная. Звенели родники, зелень была свежая, иногда попадались дикие цветущие пионы. Фрейлин поддерживала в нас оптимистическое настроение хвалебными религиозными гимнами. Наконец, мы достигли плоскогорья. Там лес стоял еще голый, едва распускались почки, цвели примулы.

Перед обрывом к морю стоял небольшой домик, где нам надлежало заночевать. Этот домик и сейчас стоит на своем месте. Мы прошли к обрыву и долго стояли, глядя на море, на Ялту и на турецкие рыбацкие фелюги, бросившие якорь на рейде. Мы дождались маджар и легли спать. Нам отвели так называемую «дворянскую комнату», там было так холодно, что мы продрожали всю ночь. В соседней комнате было тепло, светло, но очень шумно. Утром мы тем же порядком отправились вниз, сбегая по крутым тропинкам, сокращавшим изгибы дороги. Куц весело бежал за нами, но потом в Ялте он отбился и больше не появлялся.

Папа остановился на квартире в так называемом старом городе, то есть на склоне Поликурова Холма. До сих пор помню этот адрес — Бассейная улица, 15. (Дом и сейчас имеет тот же номер.) Точно к дому нас подвела тетя Оля (мамина сестра), к тому времени учительница рисования в школе, тоже оказавшаяся в Ялте со своими двумя детьми Васильком и Олегом, ставшими моими друзьями.

Мы вошли в папину комнату. Он приподнялся на постели. Поразительно было то, как он похудел и изменился за какие-то три месяца, как мы его не видели. Он имел вид страдальца, страдальца умирающего. И все-таки мысль о его возможной смерти не пришла мне в голову. А ведь мне уже почти полгода как стало 10 лет! Первоначальный диагноз — ишиас, который очень болезнен, но не смертелен — имел на меня гипнотическое влияние. Впрочем, так же думал и папа. Ему стали делать уколы морфия, чтобы утишить боль и дать возможность поспать, а он слабо возражал против этих уколов, говоря, что боится стать наркоманом. Значит, он думал, что имеет еще достаточно времени для того, чтобы быть наркоманом!

В день моих именин (21 мая, по старому стилю) папа позвал меня в свою комнату и сказал:

«Костя, сегодня я исполню любое твое желание, проси».

«Папа, — ответил я, — разреши мне пойти одному на вершину холма и там побыть среди сосен».

«Хорошо, — сказал папа, — но не будь там долго».

Мне почему-то показалось, что папе мое желание не понравилось. До сих пор я не знаю, чего же мне следовало просить?

В последние недели папиной жизни к нему часто стал ходить очень интеллигентный священник — отец Леонид. Он служил в Вознесенской церкви, считавшейся при Ливадийской слободке, но уже на территории Ливадии. (Церковь была разрушена землетрясением 1927 или 1929 г., и теперь около того места, где она была, находится таксомоторный гараж.)

Николай Антонович Вендланд. 1919

Тетя Оля познакомила папу с отцом Леонидом. Когда он приходил, то уединялся с папой около его постели, и они о чем-то долго, тихо, но оживленно беседовали. Может быть, они разбирали Евангелие, а может быть, беседовали о жизни — я не знаю. Знаю только, что эти визиты о. Леонида доставляли папе большое удовольствие. Несомненно, что беседы эти были содержательны и интересны. Они отвлекали папу от грустных мыслей о своей болезни, возвращали его в тот интеллигентный круг, в котором он привык быть. Однажды, когда о. Леонид уходил, Эли спросила его — будет ли папа причащаться? Отец Леонид ответил, что он еще не готов к этому.

Днем 11 июня 1919 года (старый стиль) папа умер, как во сне. На следующий день о. Леонид пришел уже с протодиаконом, с облачением и с кадилом. Это была первая в моей жизни панихида. Как я ее переживал, как удивлялся ее содержанию! Панихида давала надежду там, где уже умерла надежда давала свет во тьме и открывала жизнь как раз там, где только что показала свою, казалось бы, вечную власть смерть. Я с удивлением убедился в том, что папа входит в тот мир, где «праведницы сияют яко солнце», становятся «со святыми». А вот часто повторяемое слово — «упокой» — я принял только наполовину. Ну, пусть папе будет покойно, но пусть он живет, думал я.

Тетя Оля жила в Ливадийской слободке. Там квартиры были гораздо дешевле, и тетя Оля уже присмотрела нам одну. Поэтому решено было отпеть папу в Ливадийской Вознесенской церкви, а похоронить на Ливадийском кладбище.

Итак, мы покинули Басейную улицу и, вместе с погребальным катафалком, прошли пешком всю Ялту и снова поднялись к Ливадии. Отец Леонид послужил литургию и затем совершил отпевание. (Мне очень понравилось, что протодиакон во время литургии из самой глубины алтаря выходил к папе и произносил заупокойную ектению.)

Папину могилу осеняет южнобережный дуб. Кругом, а также на дубе вьется плющ. Сквозь ветви сверкают блики солнца, поют птицы, и, вообще, торжествует южнобережная природа. Это как раз то, что так любил папа. К его могиле очень подходят стихи М. Ю. Лермонтова:

Вознесенская церковь в Ливадии

... Я б хотел забыться и заснуть.
Но не тем холодным сном могилы
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь.
Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной, чтоб вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

Обстоятельства нашей жизни сложились так, что мы жили поблизости от Вознесенской церкви, и я попросил маму позволить мне быть алтарным мальчиком. Мама разрешила. Так папина смерть имела своим последствием мой вход в алтарь.

*Переславль-Залесский.
Сентябрь 1982 г.*

Воспоминания «Моя мама» митрополит Иоанн писал в начале 1980-х годов, будучи правящим архиереем огромной епархии, членом Священного Синода Русской Православной Церкви.

Свои мемуары он давал читать многим людям. Более того, дарил рукописи своих воспоминаний, которые разошлись довольно широко.

В воспоминаниях «Моя мама» владыка касается весьма деликатной сферы, а именно антиклерикальной настроенности Нины Петровны Вендланд. И в этом тонком и самом важном для себя вопросе он ничего не скрывал, не смягчил, не приукрасил, не устранился непонимания. Так велико было его собственное снисхождение к человеческим немощам и ошибкам и упование на милость Божию...

Нина Петровна была дочерью своего века, а потому, как и другие образованные люди, церковную жизнь считала чем-то устаревшим. Но она любила Христа. Мама не препятствовала и тому, чтобы после смерти отца Костя Вендланд вошел в алтарь церкви. Ливадийский батюшка в Крыму пригласил его прислуживать. Будущий митрополит надел маленький стихарь, стал подавать кадило и выносить большую свечу. Общение с первым в его жизни священником, глубокие религиозные переживания, испытанные им в Крыму, приобретенный тогда опыт детской и отроческой молитвы стали, по словам владыки, основой, фундаментом его последующего духовного развития. Укреплению веры во Всемогущего Господа способствовала и прекрасная природа Крыма. Когда Костя бродил по степи, и об этом он тоже написал в своих воспоминаниях, его охватывало необычайное блаженство, связанное с чувством Бога.

Э. М.

МОЯ МАМА

Моя мама, Нина Петровна Кашнева, родилась в 1872 году в С.-Петербурге. Ее отец, мой дедушка, Петр Иванович Кашнев был сенатором. Я помню дедушку, так как он какой-то период времени жил с нами в Царском Селе (в 1913–1917 годах), а потом уехал ко второй своей дочери — Жéне в Одессу, где он умер (около 1918–1920 г.), пережив тетю Женю и ее старшую дочь Нину. Обе они скончались во время эпидемии испанки. Как я помню, дедушка был глубоко расслабленный старик. На своих ногах он мог сделать несколько шагов, и то, опираясь на палку или держась за что-нибудь. А вообще он больше сидел в кресле-каталке, которое возил его слуга по имени Герман. Дедушка был многословен, но иногда им овладевал справедливый гнев, тогда его голос громко гремел басом и раскатывался по всем комнатам нашей квартиры. После завтрака, к которому дедушку торжественно выкатывал Герман, дедушка обычно оставался на своем месте и принимался за пасьянс. Было очень интересно смотреть, как он раскладывает карты.

Мать моей мамы звали Виктория Павловна Максимович (впоследствии Кашнева). Я не помню ее, а только знал, что у нас есть бабушка Вика и что она умерла в самый день праздника Успения Пресвятой Богородицы на одном из курортов нашей Прибалтики (в 1912 г.).

Семейство Кашневых переехало из Петербурга в Вильну, и там протекало детство и юность моей мамы. У Петра Ивановича и Виктории Павловны было трое детей — все дочери: Нина, Евгения и Ольга. Они учились в Виленской женской гимназии.

Закадычным папиным другом, сверстником и одноклассником был тот, которого мы всегда называли «дядя Коля» — Николай Евстафьевич Скалон. Кашневы, Вендланды и Скалоны были знакомы домами. Два Николая (то есть папа и дядя Коля) шуточно называли дом Кашневых «горшок с медом» — это за красоту трех девочек Кашневых. Я не знаю, как училась мама в гимна-

Гимназисты. В нижнем ряду слева — Николай Вендланд и Нина Кашнева. Крайний справа — Николай Скалон

зии, но знаю, что она была весьма образованной женщиной, отлично знавшей русскую литературу от Фонвизина до Горького, прекрасно владевшей игрой на фортепьяно, любившей Евангелие, занимавшейся живописью (пейзаж) и рисунком, владевшей отлично французским и немецким языками (в особенности первым) и сумевшей передать понятие обо всем этом своим детям.

Некоторые находили, что у мамы тяжелый характер, другие — благоговели перед нею. Те, кто не любил ее, считали ее «человеком с надрывом». Правда заключалась в том, что мама была глубоко принципиальным человеком и жила в соответствии со своими взглядами. Дядя Коля, будучи уже в возрасте около 90 лет, произносил мамино имя с благоговением. «Нина, — говорил он, — это такой друг!» Когда я попросил его рассказать о маминой юности подробно, он рассказал мне следующее.

Вскоре после окончания гимназии состоялось мамино сватовство. Но пока не за папу. Это был по тем понятиям сравнительно пожилой человек (около 40 лет), до той поры неженатый. Мама его жалела, но не любила. Она самоотверженно решила пойти за него, чтобы устроить его жизнь. В этом решении сказался мамин альтруизм и, в мамином понимании, принцип евангельского самоотвержения (а в понимании других — свойственный ей «надрыв»).

Нина Петровна Кашнева

Николай Евстафьевич Скалон

Этот человек и мама были официально объявлены женихом и невестой. Он сказал, что получил длительную командировку на Урал, и уехал, обещав вернуться через шесть месяцев. Мама оказалась в неловком положении. Она — невеста, об этом официально объявлено, поэтому она недоступна никому другому, и никто не сможет сделать ей предложение. Пока шел срок шесть месяцев — это еще было терпимо, но полгода минули, а жених не подает о себе вести и не отвечает на письма. Тогда мама становится в глазах тогдашнего общества отвергнутой невестой. Вот тут-то и показал себя дядя Коля. «Нина, — обратился он к ней, — а знаешь ли ты, что тебя любит Коля?» (т. е. мой папа). А мама тоже любила папу, но не из жалости, а по-настоящему. Вся история с предыдущим женихом была надуманной попыткой «отвергнуться себя». Дядя Коля мигом сообщил все папе, и тогда папа объяснился и сделал формальное предложение маме.

Где-то в конце 90-х годов (вероятно, в 1897 году, то есть когда папе было 27 лет, а маме 25 лет) состоялась их свадьба. Дядя Коля, всегдашний друг папы, стал другом всей нашей семьи, особенно мамы. Кстати, он и правда для нас дядя, так как ко времени папиной свадьбы он был уже женат на младшей из барышень Кашневых — тете Оле. Средняя Кашневых — тетя Женя — вышла замуж за нотариуса Дмитрия Грамматчикова.

Нина Петровна Вендланд с Костей. 1909

Этот нотариус имел свою контору в С.-Петербурге на Литейном проспекте, а потом для пользы дела переехал в Одессу. Он мой крестный.

Мама очень любила своих детей. Нас было трое: Эли (год рождения 1899), Женя (1903) и Костя, то есть — я (1909). С моим появлением на свет связано огромное влияние нашей бабушки, папиной мамы — Елизаветы Карловны Вендланд⁷, урожденной Шильдер. Бабушка (лумянская) находила, что необходим продолжатель рода Вендландов, а поэтому нужен мальчик, и она настояла на том, чтобы было сделано все необходимое для его появления. Но, кроме того, бабушка

молилась. Она была глубоко верующим православным человеком и молилась от всей души. Я не помню бабушки, или, может быть, помню слишком абстрактно, как нечто очень светлое, ласковое и необыкновенно доброе. Должно быть, она такая и была, судя по записям в папином дневнике и по сохранившимся фотографиям. С них смотрит очень серьезное, но очень доброе лицо. Бабушка лумянская умерла 21 июля 1911 года.

Я родился у мамы в четверг 14 (1) января 1909 года в час дня, и меня радует, что это был Новый год и что колокола всех церквей, по случаю окончания литургии, тогда звонили.

По рассказам мамы, я родился худым, как «скелет», но она откормила меня, «как поросенка». Есть фотографии, свидетельствующие — второе. Когда мне стало года четыре или пять, я помню маму, укладывающую меня спать и с большим чувством, медленно осеняющую меня крестным знамением. Еще помню, как она меня учила молитве «Отче наш». При этом она особенно настойчиво останавливалась на слове «наш». «Наш, — говорила она, — а не мой только. Бог — Отец и для тебя, и для Эли, и для Жени, и для всякого другого человека». Также и вещи. Никогда не называй их своими. Не говори: «мой моло-

⁷ Елизавета Карловна Вендланд, «бабушка (лумянская)», дочь генерал-адъютанта Карла Андреевича Шильдера от второго брака. Жила в имении Лумна Брестского уезда.

ток», «мой совок», а всегда говори: «наш молоток» и т. д., потому что наши вещи общие.

И еще мама любила Христа, целиком разделяла Его нравственные идеалы. Она была в этом отношении дочерью своего века.

Среди интеллигенции XIX века и начала XX века и до А. Блока был живой интерес к Христу. Часть этой интеллигенции была церковной, а другая часть антиклерикальной, но интерес ко Христу и желание исполнять Его заповеди были в обеих частях. Лев Толстой соответствует обоим частям: когда он писал «Анну Каренину» — он был православным (пример Левина), когда же писал «Воскресенье» — то стал антиклерикалом.

Поленов искал Христа в обыденном образе простого человека. Гофман⁸ и А. Иванов⁹ нашли в своих картинах такого Христа, которого мы узнаем из Евангельских строчек.

Такого же Христа мы узнаем в великолепной и очень популярной скульптуре Б. Торвальдсена¹⁰. Евангелие, как живая книга, привлекала всех. У Достоев-

Нина Петровна с детьми — Эли (13 лет), Женей (10 лет) и Костей (4 года). 1913

⁸ Генрих Фердинанд Гофман (1824–1911) — немецкий исторический живописец, художник-иллюстратор и педагог, автор картин «Христос в Гефсимании», «Христос и богатый юноша», «Пленение Спасителя в Гефсиманском саду», «Проповедь Христа на Генисаретском озере» и др.

⁹ Александр Андреевич Иванов (1806–1858) — русский художник, академик; создатель произведений на библейские и антично-мифологические сюжеты, автор полотна «Явление Христа народу».

¹⁰ Бертель Торвальдсен (1770–1844) — датский художник, скульптор. Статуя Христа работы Торвальдсена находится в соборе Богоматери в Копенгагене.

ского «убийца и блудница склоняются над чтением Вечной Книги («Преступление и наказание» — Раскольников и Соня Мармеладова).

Мама имела при себе свое маленькое Евангелие, никогда не расставалась с ним, часто читала и написала на нем: «Эту книгу прошу положить со мной в гроб».

Она всю жизнь думала о Христе и всеми силами старалась исполнить Его заповеди, но она не соглашалась видеть в Нем Сына Божия и была антиклерикальным человеком. Тем не менее, она обязательно ходила в церковь на 12 Евангелий и к Христовой заутрене.

Иногда она даже принимала интеллигентных священников, как, например, о. Леонида, регулярно навещавшего папу перед его смертью, или о. Александра, приходящего к нам два раза в год. Когда мне было 10 лет, мама согласилась, чтобы я был алтарным мальчиком (у о. Леонида). Но дальше, когда мы все трое стали очень «увлекаться церковью» и посещать ее чуть ли не каждый день, — мама стала в оппозицию к нам. Она чувствовала себя очень одинокой и постоянно спрашивала: «Когда же это кончится?» Но это не кончалось, и мамин антиклерикализм усиливался.

Однажды, когда мне было 12 лет и мы уже вернулись в Ленинград (тогда еще Петроград), я попробовал подробнее выяснить, по каким основаниям мама отвергает Божество Христа. Моими аргументами были некоторые места из Евангелия от Матфея и Иоанна, где Христос назвал Себя Сыном Божиим. Мама парировала эти аргументы тем, что говорила, что «Бог — всем Отец». Кроме того, она говорила, что если принять за истину обитаемость разумными существами многих миров (тогда среди интеллигенции не столько было распространено учение Джордано Бруно, сколько книга Камилла Фламариона «Популярная астрономия»), то неужели на каждую такую планету должен был сходить и воплощаться Сын Божий и распинаться за грехи ее обитателей? «Это абсурдно, — говорила мама, — а значит, Христос — только очень, очень выдающийся и близкий к Богу человек».

И тогда в сердце мое «заполз» змей и шепнул мне: «А что, если стать на точку зрения мамы?» Две веры стали в моем сердце одна против другой: одна — что Христос — настоящий Сын Божий, другая — что Он — выдающийся человек.

Чтобы разобраться в этих верах, я пошел в Казанский собор (он тогда был еще открыт). Я ходил по собору, рассматривал образа и остановился перед огромным Распятием и долго смотрел на Него. И вдруг я увидел, что голова Христа приподнялась и Он взглянул на меня с глубочайшим сожалением. Тогда я прослезился и поверил православно. Змий ложной веры был изгнан из моего

Казанский собор в Санкт-Петербурге. Кон. XIX в.

сердца моментально. В арсенале антиклерикальных тезисов у мамы было то, что церковники только и знают, что хныкать: «Господи, помилуй» и не умеют прославлять Бога. Я (лет 10) специально пошел в церковь, и первое, что я услышал, вместо ожидаемого — «Господи, помилуй» — было: «Благослови, душе моя, Господа». Правда, потом было много и «Господи, помилуй». Несомненно, под маминым влиянием я чувствую себя, и теперь не по себе, когда «Господи, помилуй» читают 40 раз!

Однако были у мамы и такие церковные молитвы, которые она любила: это прежде всего «Царю Небесный». Именно эту молитву и никакую другую мы пели трое, приходя с мамой на папину могилу. Я уже говорил, какое большое значение придавала мама молитве «Отче наш». И еще она любила — «Святый Боже». Зайдя однажды на несколько минут в церковь, мама застала пение «Святый Боже» Чайковского. Потом она говорила, что была глубоко тронута этим пением. А вообще мама говорила, что самая высшая молитва — это молитва без слов. Такое утверждение в точности совпадает с учением святых отцов.

Только святые отцы утверждали, что для того, чтобы достичь этой молитвы, надо пройти тернистый путь восхождения от молитвы волевой — сперва телесной — устами и телом (крестное знамение и поклоны), затем — умом и сердцем и прийти к высшей форме — неизреченной молитве (т. е. без слов) — тогда уже не своими силами, а только благодатию Божией.

На прогулке. На переднем плане Эми, Нина Петровна и Костя

Мама же предлагала прямо достичь молитвы без слов. Почему она так говорила? Отчасти из того же антиклерикализма, чтобы противопоставить бессловесную молитву многословию церковного богослужения. Но только отчасти. Она так убежденно и неоднократно повторяла, что высшая форма молитвы есть молитва без слов, что я теперь думаю, что дар такой молитвы был у нее ниспосланный свыше. Чтобы это понять лучше, надо иметь в виду еще две особенности маминого мироощущения. Первое — то, что мама была человеком очень музыкальным, знала музыку; в первую половину своей жизни много ее слушала и сама прекрасно играла на рояле (больше всего любила Скрябина, но *исходя* из Бетховена).

Второе — то, что мама очень любила природу. Она очень много раз и на протяжении всей жизни (в особенности, когда была хорошая погода!) повторяла, что хотела бы «сраствориться» с природой. Это она хотела потому, что верила, что в природе присутствует Бог. Строгий догматизм увидел бы в этом убеждении ересь пантеизма, но мама совсем не отождествляла природу и Бога, она верила, что Бог — Творец всего, что существует, и что Он сопричастен Своему творению. Поэтому мама очень любила прогулки на природу и как художник писала маслом пейзажи, причем любила в них показать красоту чего-нибудь самого обыкновенного и неприметного (калитка в стенке, облако, куст

ольхи, болотистый луг с деревьями). В этом вовлечении природы в свою духовную жизнь нет ничего нецерковного: для того Отцы и уходили в пустыню, чтобы лучше почувствовать Бога.

Но особо популярным такое стремление сделал для интеллигенции маминго времени Римский-Корсаков своей оперой «Сказание о невидимом граде Китеже». Там дева Феврония, находясь в лесу, поет о том, что ей не нужен храм Божий: лес для нее как храм. Мама (да и папа тоже) очень часто вспоминали об этом месте оперы.

Наше расхождение с мамой по вопросу о Божестве Господа Иисуса Христа и о церковности было очень тяжело и для нас, и для нее. Для нее в особенности, потому что она оставалась одинокой. И вот мы решили обратиться к прозорливцам. Нам был доступен один прозорливец — отец Варнава, монах Оптинской пустыни в священном сане игумена. Побеседовать с ним о маме взялась матушка Серафима (Яковлева). Отец Варнава со всею уверенностью сказал матушке Серафиме, что наша мама спасется. Через год я навестил о. Варнаву в Гатчине, но посчитал невежливым повторять вопрос матушки Серафимы, как будто я не верю с первого слова. Однако я надеялся, что о. Варнава что-нибудь сам скажет. Но он мне ничего не сказал. Он принял меня очень весело и дружелюбно, рассказал о том, как был шахтером и потерял часть ноги в несчастном случае, и еще рассказал один очень интересный эпизод из своего недавнего прошлого. Наша беседа была в 1936 году.

Мама умерла в Фергане. Обстоятельства ее смерти были следующие. Она жила в однокомнатном доме вместе с Женей. Эли была врачом в прифронтовой полосе. Я — в Ташкенте, летом в экспедиции. Мне пришлось заезжать в Фергану. Получилось, что я как бы простился с мамой, хотя я совсем не думал о том, что конец ее жизни близок. Она выглядела нормальной старушкой, ей шел 72-й год. Она повторяла, что дождется возвращения Эли с фронта. Но вот, когда я уже уехал, здоровье ее стало ухудшаться. Она слегла и накануне смерти с любовью обратилась к Жене и сказала ей: «Дитюша моя!» Так она любила обращаться к каждому из нас. Больше ничего она не сказала и на следующий день умерла, как бы во сне. Этот день был 12 сентября 1943 года. В этот день Церковь празднует память святого Александра Невского, и в то время как мама умерла, о. Гурий в своем доме в предместье Ферганы служил Божественную литургию. Потом он отпевал маму, и она была похоронена по всем правилам Православной Церкви. Он говорил нам потом, что в этот день «она присоединилась к тому обществу, в котором пребывает св. Александр». Я верю, что это было прозорливое и даже очень усиленное повторение того, о чем прежде так прозорливо сказал о. Варнава.

Нина Петровна Вендланд. Царское Село

Вернемся теперь к тому, каковы были некоторые внешние обстоятельства маминого жизненного пути. Годы до начала папиной болезни прошли для мамы сравнительно безмятежно. Бурей, потрясшей эту жизнь, было воспаление легких у Эли, столь сильное, что она находилась на грани жизни и смерти.

После ее выздоровления родители решили выехать из Петербурга и поселиться в Царском Селе. Оттуда папа каждый день ездил на свою службу в Адмиралтейство. Он выходил из дома в 8 часов утра и возвращался около 18 часов, а в 20 часов мне уже полагалось ложиться спать.

Зато каким наслаждением было слушать родительскую игру на рояле, лежа на постели! Папа с мамой

садились рядом и играли в четыре руки. Под дивную музыку их игры я засыпал.

Началась война 1914 года. Мама была охвачена духом патриотизма. Размахивая газетами, она восклицала: «Нет, этому Вильгельму не взять Варшаву!» Но после долгих боев Варшава была оставлена.

Осенью 1916 года нас всех позвали в родительскую спальню. Папа лежал на своей постели печальный. «Папа болен, — сказала мама, — он пока не будет ездить на службу. Но это ничего. Папа поправится. У него только болит нога. Доктора говорят, что это ишиас — воспаление седалищного нерва. Он проходит в теплом сухом климате. Поэтому мы летом поедем в Крым». Казалось бы, надо было радоваться, но мы предчувствовали, что дело не так просто.

Февральской ночью 1917 года нас разбудили — на улице стреляли. Нас перевели в задние комнаты. Потом мы узнали, что царь отрекся. Мама по этому поводу торжествовала. Но, с нашей точки зрения, взрослые все сошли с ума. Они перестали обращать внимание на нас и бесконечно спорили на политические темы. Иногда, в знак протеста, мы начинали выть. Мама все больше углублялась в свою любимую книгу: П. Кропоткин «Записки революционера». Наконец, мы выехали в Крым из Петербурга в мягком вагоне 2-го класса «Петербург—Севастополь». Мы вышли на станции «Бахчисарай». Многочислен-

ные владельцы татарских линеек предлагали нам свои услуги. На двух линейках мы поехали по пыльному шоссе, по той дороге, что ведет на северную сторону Севастополя. Через семь верст показался белый домик, покрытый черепицей, с обширной террасой и прилегающим участком. (Этот домик до сих пор стоит, только террасу забрали стеклами. В доме фельдшерский пункт.)

Мама, следуя своему принципу крайнего ограничения личных потребностей, перестала есть мясо. Кроме того, от печали по поводу папиной болезни перестала играть на рояле и заниматься живописью. Эти ограничения она сохранила до смерти. В папиной комнате, где он либо сидел за письменным столом, либо лежал на высокой пружинной кровати, мама постелила на полу тюфячок и покрывалась какой-то живописной и изодранной шалью. Папе было трудно ходить. Он проходил не более 200 метров. Если хотел дышать свежим воздухом, он выходил на террасу. Он стал пользоваться палкой, а иногда костылем. Итак, мама впервые в жизни стала хозяйкой в сельскохозяйственном смысле. Надо сказать, что это удавалось ей не очень хорошо. Даже мы, дети, стали роптать на то, что мы не видим молока и яиц в чистом виде. (Мама выкладывала их в пищу, высчитывая калории.) Гостившая у нас этим летом Саша Лермонтова месяца через полтора поссорилась с мамой, как она пишет в своих мемуарах, на почве совершенного неумения Ниной Петровной вести хозяйство. (Саша — это моя двоюродная сестра. Мне она доставляла много радости, потому что держалась очень дружелюбно, как старший товарищ, и очень увлекательно рассказывала сказки. К моему большому сожалению, Саша уехала от нас домой в Петроград.)

Хозяйственное положение выправила фрейлин. Фрейлин — это моя няня, эстонка, лютеранка Констанция Александровна Кирш. Договариваясь с ней, мама сказала, чтобы она разговаривала со мной по-немецки, так как по-русски она не совсем правильно говорила, а эстонский язык мне ни к чему. Фрейлин была прекрасной няней, и, кроме того, когда на Рождество зажигалась елка, фрейлин начинала петь по-немецки рождественские лютеранские гимны и этим умела придать Рождеству, проводимому по-мирски, соответствующий ему религиозный характер. Я до сих пор помню эти гимны. Так вот, фрейлин, не оставившая нас в течение всей нашей крымской эпопеи, вошла в управление нашим хозяйством и, благодаря своей практической сметке, очень быстро поставила его правильно. У нас появилась корова, умножились куры, было много парного молока, простокваши, яиц. Мама была настолько благоразумна и миролюбива, что совершенно никаких конфликтов и даже споров с фрейлин у нее никогда не было. Конечно, и фрейлин была очень культурна и тактична. Еще была с нами моя двоюродная сестра Нина Грамматчикова. Мне было уже во-

Екатерина Владимировна Лермонтова, двоюродная сестра Кости, палеонтолог. Благодаря ей он стал геологом

семь лет, и меня стали учить по гимназическому курсу I класса. Нине был поручен Закон Божий и история, Эли — все остальное. Нина прекрасно изъясняла мне понятие о вездеприсутствии Божиим. Осенью все наши девочки уехали в Одессу к тете Жене, там они учились в гимназии и пели в церковном хоре.

Громы Октябрьской революции дошли до нас очень слабо. Мама успела уже в ноябре поехать в Петроград, перевезти некоторые наши вещи из Детского Села в Петроград, к Лермонтовым, и вернуться к нам.

В начале лета 1918 года мои сестры вернулись. Папе не становилось лучше, хотя как будто не становилось и хуже. Скоро наступил день, когда мама позвала всех нас в его комнату. Папа лежал без сознания и храпел. Когда храп прекращался, доктор вводил камфору, и папа начинал дышать снова, но с храпом. Бедная мама! В ней все еще теплилась надежда. Папа умер 24 (2) июня 1919 года. Его похоронили на Ливадийском кладбище. Мы заняли квартиру в две комнаты у хозяйки в Ливадийской слободке. Наши средства практически исчерпались. Осталось только продать серебряные ложки. Мама получила работу продавщицы хлеба, но она торговала в убыток, т. к. боялась обвесить покупателя. Фрейлин заменила ее с гораздо большим успехом. Тогда мама стала учиться сапожному мастерству. Действительно, она смогла починить ботинки всем нам, но не знаю, заработала ли она на этом ремесле хоть один раз. Мама (вместе с нами, конечно) ходила в горы, в лес, где разрешалось собирать хворост и приволочь вязанку домой.

Маму нашла дальняя родственница и давняя подруга — тетя Лёля. Тетя Лёля приходила к маме и подолгу беседовала с ней. Иногда они сидели с час и более молча, а потом говорили, что, несмотря на молчание, это было очень приятно и что такое молчание стоит хорошей беседы. А когда они говорили, то, например, о том, какого цвета аура у людей хороших и плохих; или — правильно ли сделала Соня Мармеладова, что для спасения жизни своей семьи пошла на улицу?

Мы выехали из Симферополя в 1921 году и приехали в Петроград осенью 1921 года. Приехали мы в дом тети Кати. Там была она и ее дети — мои двоюродные: Воля, Китя, Саша, некоторые дальние родственники их и Мунечка,

очень милая пожилая женщина. Нас приняли очень приветливо и, дав отдохнуть несколько дней, стали совместно решать — как нам устроиться. В то время улицы Петрограда еще заросли травой и найти квартиру не представляло труда. Мы могли поселиться хотя бы на Васильевском острове. Но Лермонтовы, в интересах сохранения цельности своей огромной квартиры, а также, конечно, из родственных чувств, пригласили нас к себе. Мама взялась принять из рук Кити кухню. А Ките это дало возможность вернуться к своему занятию — палеонтологии в Геологическом комитете. Китя умерла в блокаду около больной матери (тети Кати). Сейчас Китя (Лермонтова Екатерина Владимировна) признана как крупный палеонтолог и стратиграф¹¹.

Я учился в школе, колос и таскал дрова и т. д. Потом я учился в Горном институте, окончил его, работал на Урале, потом опять в Ленинграде, наконец, нашел свое место в Ташкенте (как геолог и преподаватель).

Мама жила большей частью со мной, но последние 2–3 года у Жени в Фергане.

Да упокоит Господь душу ее в селениях райских и да исполнит все лучшие ее желания!

Переславль-Залесский
1980–1982 г.

¹¹ *Стратигра́фия* — раздел геологии, наука об определении относительного геологического возраста слоистых осадочных и вулканогенных горных пород, расчленении толщ пород и корреляции различных геологических образований.

В небольшом повествовании с академическим названием «Пример возникновения и развития религиозного чувства» митрополит Иоанн Вендланд рассказывает о себе в третьем лице. Ссылка на некую сестру знакомого ему человека не более как литературный прием, который позволил Владыке рассказать о становлении собственного внутреннего мира. Некоторые детали этой небольшой работы перекликаются с ранее сказанным или даже полностью повторяют какие-то эпизоды, что свидетельствует об их важности. Мы сознательно не убираем эти повторы.

Э. М.

ПРИМЕР ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЧУВСТВА

Сестра одного из хорошо знакомых мне людей рассказала о своем брате следующее.

Родившись 1-го января (ст. стиля), он был крещен в день трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого — 30-го января.

Первое сознательное проявление религиозного чувства у ее брата было, по-видимому, в возрасте около трех лет. Это было чувство блаженства, когда мама, уложив его в постель, осеняла ребенка крестным знаменем.

Нравственность и религиозность взаимно связаны. Мама, сама человек очень самоотверженный, учила своих детей никогда не говорить: «это мой молоток», «это моя игрушка». Нет, надо было сказать: «наш молоток», «наша игрушка». Такое наставление вело к нестяжательности и было подготовкой к тому, что составляет следующий этап религиозного развития.

Этим следующим этапом была молитва «Отче наш». Постепенно и легко ребенок запомнил ее наизусть. При этом мама учила его так: «Обрати внимание, что мы, когда молимся, говорим: “Отче наш”, а не “Отче мой”. Значит, мы думаем обо всех, а не о себе одном». Впрочем, мама была сторонницей «молитвы без слов». Она называла ее высшей формой молитвы. Идеалом ее был образ девы Февронии из оперы Н. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже». И мама была охвачена такой молитвой в тех случаях, когда попадала на лоно природы и, растворяясь в этой природе, вместе с нею восходила к Богу.

Ребенок же рос очень плаксивым. Совершенно незначительного пустяка было достаточно, чтобы его обидеть и вызвать слезы. Старшие дразнили его плаксой. Состояние плаксы было тяжело и самому ребенку. Ему казалось, что старшие его не понимают и поэтому упрекают его в том, в чем он совершенно

Нина Петровна Вендланд с Костей. 1910

не виноват. Однажды, это было летом, ребенок сидел в комнате один и размышлял о том, как нехорошо, что он плакса; тем более нехорошо, потому что он мальчик, который вообще никогда не должен плакать. И вдруг какое-то озарение внезапно сошло на душу мальчика. Он понял, что все его огорчения — мелочь по сравнению с одной великой истиной, заключающейся в том, что есть Бог, присутствующий всюду и особенно чувствуемый тогда, когда летнее солнце озаряет окружающие деревья. С этого дня мальчик перестал плакать.

Нужно вспомнить один курьезный случай: мальчик узнал о Страшном Суде и о том, что Христос поставит по левую сторону, а затем отправит в ад тех, кто не творил милостыни. Ребенок загорелся желанием творить милостыню. Но как? Естественно, что денег у ребенка не было. А между тем в родительской гостиной был столик, на котором была рассыпана серебряная мелочь. Мальчик почти всю ее присвоил себе, намереваясь затем улучшить время, чтобы раздать ее у церкви нищим. Возмездие пришло слишком скоро: в тот же день родители обнаружили кражу и мальчик стал «презренным вором», вместо того чтобы быть кандидатом на правую сторону.

Мальчик не в силах был объяснить причину своего поступка. Тут опять он только плакал. А он-то думал, что и родителям сделает добро (т. е. обеспечит им стояние справа), если раздаст принадлежащие им деньги!

Время шло, и ребенок рос. В связи с болезнью отца семья переехала в Крым. Там мальчика стали учить наукам домашним способом. Нина, его двоюродная сестра, объяснила ему значение молитвы «Царю Небесный», подчеркивая при этом место о вездеприсутствии Святого Духа. Это очень вдохновило отрока. Мимоходом и здесь, в Крыму, произошло хотя и мимолетное, но оригинальное искушение. Дело в том, что среди галечника реки Качи можно было довольно легко находить всевозможные археологического порядка предметы.

Особенно много было маленьких, из обожженной глины красных светильников. Однажды попался хотя и обкатанный, но все же ясно различимый болванчик. Видно было лицо и соединенные на животике руки. Болванчика, как особенно интересный предмет, взяли в дом, где он и валялся в углу комнаты. Наш отрок однажды, рассматривая болванчика, размышлял о том, как это люди были идолопоклонниками, между тем как Бог — Единый и Истинный. И вот отроку внезапно пришла в голову мысль — «поиграть». Поиграть в идолопоклонника, т. е. поставив болванчика на почетное место, поклониться ему. Уже идол был поставлен на подоконник, и оставалось только совершить ему поклон. Но отрока остановило чувство мерзости такого поступка, который хотя и был запланирован как игра, но все же являлся недопустимым. Отрок низверг идола и не стал кланяться ему. После этого отрок испытал чувство огромного облегчения.

Нина научила мальчика еще двум молитвам: утренней — «К Тебе Владыко, Человеколюбче...» и вечерней — «Господи, Боже наш, еже согреших...». Отрок с большой охотой про себя произносил их и утром, и вечером.

Отец семьи сильно болел. Он перестал выходить в сад. Обширный балкон был единственным местом, где он получал свежий воздух. Часто отец читал Евангелие. Однажды он удивил всех. Выйдя на балкон, он вслух прочитал притчу о неправедных виноградарях и спросил всех присутствовавших, могут ли они объяснить эту притчу, потому что он ее не понимает. Никто за это не взялся. Молчал и наш отрок, но про себя думал: «Что это папа не понимает таких простых вещей? Притча совершенно ясна сама по себе!»

Между тем отцу стало еще хуже, и семья из окрестностей Бахчисарая переехала в Ялту, надеясь на всеисцеляющее действие ялтинского климата. Здесь 10-летний отрок впервые увидел священника. Это был отец Леонид, настоятель Вознесенской приходской церкви в Ливадии, обслуживающий население Ливадийской слободки и небольшое количество интеллигентных семей, проживающих на территории, прилегающей к Ливадийскому дворцовому парку.

Почти каждый день отец Леонид пешком спускался из Ливадии в город, пересекал его и поднимался почти на одну треть Поликуровского холма для того, чтобы навестить отца нашего отрока. Он входил в спальню, где лежал больной, и разговаривал с ним около часу. Должно быть, и сам священник находил удовольствие в беседе с таким интеллигентным человеком. В чем заключалась беседа — осталось неизвестным.

Приход священника всегда очень интересовал нашего отрока, хотя прямых контактов он с ним не имел, только вежливо здоровался с ним. Но вот наступил страшный день. Всех членов семьи позвали в спальню отца. Папа лежал на спи-

не и громко храпел. Он как будто спал, но на самом деле, вероятно, был без сознания. Постепенно этот храп становился тише и даже вовсе прекращался. Тогда доктор делал умирающему укол камфоры, и храп снова возобновлялся. Однако было заметно, что с каждым разом камфора действует слабее. Папа умер. Это было 11 июня 1919 года. Великое горе охватило всех. И мальчик чувствовал себя сиротой, таким сиротой, какие бывают описаны в детских книжках.

На следующий день, когда отец, уже обряженный надлежащим образом, лежал в гробу, пришел отец Леонид с протодиаконом и отслужил панихиду.

Огромное впечатление произвела эта панихида на нашего отрока. Он был совершенно потрясен и утешен. В самом деле, панихида говорила о жизни там, где царилась смерть; он стал уверен, что папа перешел туда, где «праведницы сияют яко светила», что папа — живет!

В самом деле, уже будучи взрослым, отрок не мог забыть этой панихиды, которая дала надежду там, где царил отчаяние, и веру там, где царил тупое неведение. Панихида соперничала с литургией по своей оптимистичности. Отрока взял отец Леонид прислуживать в алтаре. Он получил маленький стихарь, должен был подавать кадило, выносить большую свечу и т. д. Это была большая радость, которая продолжалась около двух лет.

В памяти мальчика осталась первая слышанная им Христова заутреня. Она запечатлелась как нечто очень светлое, сияющее золотом и украшенное голубым цветом.

Отрок уже учился в Ялтинской гимназии, но вскоре его перевели (и притом через класс) в школу, находившуюся ближе по месту жительства. Вместо интеллигентного общества он попал в общество довольно хулиганистое. Учиться там было почти ежедневным страданием. В особенности мальчику был противен один мальчишка, надоедавший ему с дракой. К счастью, настала весна, и обучение в школе кончилось. Семья переехала из Ялты в Симферополь, намереваясь дальше двигаться в родные северные края. Около месяца мальчик пробыл в окрестностях Симферополя. Здесь ему днем предоставлялась полная свобода, и он один бродил по полевым дорогам или даже по необработанной степи.

Во время этих прогулок в душе мальчика происходила большая работа. Он вспоминал своего врага, противного мальчишку. Он думал, каким бы истязаниям он подверг бы его, если бы тот оказался в его власти. Все это было нереально: «враги» уже расстались, и не предвиделось, чтобы они когда-нибудь встретились вновь. Однако злая память о нем и обида заставляли работать внутренние душевные силы. Но однажды (и это произошло с необычайной быстротой) в душе отрока, как некий свет, как озарение, возникла мысль: а что, если его простить? И сердце мальчика тотчас согласилось с этой мыслью. Как стало

все светло кругом! И светло в душе! От радости отрок не знал, что ему делать: бежать, скакать или петь?!

Теперь надо сказать еще об одном и, пожалуй, самом важном. Когда отроку случилось покинуть обработанные земли и бродить по простой запущенной степи, его охватывало какое-то необычайное блаженство, связанное с чувством Бога.

Трудно судить об этом состоянии, но оно было прекрасно. Потом, уже взрослый, мальчик стал священником, а затем и довольно заметным архиереем. В этом тоже есть свое счастье. Но никогда чувство Бога, как источника необычайного блаженства, не достигало такой силы, как тогда, во время хождения по пустой крымской степи. Это время было кульминацией его религиозного чувства. Об этом мальчик вспоминает и теперь, когда за всеюношней слышит такие слова: «Пустынным непрестанное Божественное желание бывает, мира сущим суетного кроме».

Перед кончиной, отвечая на вопрос, какую роль в его жизни сыграла старшая сестра Елизавета Николаевна, монахиня Евфросиния, митрополит Иоанн ответил так: «Огромную!»

Елизавета Николаевна была старше своего брата почти на десять лет. Она первой потянулась своей чистой и нежной душой к монашеству, восприняв его как неоскудевающую любовь к Богу и милосердие к людям. Монашество — это значит всю жизнь отдать Богу и ближним. Это значит иметь в сердце огромное милосердие!

Но при этом монашество свое необходимо скрывать. Так она понимала свой выбор. Монахиня Евфросиния всегда вдохновляла на избранном пути своего младшего брата. Постоянно пеклась о нем. Он и сам тянулся к Богу, а она еще больше возвышала его.

Удивительно единомышленно шли по пути служения Церкви Христовой владыка Иоанн и его старшая сестра (средняя сестра, инокиня Евгения, умерла во время Великой Отечественной войны в Средней Азии). Матушка Евфросиния всегда оставалась верной помощницей своему брату. В исключительно деликатной форме она помогала ему и тогда, когда он уже стал архиереем. В прекрасную, сокровенную монашескую одежду были облачены их молитвы и заботы друг о друге. До слез утешало, умиляло и радовало это тех, кто хоть краем глаза мог видеть их душевную красоту.

Э. М.

ЭЛИ. МОЯ СЕСТРА ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА ВЕНДЛАНД (МОНАХИНЯ ЕВФРОСИНИЯ)

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО

Первенец и любимая дочь моих папы и мамы Эли родилась 31 декабря (старый стиль) 1899 года в городе Вильна (теперь Вильнюс). Там протекали гимназические годы наших родителей.

По характеру, здоровой любознательности и трудолюбию (огород, столярное дело и прочее) она уже к десяти годам была интересной собеседницей для папы.

Первые десять лет своей жизни Эли часто проводила у нашей бабушки Елизаветы Карловны Вендланд (урожденной Шильдер) — папиной мамы. Бабушка была существом, исполненным любви, притом была очень религиозная. Эли имела возможность постоянно быть на лоне природы. Она пишет в своем дневнике: «Я каждый день молилась Богу, и постоянно у меня было умиление перед Ним». Эта духовная жизнь подверглась испытанию чисто детского, но очень сильного характера: «Темная аллея налево от дома мне почему-то представлялась чем-то страшным, местопребыванием леших, домовых и всяких нечистых сил. Я очень часто стремглав пробегала эти места. Но иногда я начинала молиться и просить у Бога защиты. Тогда появлялась уверенность, что никто меня не посмеет тронуть, и всякий страх исчезал, и я чувствовала себя как бы в какой броне».

К осени 1911 года Эли вернулась в Петербург и поступила в частную гимназию госпожи Геда, где успешно начала проходить курс наук.

Там преподавал Закон Божий очень хороший священник, настоятель Покровской церкви (впоследствии он стал епископом Гдовским Дмитрием, ушел в «Григорианский раскол», служил в Ленинграде в храме «Воскресения на Крови».)

Зимой 1911–1912 года Эли заболела воспалением легких. Папа вспоминает, что она вернулась очень веселая из гимназии, где получила хорошие отметки,

Вид на Никольский морской собор. Фотолитография. 1890-е

а потом играла в снежки в садике, что при Никольском соборе. По ее веселому виду никто бы не подумал, что она уже больна, но после вспомнили, что лицо у нее было слишком раскрасневшимся, а глаза сверкали алмазным блеском. На следующее утро у нее оказалась высокая температура и было обнаружено воспаление легких. Болезнь затянулась и приобрела опасный характер, так что лечащий врач не высказывал никаких надежд на ее выздоровление. Но папа сидел у ее постели и так усердно молился Богу, как никогда в жизни. Он запишет в своем дневнике: «Тот не знает, что значит молитва, кто не сидел у постели смертельно больного своего ребенка». И Элинька выздоровела. Сама она была во время болезни как бы во сне и не знала о грозившей ей опасности: «Я чуть не умерла. Мне потом рассказывала Нина (наша двоюродная сестра, старшая дочь тети Жени, маминой сестры), что как раз во время кризиса тетя Женя ездила в часовню Спасителя и привезла мне оттуда образок. С того самого дня мне стало лучше, и я выздоровела. Это было подтверждением моей веры».

Врачи сказали, что в Элиной болезни виноват скверный петербургский климат. Нам посоветовали переселиться в Царское Село, но сначала проделать оздоровительную прогулку по Швейцарии. Эта поездка продолжалась с мая 1912 по июль 1913 года.

Поехали мама, Эли, Женя и я с фрейлин. Одновременно поехала и тетя Женя с дочерьми — Ниной, Леной и Верой. Эли держалась почти все время с Ни-

Костя, Эли, Женя и Воля Вульферт

ной, своей сверстницей, закадычной подругой и двоюродной сестрой. Остальные девочки назывались «дети». Я не входил даже в категорию «детей». Я был младенец, и при мне все время находилась фрейлин. Мы посетили Монтрё (Montreux), Шевалье (Chevalleyres), Интерлакен (Interlaken) и снова Монтрё.

Эли и Нине можно было, с маминого разрешения, делать самостоятельные прогулки. Их главный интерес заключался в сборе цветов для гербария. До сих пор сохранился в этом гербарии большой белый нарцисс и настоящий подснежник. Утрачен эдельвейс, приобретенный за двадцать сантимов!

Уже тогда сказалось предпочтение, которое Эли отдавала жизни в деревне. Вот что она пишет в своем дневнике после переезда из Монтрё в Шевалье: «Нет этих каменных громад, нет шума и гвалта, а всюду царит тишина и спокойствие. Со всех сторон высятся величественные горы, покрытые лесом, в котором находят себе приют многочисленные звери (примечание: разнообразные улитки!). Вдали виднеется Женевское озеро, на котором плавно качаются прелестные барки с конусообразными парусами. На берегу раскинулся ненавистный мне город с длинными фабричными трубами, из которых вьется дым к безоблачному небу, портя чистоту воздуха».

Эли усердно занималась изучением французского языка, для чего с нами жила специальная мадам. Она преуспела в этом настолько, что мама стала покупать ей французские книжки и выписала еженедельный детский журнал

Эли с мамой

«Semaine de Susette»¹². Из России для Эли приходил «Путеводный Огонек».

Но Эли была очень стеснительной девочкой. Такую она оставалась всю жизнь. Мадам боролась с этим качеством. Она водила ее по магазинам и заставляла саму по-французски спрашивать то, что ей надо. Кроме французского языка, у Эли были и другие серьезные занятия. Она «вела работу с микроскопом» и столярничала на верстаке. Женя не учила французского языка, но и у нее было увлечение: она мечтала стать

фельдшерцей. Ей сшили специальный костюм с перевязкой через руку, на которой был вышит красный крест. У меня от Швейцарии не осталось связных воспоминаний, но только отдельные яркие картины. Зима. Фрейлин за ручку ведет меня из роскошного отеля Breuer (Брейер), где из окна нашей гостиной открывался прелестный вид на Женевское озеро и Шильонский замок, — ведет на набережную. Свежо. Кое-где лежит снег. Над водой вьются чайки. Я кормлю их хлебными крошками, и мне очень весело. Лето. Мы в Шевалье. Выйдя в сад из пансиона после дождя, я нахожу на траве великолепные виноградные улитки. Какие они длинные, мягкие и коричневые, как медленно ползают! Как интересно найти на их спине маленькую раковину или улучшить момент, когда улитка выставляет свои «рожки» (глаза).

Другой эпизод. Мы идем по узкой горной дороге и входим в лес. Там, под еще голыми деревьями, цветут красные цикламены, я в восторге; срываю маленький букетик и выхожу на дорогу. По дороге идет незнакомый человек. Желая поделиться своей радостью, я протягиваю ему букетик и что-то кричу. Человек в недоумении. Подходит мама, говорит человеку «пардон» и уводит меня. Потом мама делает мне наставление: «Не следует обращаться к незнакомым людям. Они для нас “посторонние”. С ними не следует разговаривать». С тех пор я стал очень стесняться посторонних людей.

¹² La Semaine de Suzette («Неделя Сюзетт») — еженедельник для девочек и девушек, выходивший во Франции с 1905 по 1960 г. и содержащий иллюстрированные тексты, поучительные истории, практические советы.

Железная доро-
га Плеяды —
Шевалье.
Открытое
письмо. На обо-
роте надпись:
« Слева —
наш пансион »

Еще эпизод. Мы в Монтрё. Там есть особенная зубчатая железная дорога. С помощью третьего срединного зубчатого рельса маленький поезд, называемый фуникулер, может подняться круто в гору. Мы садимся и поднимаемся. Наверху — плоский луг, весь усеянный цветущими белыми крупными нарциссами. Я прихожу в неопишуемый восторг, скачу и бегаю между цветами. Вероятно, это эйфория, вызванная подъемом и нарциссами.

К концу нашей жизни в Швейцарии туда же приехал папа. Вот была радость! Еще позже приезжает папин друг, сын латышского органиста и сам музыкант Павел Христофорович Шуберт. С папой у них общие музыкальные интересы.

Наконец, мы возвращаемся домой. Сперва мы входим в папину квартиру в Петербурге на Почтамтской улице, дом № 9. Удивляемся, как папа мог так долго жить один, имея при себе только прислугу Дарью, которая была совершенно глухая. Но не здесь нам суждено жить, а в Царском Селе. В пятницу 19 июля 1913 года мы прибыли туда.

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Начался очень спокойный и, по-видимому, самый благополучный период жизни нашей семьи. Эли поступила в гимназию. Это была женская гимназия так называемого «ведомства императрицы Марии». Программа ее была облегченная. В ней было 8 классов (восьмой считался необязательным). Отметки ставились по 12-балльной системе. Эли должна была учиться в пятом классе гимназии,

Женя, Эли и Костя

а Женя в третьем. Поскольку обе девочки занимались дома, надо было им помочь в прохождении гимназического курса. Для этого была приглашена учительница Евгения Александровна Ершова. Она занималась с девочками два раза в неделю за особой, специально для этого приобретенной партой. Эли была лидером среди детей. Мы ее признали самой сильной, самой подвижной, самой умной. Поэтому мы прозвали ее «Олега», имея в виду то, что она чем-то похожа на Вещего Олега.

Она не очень сближалась с нами, младшими, но больше тяготела к папе. Вместе они занимались фотографией, проявляли негативы, печатали увели-

ченные снимки. Папа никогда не стремился к количеству, а очень дорожил качеством фотографий. Тогда еще не было фотоаппаратов, снимающих большое количество мелких кадров. Самым миниатюрным аппаратом был 6×9 сантиметров (для меня даже 6×6 сантиметров). Папа всегда снимал крупными камерами и маленьким двухобъективным стереоскопическим аппаратом.

Эли участвовала и в химических процессах гальванопластики, столярничала у верстака. Она пишет в своем дневнике от 19 июля 1913 года: «... папа мне вчера подарил верстак и два рубанка!», а от 20 июля 1913 года: «Папа, вернувшись из Петербурга, привез мне пилу, две стамески и угольник!» По маминой просьбе Эли в течение трех дней сделала хорошую полку. Способность столярничать была присуща Эли до старости. Так, например, в возрасте около 65 лет она сделала сама, без посторонней помощи скамеечку. «Как ты сделала это?» — спросил я. «Очень просто, — ответила она, — надо только захотеть и все время двигать работу в том направлении, в каком находится скамеечка, заранее построенная в воображении».

Кроме того, Эли училась играть на рояле. Ее учителем был Павел Христофорович Шуберт. Она достигла известных успехов. В последние годы жизни в Переславле-Залесском она много играла по нотам на фисгармонии.

Что еще интересного было в Царском Селе?

Нам, детям, очень интересна была синяя кембрийская глина. Какими-то путями она попала в наш дом, и мы лепили из нее различные фигурки, восхища-

ясь ее красивым синим цветом. Но когда попробовали ее обжигать, она краснела и уже не представляла для нас никакого интереса.

Наконец, мама устроила нам прогулку к обнажениям этой глины. Это было далеко, но все же доступно. Мы шли к деревне, населенной финнами (так называемыми чухонцами), где у них была большая лютеранская церковь. Мимо деревни протекала речка

Поповка. Ее великолепные обрывистые берега открывали прекрасные обнажения палеозойских пород. В их основании и залегала синяя глина. Также ее можно было достать и в верху разреза, где были ее вторичные залегаия. Туда она была принесена ледником.

Из Царского Села мы выезжали только один раз — в 1914 году в Тойлу (Эстония), но началась война, и мы поспешили вернуться домой.

В Царское Село к нам приезжали родственники — тетя Саня с детьми Митей, Волей,левой и Колей. Эли дружила с Митей, потому что он также имел склонность к ремеслам и знал, как паять. Приезжали Грамматчиковы — тетя Женя и ее дети Нина, Лена и Вера. Подругой Эли, как и прежде, оставалась Нина. Бывали у нас Тыжновы, дети моей двоюродной сестры Лили — Дудя (Андрей), Вава (Ольга), Мака (Мария) и Вова. Эли ближе всех был Дудя — самый серьезный мальчик, интересовавшийся естественными науками. Среди гостей бывал и некто Трофим, ученик реального училища, также имевший общие с Элей ремесленные интересы.

Взрослыми гостями бывали тетя Маша (сестра дяди Воли Лермонтова) и тетя Катя, приезжавшая всегда перед Рождеством с целым ворохом подарков. В нашу мирную жизнь эти гости вносили веселое разнообразие. Еще приезжали братья и сестры фрейлин: Августа, Ольга, Карл и Коля. Августа приезжала надолго и даже уехала с нами в Крым. У нее был талант: без рисунков она вырезала ножницами из белой бумаги силуэты всевозможных зверюшек. Карл то-

Женя и Эли. Санкт-Петербург. Апрель 1909

Эли обучается верховой езде. 1911

же отличался любовью к рукоделию и этим привлекал Эли. Коля был обреченный молодой человек. У него была горловая чахотка, и фрейлин говорила, что он долго не проживет. Все вместе они пели необычайно красивые эстонские песни.

Болезнь папы положила конец нашей царскосельской жизни. В 1917 году папа заболел, и мы уехали в Крым. Было ли Царское Село, памятуя слова Александра Сергеевича Пушкина, нашим Отечеством? Думаю, что нет. Для меня оно было только сознательной колыбелью. Женя впоследствии была связана с ним теснее, так как работала у Николая Ивановича Вавилова.

В нашем доме в Царском Селе висела карта Российской империи. Почти каждый день я подробно рассматривал ее. Теперь я могу сказать: мое Отечество — вся моя страна. Ближе моему сердцу та ее часть, что расположена к востоку от полосы Ленинград — Киев — Крым. Но есть одна земля, которая для нас Святая Земля — это Крым. Там находится могила нашего папы, в Ялте. Там же, в Симферополе, покоится наш духовный отец — митрополит Гурий. Там и любезный нашему сердцу архиепископ Лука Войно-Ясенецкий¹³ ...

¹³ Архиепископ Лука (Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, 1877–1961), архиерей Русской Православной Церкви, российский и советский хирург, ученый, автор трудов по анестезиологии и гнойной хирургии, доктор медицинских наук, профессор. Причислен к лику святых.

КРЫМСКАЯ ОДИССЕЯ. 1917–1921 ГОДЫ

Удивительны были условия первой империалистической войны. Где-то был фронт. Война была окопная, и положение на фронтах подолгу не менялось. Все же наши отступали. И вот на третий год войны, в мае 1917-го года, наша семья в мягком вагоне второго класса в поезде Петроград — Севастополь отправилась на юг. Впервые я увидел Москву. Она поразила меня сиянием золотого купола над белокаменным храмом Христа Спасителя. В течение нескольких часов мы были свободны, пока наш поезд по окружной дороге переправлялся на Курский вокзал, и смогли погулять по Москве. Вечером возле вагонов нас радушно приветствовали наши проводники. Теперь, пережив невероятные лишения Великой Отечественной войны, вспоминаешь комфорт того времени как нечто сказочное!

Наши билеты были до станции Бахчисарай. Из вагона мы вышли на небольшую площадь, уставленную линейками. Это были четырехколесные экипажи, запряженные лошадьми. Сидели в них по двум сторонам, опираясь ногами на особую ступеньку. Кругом были горы, изрезанные оврагами с осыпями белой глины. (Опять глина, но не синяя, а белая.) Километров через пять мы проехали мимо татарского села Топчиной, а еще через километр показался уютный беленький домик с черепичной крышей и с хорошим большим балконом. К домику прилегал фруктовый сад. Здесь нам предстояло жить. Одну комнату заняли папа с мамой. Папа — на хорошей постели. Мама постелила себе матрасик на полу. Поначалу казалось, что мы только дачники, но через год все изменилось. Папа понемногу слабел. Он все реже и реже спускался в сад, потом уже только мог выходить на балкон.

Мы, дети, жили своей жизнью. Эли сразу обратила внимание на залежи белой глины. Вместе с Ниной они после приезда пошли в овраг и, набрав ее, стали лепить горшочки. Девочки самостоятельно научились их обжигать, благо условия позволяли это делать совершенно свободно: было достаточно места для разведения костров. Мы все пришли в восторг, что цвет глины после обжига не изменился. Вершиной Элиного гончарного искусства стало следующее. Из толстой бумаги она вырезала силуэт лебедя, для чего был использован рисунок Билибина из иллюстрированного альбома «Сказка о царе Салтане». Силуэт был вдавлен в стенку чашки с внешней стороны, которую Эли постаралась вылепить особенно аккуратно, изящно, с тонкими стенками. С волнением она поместила эту чашку в горящие угли. Какая радость была для всех, когда угли разгребли и чашку вынули! Она оказалась твердой и белого цвета. Бумажный лебедь, конечно, сгорел, но на его месте осталось четкое ровное углубление.

*Дом возле Бахчисарая, в котором жила семья.
Фото Н. Вендланда*

Это углубление вычернили тушью, и чашка приобрела очень красивый вид: на белом фоне ее стенок выделялся изящный черный лебедь!

Эли с Ниной продолжали эксперименты с огнем. Они собрали известняк, в огне получили из него негашеную известь, заливали ее водой, получали известь гашеную. Температура порошка при этом очень поднималась.

Наконец, недалеко от дома, на склоне тех же

гор, девочки нашли гипс. Его тоже обжигали, получали гипсовый порошок и использовали для лепки.

Дом, в котором мы жили, сохранился до наших дней. Теперь в нем находится фельдшерский пункт. Но белых глин уже не видно. Дело в том, что на вершине гор рос низкорослый дубовый лес. Эти вершины распахали, и желтая почва дождями сносилась вниз, скрывая под собой прекрасные белые глины. Все склоны стали желтыми. Гипс тоже затянуло.

Эли очень любила природу. В Крыму она была необыкновенно богатой. Особенно разнообразны были жуки и змеи. В начале лета вечерами слышалось жужжание летающих майских жуков. Днем было необыкновенно много бронзовок — зеленых жуков с золотистым отливом. Нередко встречались большие фиолетовые жужелицы, выделявшие коричневую вонючую жидкость. Что касается змей, то Эли их панически боялась. Боялся и я, но так как я не мог удержаться от того, чтобы не залезть в какие-либо дебри, я часто встречал их. Помню леденящий ужас, охватывающий меня, когда, пробираясь среди лопухов, я встречал свернувшуюся кольцами серую змею. Остановишься в шаге от нее и замрешь. А она вначале не двигается, но потом в одно мгновение развернет все свои кольца и скроется в траве. Однажды я увидел большую клетчатую змею, проползавшую по открытому месту через огород. Другой раз видел ма-

ленькую змейку, свисавшую с верхних веточек вишневого дерева. Наконец, мне попала змеиная кожа, торчащая из щелей каменной ограды. Я осмелился взять ее, полагая, что змея уже скрылась.

Было решено, что меня пора начинать учить. Нина учила меня Закону Божию. Эли — географии. Делала она это весьма своеобразно — предложила мне срисовать карту полушарий. Было начерчено два круга и по ним сделана сетка меридианов, экватора и параллелей. По этим клеточкам я срисовывал карту. Работа эта доставляла мне большое удовольствие, и я познал основы географии. Зимой наши девочки (Эли, Женья и Нина) уехали в Одессу к Грамматичиковым. Там они учились в гимназии и пели в церковном хоре.

Первую весну в Крыму я переживал очень остро. Она поразила мое воображение. Во-первых, расцвели фиалки. Оказалось, что фиалки благоухают, и это доставляло большую радость. После расцвел фруктовый сад; это было поразительное зрелище.

Летом 1918 года девочки вернулись. Кажется, они больше не поехали в Одессу, только Нина возвратилась домой.

Помню нашу последнюю зимовку в Топчикое. Это была зима 1918–1919 года. Мама изо всех сил лечила папу, применяя самые разнообразные методы. Она повезла его в Симферополь, где папа прошел курс электролечения. Это не помогло. В начале 1919 года родители переехали в Ялту. Мы отправились вслед за ними. Жить папе оставалось полтора месяца.

Я стал вести одинокий, по возможности бродячий образ жизни и даже не знаю, чем были заняты мои сестры. Наверное, Эли была рядом с папой. Хорошо помню, как накануне его смерти, вся в слезах она бежала в аптеку покупать камфору. Вечером папа, засыпая, сказал свои последние слова. На следующий день, не приходя в сознание, он умер.

Мы переехали в Ливадийскую слободку, где квартира была дешевле. С тех пор я мало общался с сестрами. У меня появились товарищи-сверстники, среди которых наиболее близким был сын тети Оли Василек. У нас были общие интересы. Оба мы стали алтарными мальчиками. Кроме того, началось мое серьезное обучение. В 1919 году я провалился на экзамене по арифметике во II класс гимназии. Зима ушла на то, чтобы готовиться к экзамену в III класс. Для этого я ежедневно спускался в город, где брал уроки по арифметике (четыре действия, возведение в степень, извлечение корня, дроби простые, дроби десятичные, проценты и даже сложные проценты) и русскому языку (этимология и синтаксис).

В сентябре 1920 года я выдержал экзамены и поступил в III класс Ялтинской Александровской гимназии. Проучился я там всего около двух месяцев.

Они были интересны в том отношении, что я познакомился со старыми гимназическими порядками. В ноябре 1920 года войска Врангеля были разбиты, и в Крыму установилась новая власть, а вместе с ней и новые порядки. Детей распределили по школам согласно месту жительства. Я попал в школу, расположенную в лесу около Ливадии. Из занятий там больше всего мне запомнились уроки пения, которое преподавал тенор из нашего церковного хора. Кажется, чаще всего мы пели песню «Реве та й стогне Дніпр широкий» на слова Тараса Шевченко. Теперь я могу с уверенностью сказать, что знаю, как надо петь эту песню!

Наша семья стала обдумывать возвращение в родные края. Психологически нам стало казаться, что горы «давят на нас», что полоса Южного Берега Крыма слишком узка; но и объективно — Эли хотела учиться на врача, Женя тоже уже окончила школу. Надо было собираться. Эли исполнился 21 год. По тогдашним традициям этот возраст считался совершеннолетием, то есть она могла принимать самостоятельные решения, не спрашивая матери. Первое, что сделала Эли, чтобы воспользоваться этим правом, было то, что, вопреки маминому совету, она записалась в группу, которую направляли на работу в Никитский ботанический сад. Через месяц Эли вернулась радостная, довольная тем, что ей пришлось поработать в таком знаменитом месте.

С этого времени мы очень сблизились с Эли. Мы часто ходили на папину могилу. Шли лесом, собирая по дороге интересные растения.

Наконец, мы двинулись в путь. До Симферополя добрались на татарских телегах. Последние дни жизни в Крыму вместили в себя множество событий: жизнь в Симферополе, поход пешком в немецкое село Шпат, расположенное в двадцати километрах от Симферополя, где наша фрейлин нашла себе работу (шитье). Мое пребывание в гостях у фрейлин, крымская степь, поля, быт немцев, внезапный ночной приход Эли, сообщившей, что она нашла для всех нас работу в яблочных садах, и наш пешеходный поход по этим садам в восточном Крыму, кончившийся неудачей. Нас нигде не взяли, мы вернулись в Симферополь и решительно стали собираться домой. Пассажирский поезд «Симферополь — Петроград» отправлялся только раз в неделю. Устроиться на нем можно было только на крыше вагона. На это мама не решилась. Мы поехали в товарных поездах, оборудованных нарами. Но и на них пришлось делать пересадки. Через две недели мы приехали в Москву и провели ночь у дяди Коли Скалона. Еще одна ночь в товарном вагоне, и мы на родине — в Петрограде. 18 сентября 1921 года мы были уже у наших родственников Лермонтовых.

Здесь наши девочки легко поступили в вуз. Эли — в медицинский, Женя — в агрономический, я — в 217-ю школу, в первый класс второй ступени. Особенно ласково нас встретила Саша Лермонтова. С Сашей Лермонтовой мы подружились еще в Топчикое в 1917 году. Тогда она гостила у нас, лечилась после туберкулеза. Часто в тени дерева она рассказывала мне очень интересные русские сказки или же показывала мне, как делать куколки из бузины. И вот мы снова встретились в Петрограде. Она с большим увлечением рассказывала нам о новых достижениях физики: о делимости атома, о планетарной модели атома Резерфорда. Для нас началась новая жизнь.

ПЕТРОГРАД—ЛЕНИНГРАД. 1921–1933 ГОДЫ

Мы — Эли, Женя и я — приехали из Крыма церковными людьми, поэтому сейчас же встал вопрос о том, в какую церковь нам ходить? Эли предложила ходить в Никольский собор, дорогой ей по воспоминаниям детства, а я сказал, что надо ходить в ближайшую церковь. Такой церковью, прямо наискосок от нашего дома, была русско-эстонская церковь. Мы решили пойти сперва в нее и, только если что-нибудь не понравится, тогда идти в Никольский собор. С трепетом ждал я, как настоятель эстонской церкви скажет возглас: «Благословенно Царство ...» Скажет ли он так, как произносил его крымский отец Леонид? Оказалось, что он возгласил еще более вдохновенно! Потом оказалось, что в лице отца Александра мы нашли пламенного и очень содержатель-

*Костя Вендланд с сестрами Эли и Женей.
Ленинград, 1925*

ного проповедника. Мы стали ходить к нему на исповедь. Так продолжалось примерно до 1930 года.

Каждый из нас троих был занят своими делами, и я опять только иногда приближался к Эли.

В это время она пишет в своем дневнике: «1921 год, 21 декабря, среда, Петроград, Екатеринбургский, 63. Сегодняшний день есть начало моей настоящей жизни. Я сдала экзамен по остеологии¹⁴ у Тонкова¹⁵! Теперь только я попала в колею и чувствую, что есть смысл в моих действиях. Если папа на небе видит нас, он бы порадовался. Теперь уж я на пути».

В этих словах выразилось столько пережитой тоски, когда Эли в течение почти двух лет была как бы не у дел. И вот она встала на свой путь. В этих словах сказалась сильная любовь ее к нашему папе.

Вскоре появилась и следующая запись: «30 марта 1922 года. Сегодня я сдала синдесмологию¹⁶ и миологию¹⁷ у Тонкова. Все вышло замечательно удачно, я напрасно его бранила. Он один из лучших и славных профессоров. С сегодняшнего дня я утверждена на II курсе. Хоть бы хватило сил пробиться и дальше!»

Эли наверстывала. Ведь только в октябре 1921 года она поступила на I курс, и вот уже в конце марта 1922 года — она на II курсе!

¹⁴ Остеоло́гия — раздел анатомии, посвященный изучению скелета в целом, отдельных костей, костной ткани.

¹⁵ Владимир Николаевич Тонков (1872–1954), русский и советский анатом, генерал-лейтенант медицинской службы, действительный член Академии медицинских наук СССР с 1944 года.

¹⁶ Синдесмоло́гия — раздел анатомии, изучающий соединение костей скелета.

¹⁷ Миоло́гия — научная дисциплина, изучающая строение, развитие, свойства и функции мышц в норме и при патологии.

В июне 1925 года Эли закончила Государственный институт медицинских знаний (ГИМЗ) и приобрела печать «Врач Е. Н. Вендланд». Сил на прохождение курса, особенно вначале, у Эли ушло очень много. И вот начиналась новая жизнь. Она даже приобрела портсигар и наполнила его папиросами, но никогда не попробовала ни одной.

Напряжение душевных сил подействовало и на ее религиозную жизнь. Еще в институте Эли прониклась мыслью, что Царство Божие надо принять как дитя. Какое-то время мои сестры и жившая вместе с нами в доме наших родственников Лермонтовых Нюра Зезюлинская увлеклись слушанием проповедей Александра Введенского. Этот основатель обновленчества призывал отбросить «устаревший церковный хлам» и вернуться к первобытной чистоте церкви. «Как прекрасно! — думали наши девочки. — Вот где истина». Длилось это увлечение недолго. Но интерес к церкви был разбужен.

«Внезапно, совершенно неожиданно для меня, — пишет Эли, — произошел решительный поворот в моей душе, от которого получило начало все дальнейшее направление моей жизни». Переворот в ее душе был соделан благодатию Божией, которая избрала инструментом для своего действия настоятеля рус-

*Церковь святого Исидора Юрьевского при Православном эстонском братстве.
Современная фотография*

ско-эстонской церкви протоиерея отца Александра Пакляра¹⁸. Вот что пишет Эли о нем: «Я считаю его светочем православия. Он со всей силой своей чистой души восстал против обновленчества. В проповедях, в беседах, в лекциях он объяснил, что такое Церковь. И вот однажды я поняла, что Церковь — это самое главное в жизни, что жить надо только для Церкви, так как Она есть то же Апостольское общество, которое было при Христе Спасителе, в Ней та же преемственная благодать. Помню, как охватило меня это совершенно новое чувство, что вот где жизнь, по которой неясно тоскует душа и к которой стремиться. А все остальное, что вне Церкви, — это второстепенное. В одно мгновение как-то все в душе переродилось и началась какая-то новая жизнь. Поразительнее всего эта мгновенность перемены душевного состояния. После этого стало неудержимо тянуть в церковь. Проповеди отца Александра воспитывали и укрепляли сознание всеобъемлемости Церкви. С тех пор у меня началась новая жизнь. Совершенно изменилась психология. Центр жизни и всех интересов был в Церкви, она наполнила мою душу и стала моей жизнью. Все обстоятельства способствовали укреплению и возрастанию этого состояния. Вско-

¹⁸ Протоиерей Александр Пакляр (1873–1938), первый духовный отец сестер Елизаветы и Евгении и их брата Константина Вендландов. Расстрелян 2 января 1938 года.

ре, в 1924 году, открылось Пастырское училище, эта незабываемая колыбель моей веры. Мы (Женечка, Нюра Зезюлинская и я) приходили туда, как в какой-то небесный чертог. Особенно блистал там отец Александр Пахьяр, перед которым мы благоговели. Он преподавал Новый Завет. Что это были за лекции! Яркость изложения, глубина чувства его придавали такую реальность его словам, что, казалось, видишь перед глазами Господа, слышишь Его слова, как только сказанные! Преисполненные таких чувств, мы с Нюрой Зезюлинской и Женечкой возвращались домой поздно вечером, около 12 часов, и там, забившись в дальние углы, еще долго рассуждали обо всем слышанном. Интересно, какие мы были скрытные — мама понятия не имела, куда мы ходим каждый вечер, и не представляла, что делалось у нас в душе!»

«В 1926 году, осенью, в Пастырском училище появилось еще одно лицо, которое оказало коренной переворот в наших душах и определило дальнейшее течение нашей жизни. Это был архимандрит Гурий. Он был 35 лет и стал заведующим Пастырским училищем. Он преподавал нам Историю Церкви. Но нас не столько интересовали его лекции, как то, что мы сразу почувствовали в нем духовного руководителя: богослужение в Пастырском, посещение Киновии¹⁹ открыло нам какую-то совершенно новую жизнь людей, посвятивших себя Богу. Это — монашество. Не сразу, но, наконец, я поняла, что это прекрасно и что так влечет к себе — это самоотвержение, самоотречение, забывание всего своего личного и полная отдача себя на служение Церкви, Богу. Я поняла, что и для меня возможна и необходима такая жизнь. И с тех пор я как бы обручилась с намерением отрешиться от своих интересов и жить для Церкви». И в последующие, долгие года «образ нашего незабвенного отца Гурия постоянно стоял у меня перед глазами».

К этому времени относится также и Элино письмо ко мне. В 1927 году я, уже студент III курса Горного института, проходил практику в горах Кавказа в Ткварчельском каменноугольном бассейне, в месте очень тогда лесистом и гористом. Вот его текст:

«1927 г. Милый Костя! Здесь завернут образ преп. Серафима Саровского, когда он 1000 дней молился на камне в лесу, где были разбойники и дикие звери, и он среди них спасался. О. Александр говорит, что этот образ должен быть напоминанием нам о том, что и мы так должны делать, т. е. молиться всегда и все делать для Господа. Мне кажется, что это цель жизни — служить Богу, Ему себя посвятить.

¹⁹ Киновия — небольшой общежительный монастырь, загородное отделение Александроневской лавры.

Милый Христос
 Здесь завершён образ
 икон Софранима Суровского.
 Когда он 1000 разей молился
 на камне в лесу, где были
 работорники и другие звери и
 он среди них спасался.
 Софраним говорит, что этот образ
 не имеет тайны иасовитианства на
 в том, что и сам так. Истинно.
 Скажи, м.в. молитва была и все.
 Скажи для в. Мне кажется, что это
 что великие - сиречьте Богу, Ему же поварю
 и думаю, что в корях ты тоже будешь
 работорник в том же направлении, как
 и в себе знаешь и приедешь - работор-
 ник, так здесь образ работорника
 и Николая Чудотворца.
 Там все тебе сохранилось, а мне
 здесь будешь о тебе молился,
 чтобы ты скорей возвратился.
 На этих иконах изображены работорники, работор-
 ника они молились в глуши.
 Так и ты можешь, особенно
 если там близко Новый
 Афон и старцы в лесу.

Я думаю, что в горах ты
 тоже будешь развиваться
 в том же направлении, как
 и здесь зимой, и приедешь
 домой полный сил. Еще
 здесь образ Пресвятой Бо-
 городицы и Николая-угод-
 ника. Они все тебя сохра-
 няют, а мы здесь будем о тебе
 молиться, чтобы ты скорей
 вернулся. На этих иконах
 изображены угодники, ко-
 гда они молились в глуши.
 Так и ты можешь, особен-
 но если там близко Новый
 Афон и старцы в лесу».

Письмо это произвело
 на меня и до сих пор про-
 изводит очень большое
 впечатление. Помню, еще
 до отъезда на Кавказ, я шел
 с Эли по улице Декабристов
 в Ленинграде. Она спроси-
 ла меня: «Хотел бы ты стать
 батюшкой?» Тогда я отве-
 тил категорическим отрица-
 нием и объяснил свой ответ
 тем, что не хочу носить ря-
 су. (Против богослужебных

облачений я ничего не имел.) Элино письмо заставило меня посвящать больше
 времени Церкви.

В 1927 году Пастырское училище закрылось. Остался официальный Бого-
 словский институт, которым заведовал протоиерей Николай Чуков, будущий
 митрополит Григорий Ленинградский.

Эли начала работать. Сперва в одной из больниц в Ленинграде. Оттуда ее
 часто посылали в различные командировки. Первая была непродолжительна,
 на три летних месяца в пионерлагерь в село Рождествено около станции Си-
 верская. Как-то я зашел к ней в больницу. Я не узнал ее: решительная, энерги-

ная, повелительная. Вся стеснительность, застенчивость и нерешительность, свойственные ей в домашней обстановке, исчезли. Вот что значит освободиться от опеки близких людей!

Были у Эли и более длительные командировки — в село Андомский погост Вытегорского района Лодейнопольского округа Ленинградской области. Эта командировка продолжалась около трех лет. Я навещал ее в 1928 году во время моих студенческих каникул. После окончания практики я взял билет до Вытегры и поехал к сестре водным путем. В какие только дебри можно заехать, не покидая Ленинградской области! Наш корабль отвалил от пристани на Неве и пошел вверх. Первая остановка была в Шлиссельбурге, затем корабль направился в глубь Ладожского озера. Земля исчезла из виду. Вокруг было море с заметным волнением. За день мы пересекли озеро и вошли в Свирь, очень живописную, многоводную и извилистую реку. В некоторых местах (Никола-Палом) судно останавливалось прямо посередине реки. К нам подплывали многочисленные лодки. Предприимчивые местные жители вели бойкую торговлю. Так мы дошли до пристани Вознесенье. Здесь надлежало пересесть на другое, маленькое судно. В Вознесенье была действующая церковь, в которой я отстоял всенощную. Дальше надлежало идти по каналу старинной Мариинской системы, обходящей Онежское озеро. Этот путь мы преодолели ночью и хорошим солнечным утром остановились у пристани районного города Вытегра (теперь это Вологодская область). Тут я покинул пароход и за небольшую плату сговорился с извозчиком довести меня до Андомского погоста. Там была действующая церковь, и я легко нашел дом, где жила Эли. С ней была и мама.

Эли сняла квартиру у вдовы священника Олимпиады, которая также взялась готовить обеды. Мама столовалась одна. Эли была единственным врачом в этих

Саминский Погост. Современная фотография

краях. Как всегда на самостоятельной работе, она была очень энергична. Через некоторое время в Андому прибыл врач-хирург Израиль Наумович, который и возглавил больницу. Он также остановился и стал столоваться у матушки Олимпиады.

Эли не стеснялась посещать церковь. Там был хороший священник. Зато псаломщик произвел на меня ужасное впечатление своим чтением — быстро и с завыванием он бормотал нечто совершенно неразборчивое.

В Андоме я пробыл месяц. Наслаждался северной природой и работал над Евангелием по системе отца Гурия. Много ходил пешком. Запомнилась прогулка до соседнего Саминского погоста. Это было глухое место с очень красивой деревянной церковью. Оттуда шла дорога на Пудож.

Через месяц я, забрав маму с собой, тем же путем отправился в Ленинград. Эли вернулась в Ленинград через два года.

В 1930 году я кончил Горный институт и был направлен на Урал. Со мной поехала и мама. На Урале я провел две зимы и два лета. На Пасху я брал отпуск и на месяц приезжал с мамой в Ленинград.

В 1931 году я переехал в Ленинград окончательно и стал работать в Центральном научно-исследовательском геологоразведочном институте (бывший Геолком, будущий ВСЕГЕИ). В это время я был очень занят работой. Приближался 1933 год, который внес очень большие изменения в нашу жизнь.

Экскурсия со студентами Среднеазиатского индустриального института. Ташкент. Май 1935

ОТЕЦ ГУРИЙ. ЖИЗНЬ С НИМ С 1933 ПО 1946 ГОД

В 1933 году в Ленинград из лагеря вернулся отец Гурий. К этому времени я закончил свою работу на Урале. Профессор В. А. Николаев²⁰ пригласил меня в Узбекистан на должность своего ассистента на кафедре петрографии. В Ташкенте в Средне-Азиатском индустриальном институте открывался горный институт.

С большим удовольствием я взялся за эту работу, тем более, что летом предстояли геологические экспедиции. Отец Гурий поселился со мною, а вскоре к нам присоединились Эли и Женя.

К этому времени у Жени было совсем расстроенное здоровье. Она страдала от приступов тропической малярии и у нее часто была гнойная ангина. Все это ослабило ее сердце. Женя умерла в возрасте 41 года 13 января 1944 года в Фергане. Мама, которая последние годы жила с ней, умерла за четыре месяца до ее

²⁰ Виктор Арсеньевич Николаев (1893–1960) — советский петрограф, доктор геолого-минералогических наук (1937), профессор (1938), член-корреспондент АН СССР (1946). Лауреат Ленинской премии (1958). В 1933–1945 гг. доцент и профессор Среднеазиатского индустриального института; исследовал рудоносные районы Средней Азии. С 1947 года заведующий кафедрой петрографии Ленинградского горного института.

Эли Вендланд. Средняя Азия. 1930-е

Отец Гурий

кончины, 12 сентября 1943 года. Мы верим, что Промысл Божий не допустил Жене умереть раньше мамы. Для мамы это был бы непереносимый удар.

Итак, Эли присоединилась к тем людям, которые окружали отца Гурия в Ташкенте. Она работала в небольшой больнице, исполняя в то же время функции участкового врача. Для посещения больных на дому при больнице был извозчик. Обычно первую половину дня Эли проводила в больнице, а потом садилась в экипаж и ехала по вызовам. В памяти остались несколько ярких воспоминаний. Например, как она вылечила от менингита еврейского мальчика Айзика. Она ездила к нему ежедневно, буквально выхаживая его.

Нередко Эли посылали в командировки, которые она очень любила. Мне помнятся две. Первая — в горный кишлак Заамин. Там у больного узбека она обнаружила проказу, уговорила его лечиться и сама поехала с ним в Ташкент. Диагноз подтвердился, и больного поместили в лепрозорий.

В командировках Эли всегда поправлялась. Она питалась зеленым чаем и узбекскими лепешками со свежими и сухими фруктами.

Еще одна памятная командировка была в Ургенцкую область, в кишлак Петняк. От этого путешествия сохранился альбом рисунков, точно передающих характер местности. Рисунки исполнены хорошим, добрым юмором. Ведя и там свой излюбленный простой образ жизни, она вернулась домой поправившаяся и полная впечатлений.

Больница в Питняке. Рисунок Эли

В 1938 году отец Гурий переехал в Фергану. Наше общество разделилось. Эли и Женя поехали с ним. Женя с мамой жили отдельно, а Эли с отцом Гурием и его близким окружением за городом, в местности, называемой Беш-Бала. Эли работала в поликлинике. Каждый день за ней приезжал извозчик, и она отправлялась на работу. Этот же извозчик возвращал ее домой.

Началась война. Ухаживая в госпитале за больными, Эли заразилась сыпным тифом. После выздоровления она была мобилизована на фронт. Ее путь начался в Сталинграде. Потом она попала в Симферополь, а затем в Польшу. В польском городе Быдгощ закончился ее военный путь. Она заслужила звание капитана медицинской службы и награжденной Крест Польского правительства.

Вернувшись с фронта, Эли продолжила работу, но уже в Ташкенте. Все последующие годы, после того как патриарх Алексей²¹ призвал отца Гурия на открытое служение церкви, она была рядом с ним.

25 августа 1946 года состоялась хиротония архимандрита Гурия в епископа Ташкентского и Средне-Азиатского. Я оставил геологическую службу и стал секретарем Владыки Гурия.

²¹ Патриарх Московский и всея Руси Алексей Первый (Симанский Сергей Владимирович, 1887–1970) занимал Патриарший престол Русской Православной Церкви более 25 лет, с 1945 по 1970 год.

Владыка Гурий

ЖИЗНЬ ЭЛИ В 1946–1960-Х ГОДАХ

В 1953 году архиепископа Гурия перевели из Ташкента в Саратов. Эли поехала за ним, став врачом Саратовской духовной семинарии, а затем личным врачом архиепископа. В последней должности она чувствовала себя очень плохо. Дело в том, что владыка Гурий требовал абсолютного послушания себе. Идеал этого послушания изложен в книге Аввы Дорофея «Душеполезные поучения», где представлен пример святого послушания в лице его ученика Досифея. Получилось противоречие: Эли как врач должна была заставлять больного делать то, что она считала необходимым, а как послушница — не смела требовать от владыки ничего.

Между тем у владыки начались ишемические боли в сердце, мучившие его особенно по ночам. Помню, как Эли, говоря со мной об этих грозных симптомах, не скрывала, что боится самого страшного — инфаркта. Но она не решалась поговорить об этом с владыкой, так как по нервности его характера такой разговор мог причинить ему вред. Наконец, владыка слег, и тут уж были приглашены лучшие профессора Саратова. Была сделана электрокардиограмма; профессора уложили владыку в постель на целый месяц, причем сперва он должен был лежать только на спине. Профессоров владыка слушался, а Эли не стал бы слушаться никогда. Ее медицинские действия свелись только к исполнению обязанностей медсестры. Правда, у такого больного, как владыка Гурий, и эти обязанности были достаточно сложны, ибо владыка страдал и диабетом, и сердечно-сосудистой недостаточностью. К счастью, через месяц владыка поправился, и, вследствие этого, наступил очень светлый период в жизни Эли.

В селе Пристанном, километрах в двадцати от Саратова вверх по Волге, Епархиальное управление приобрело усадьбу. В ней был дом, состоявший из нескольких комнат и огромной веранды, с которой открывался великолепный вид на Волгу и на бескрайние просторы за ней. Небольшой сад был обрамлен кустами буйно разросшейся сирени.

В этом доме владыка Гурий отдыхал после инфаркта. Для Эли это были одни из лучших дней ее жизни. К владыке приезжало много знакомых из Ленин-

Саратов. Рисунок Эли. Март 1957

града и Ташкента. Он много рассказывал о своем детстве, о том, как протекала его жизнь в юные годы. Эли записывала эти рассказы. В дальнейшем они послужили мне хорошим пособием при написании воспоминаний «Митрополит Гурий». Также Эли записывала, как владыка Гурий толковал Евангелие.

Наступила зима, и владыку Гурия перевели в Чернигов. Эли последовала за ним, а я остался в Саратове. Чернигов как для владыки, так и для Эли стал настоящим духовным курортом. Никаких конфликтов, роскошный кафедральный собор XII века, несколько храмов, монастырь, мощи святителя Феодосия Черниговского, почивающие в соборе, дивной красоты окружающая природа, интересные поездки в Киев к экзарху Украины митрополиту Иоанну (Соколову)²², который принимал их как радушный хозяин, любил за обедом вести содержательные беседы — все это укрепляло здоровье владыки Гурия, а следовательно, порождало в душе Эли мир. Чуть больше года продолжалось черниговское блаженство. Затем владыку Гурия перевели в Днепропетровск.

2 января 1958 года владыка Гурий постриг Эли в монашество (мантия) с именем Евфросиния в честь преподобной Евфросинии Полоцкой. На постриге присутствовали: архимандрит Иоанн (Вендланд), иеромонах Михей

²² Митрополит Иоанн (Иван Александрович Соколов, 1877–1968), экзарх Украины, постоянный член Священного Синода Русской Православной Церкви.

Справа — монахиня Евфросиния.
Днепропетровск. 1958

(Хархаров), монахиня Серафима (Яковлева), монахиня Евгения (Волощук), монахиня Мелетина, Елена Владимировна Чичерина. После пострига владыка Гурий сказал слово:

«Дорогая о Господе сестра Евфросиния! Господь дал тебе великое счастье — вступить в число монашествующих Православной Церкви. Милость Божия распространилась на тебя, простиралась над тобой уже давно. Тебе уже и раньше Господь дал много из того, что другим дается с трудом. Ты, по природе своей, почти свободна была от многих искушений, с которыми другим приходится много бороться и которые для других создают много скорбей.

Я сказал бы, что ты не только до монашества, но и до иночества вела монашескую жизнь. Сама знаешь, что монашество заключается в исполнении трех обетов: послушания, нестяжания и целомудрия. Второй и третий обеты давались тебе очень легко, и ты, милостию Божию, была избавлена от многих искушений. Но монашество заключается не только в том, чтобы трудиться в борьбе с грехом, но и особенно в том, чтобы достигать положительных высот духовной жизни. Бог не привел тебя жить в монастыре, где послушание особенно трудно и причиняет много скорбей. Был у тебя духовный отец, и были заповеди Божии, которым ты старалась подчинить себя в меру твоих сил. Но, говорю, не только в борьбе с грехом, а и в достижении положительных высот заключается монашеская жизнь. Эти положительные стороны — послушание, связанное со смирением, и молитва.

Молитва не есть только чтение, но это состояние души, помнящей Бога и пребывающей с Ним.

Молитва дает великие радости от Бога, как бы созерцание Бога. Одним это дается в изобилии, другим меньше, но все мы должны к этому стремиться.

Вот это и будет тебе моим пожеланием: пребывать в послушании, трудиться, внося в дело труда память о Боге.

Всегда имей в мыслях память о Боге, ищи той теплоты, которая дается молитвой, и тогда будешь управлена в Царство Небесное.

В окрестностях Берлина. 1960

Ищи этой молитвы.

Не слов, не восторгов, а постоянно памяти о Боге с сердечной теплотой.

Если это будет в сердце твоём, то это будет всегда утешением твоим, не только здесь, но и там, в вечной жизни. Аминь».

Через некоторое время владыку Гурия перевели в Минск. Для Эли это было плохо. Она нередко получала замечания от владыки Гурия, доводившие ее до слез. Тогда я, уже епископ, попросил у владыки Гурия разрешения взять ее с собой в Германию (ГДР), куда я был назначен. Владыка дал согласие. Для Эли началась новая жизнь в Берлине.

Эли в Берлине. 1960–1962 годы

Начался один из лучших периодов в жизни Эли. Никто не делал ей замечаний. Она была при деле. В ее комнате стояла пишущая машинка, на которой она печатала все, что писала. У нее было время рисовать. Сохранилось несколько ее рисунков берлинских домов. Она много фотографировала. Проявлять слайды мы сдавали в частную фотографию. Оттуда их возвращали очень оригинальным способом: дрессированная собака Тоби умела находить адреса. Ей вешали на шею корзиночку со слайдами, и она приходила, извещая о своем приходе пронзительным лаем. По окончании дел мы много гуляли по живописным

окрестностям, катались на лодочке, ездили в Западный Берлин или на богослужение в Воскресенский собор или просто погулять.

Иногда, впрочем, я покидал Эли, так как часто ездил в командировки в Голландию, Австрию, Швейцарию и другие страны.

В отпуск мы приезжали на родину. Но, не имея собственного дома, жили или у владыки Гурия, или в его домике в Алуште. Однажды я даже снял для Эли отдельный номер в гостинице «Украина» в Москве.

У Эли появились друзья среди немцев. Это были: общественная деятельница Ильза Фридеберг, регент из Дрездена Инга Финк, дочь священника Гринкова — Лидия, пастор Глёде и немецкая пасторша-богослов Фэри фон Лилиенфельд. Эли отлично владела немецким языком и делала переводы немецких, а также французских книг. Ее способность к языкам была удивительна. Когда ей попала польская книжка «Первая заповедь», она перевела и ее.

К сожалению, это счастливое время в жизни Эли продолжалось недолго. Осенью 1962 года меня перевели в Америку с резиденцией в Нью-Йорке. Взять Эли туда не представлялось возможным. Спешно, с помощью Антона Порфирьевича Прилежаева²³, на мое имя было куплено полдома в городе Переславе-Залесском. Этот дом был в моем владении с 1962 по 1986 год. Эли жила в нем все пять лет, пока я был в командировке в США.

Эли в Переславе-Залесском. 1962–1967 годы

О светло светлая и красно
украшенная Земля Русская!

Слово о погибели Земли Русской

В центре этой земли оказались мы. Наш дом сам являл собою некую народную древность, вызывающую умиление. Прежде всего, меня поразило то, что мы, как и другие жители, могли отапливать свои жилища березовыми дровами — свидетельство того, что окружающая природа была еще не до конца повреждена.

Напротив дома стояла действующая Покровская церковь XVIII века, никогда не закрывавшаяся. С терраски, расположенной на задней стене дома, от-

²³ Антоний Порфирьевич Прилежаев служил бухгалтером в Ярославском епархиальном управлении и чтецом в Феодоровском соборе.

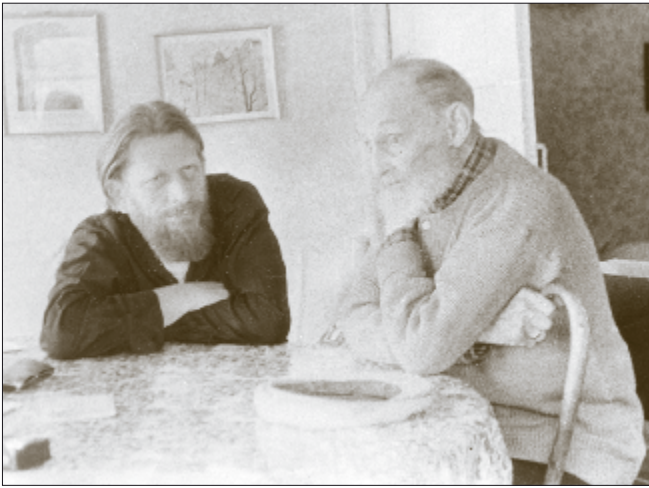
крывался вид на другие храмы Переславля, в том числе на Преображенский собор XII века, где был крещен святой Александр Невский. Мы поселились в центре древнего города, а сам город находился в центральной части Древней Руси. Великое наслаждение было ходить по валам, насыпанным в XII веке и ограждавшим древнейшее ядро города. В целом город, фланкируемый двумя монастырями — Никитским с севера и Горицким с юга, представлял весь спектр церковной архитектуры от XII до XIX века. Река Трубеж и Плещеевское озеро очень украшали его. Огромное впечатление производило путешествие на лодке по Трубежу, когда, пройдя несколько излучин, осененных могучими ивами, лодка вырывалась на простор озера. При устье реки стояла церковь Сорока мучеников, а пройдя несколько дальше по озеру, можно было охватить взором весь горизонт от Никитского до Горицкого монастыря.

Эли у дома в Переславле-Залесском. 1963

Одно из первых мест, которое мы увидели в окрестностях Переславля, были валы древнего города Клещина VIII века. Именно там раньше находился город, а потом, при Юрии Долгоруком, его перенесли на место, где сейчас располагается Переславль.

Эли пишет: «Вид был замечательно красивый. За горой виднелась церковь села Городище и несколько деревянных домиков. Дальше была Александрова гора. Вершина ее называется “Ярилина плешь”. Здесь находилось капище бога Ярилы, которому поклонялись жившие там славяне-язычники. Всюду, начиная с Клещина и до Александровой горы, были видны следы раскопок XIX века, организованных графом Уваровым. На самой горе когда-то находился загородный терем Александра Невского. Под Александровой горой, на берегу озера, хорошо виден так называемый “синий камень”. Ему тоже, как богу, по-

*Митрополит Иоанн и Николай Скалон.
Переславль-Залесский. 1962*

клонялись жители этих мест. По преданию, великий князь Александр Невский приказал отвезти камень по льду в Переславль, чтобы положить его в основание христианского храма. Но лед проломился, и камень ушел на дно озера. Через некоторое время озеро обмелело, и камень оказался на берегу. Так он лежит на этом месте уже 8 веков».

«Дорога, по которой мы ехали, вела к лесу. Мы поднимались в гору и скоро достигли самого высокого места. Неописуемая красота предстала перед нашими глазами — золото берез чередовалось с яркой зеленью сосен. Дубы, осины, березы создавали красивые группы. Желтые листья устилали землю. Зеленела брусника, и попадались кустики черники. Мы нашли несколько грибов. По краю дороги шелестел сухими стеблями иван-чай».

Мы поселились в Переславле 12 сентября 1962 года. Мне нужно было спешить в Америку, и Эли осталась одна. В свои 62 года она еще была полна энергии. Первое, что она решила сделать, — это привезти в дом дядю Колю Скалона вместе с его второй женой, Евгенией Францевной.

Дядя Коля — папин одноклассник и закадычный друг по Виленской гимназии. У нашего дедушки, Петра Ивановича Кашнева, было три дочери: Нина, Женя и Оля. Папа стал мужем Нины, нашей мамы. Женя вышла замуж за нотариуса Грамматчикову и имела трех дочерей: Нину, Лену и Веру. Дядя Коля Скалон женился на Оле. От этого брака в 1899 году родился Сережа, наш двоюродный брат. Еще задолго до революции в семье дяди Коли произошел скандал, напоминающий тот, который описан Львом Толстым в романе «Анна Каренина». Тетя Оля, профессиональный художник, совершенствуя свою художественную квалификацию, стала проходить курс у известного художника Кардовского. Там она познакомилась с офицером Владимиром Васильевичем Зиневичем и увлеклась им. Дядя Коля, чтобы спасти положение тети Оли и узаконить ее новый брак, взял вину «прелюбодеяния» на себя. Это позволило те-

те Оле венчаться с Владимиром Васильевичем в церкви и создать новую семью. В этой семье родилось два сына: Василек (названный так в честь русского героя — святого князя Василька Ростовского) и Олег. Василек был моим сверстником и другом в Крыму.

Дядя Коля всегда был верным другом нашей семьи. Он работал в Петербурге в отделении Министерства, которое ведало делами Финляндии, знал финский и шведский языки. После революции он приехал в Москву, занимался переводами и работал в каком-то учреждении, занимая скромный пост делопроизводителя. В 1937 году он оказался в селе Дзержинское Красноярского края и поддерживал отношения с нами перепискою.

В 1962 году Эли вместе с Сережей Скалоном поехали за дядей Колей. По железной дороге они добрались до Канска и далее на автомобиле до села Дзержинское. Была глубокая осень. Дядя Коля, уже сильно постаревший, воображал, что живет на Камчатке. Он не сразу согласился ехать, думая, что ему спокойнее будет доживать на месте. Наконец, его уговорили. Посадка в Канске была трудной. Она проходила ночью. Поезд должен был стоять только минуту, падал снег. Наши «молодые люди», т. е. Эли и Сережа, проявили необыкновенную энергию, нашли нужный вагон, протащили туда старичков и сели сами. Пришлось еще в поезде сделать санитарную обработку дяде Коле. У него от переживаний расстроился желудок. Дальше все пошло нормально. Добрались до Москвы. Дядя Коля два-три дня прожил в квартире сына, а потом решили, что старичкам лучше всего перебраться в Переславль. Так и сделали.

Дядя Коля занял нижнее помещение нашего дома и жил там своим хозяйством (пенсия его и Евгении Францевны). За ними ухаживала владелица второй половины дома Анна Захаровна Николаева. Она топила печь, убиралась в комнате, помогала, чем могла, так что наши старички с нею сдружились. Эли вела самостоятельный образ жизни. Анна Захаровна помогала ей топить печку. К Эли я приезжал раза два в год. Каждый раз я заставал ее очень деятельной. Она еще быстро ходила, но без меня ограничивалась сравнительно коротким маршрутом: магазин, ближайшие места Трубежа и, конечно, Покровская церковь. Она очень усердно следила за чистотой дома, белья, самой себя. Но она совершенно не заботилась о своем питании: если топилась печка — она варила кашу. Поев ее немного, отдавала остальное Анне Захаровне, а большей частью питалась булками с чаем. Почему-то она очень любила именно булки и кроме них почти ничего не ела. Думаю, ей не хватало витаминов, которые она в изобилии получала раньше в Средней Азии. Тем не менее, она была бодрая и активная.

Зима ее не пугала: полоскать белье она отправлялась на прорубь во льду реки Трубеж, не отставая в этом от местных женщин. Потом я привез ей резино-

Эли полощет белье на реке Трубеж. 1967

вые перчатки, что несколько облегчило этот труд. По вечерам она занималась чтением, переводом немецких и французских книжек, систематически слушала и даже частично записывала русские передачи радио «Ватикан». Кроме того, она очень любила играть на фисгармонии, которую мы привезли из Берлина. К ней любили заходить дети Анны Захаровны, особенно Сережа Николаев. Он имел дар рассказчика и мог долго повествовать о том, как прошел день в детском саду.

Если я в отпуске или в командировку возвращался домой, Эли всегда меня встречала в аэропорту. Летом мы вместе с ней совершали довольно далекие прогулки: на Веськову гору, в лес, к Александровой горе. Этому я радовался. Еще она любила ездить к владыке Гурию в Симферополь. Он всегда был ей очень рад, но она старалась держать себя ненавязчиво и уехать не позже чем через два-три дня.

Наши друзья изредка навещали ее. Один раз даже приехал австрийский профессор Урбан, специалист по мозгу (с ним мы познакомились в Берлине). Так активна Эли была первые три-четыре года своего одиночества. Она ездила и в Загорск, и в Симферополь, и в Муром. В Москве она встречала нашего немецкого друга Веру Георгиевну (Фэри фон Лиленфельд), профессора богословия в городе Эрлангене в ФРГ.

Для того чтобы попасть в Симферополь, Эли нужно было в три часа ночи сесть в автобус, идущий в Москву, и в тот же день попасть на скорый поезд

в Симферополь. На следующий день она была уже в Архиерейском доме на Ялтинском шоссе, устроенном не так давно митрополитом Гурием. Вот отрывок из записи тех впечатлений, которые Эли получила от владыки Гурия (декабрь 1964):

«Владыка Гурий прекрасен, лицо его сияет, без всяких признаков чего-либо тяжкого, но он быстро устаёт». И далее: «Только что мы в Симферополе получили твое письмо от 26 ноября с благодарностью за поздравительную телеграмму с Днем Ангела и описанием испанского богослужения в твоём соборе в Нью-Йорке. Как это замечательно! Владыка так воодушевляется, когда получает письма от тебя, забывает свои болезни, и видно, как дорого ему все, о чем ты пишешь. Глаза его становятся лучистыми, устремленными вдаль, на лице улыбка».

И это записано примерно за полгода до смерти владыки Гурия!

А вот описание встречи с В. Г. Лилиенфельд:

«4 мая 1967 года. Вчера была в Москве и повидалась с Лилиенфельд. Весь день, с 12 до 6 часов, мы были вместе. Посетили Новодевичий, Сокольники. Она почти не изменилась, такая же веселая, энергичная и простая, очень искренняя, несмотря на высокое звание профессора. В Вере Георгиевне мне ужасно нравится ее оптимизм в науке, ее научная настроенность, лишенная всякой сухой схоластики, ее непрерывные планы на следующие научные интереснейшие работы. И все это у ней свежо и оригинально. Например, у нее запланирована тема: «История религиозности интеллигенции XVII–XIX веков»».

Эли ездила к последней игумении Дивеевского монастыря матушке Марии в Муром. Там она духовно отдыхала. Но всегда удивлялась, что там ничего не делалось без послушания. Поэтому все, окружавшие матушку, были безмолвны и бродили как тени. Там была также монахиня Серафима Кудрицкая, принадлежавшая к другой группе дивеевских инокинь, не зависящих от матушки, и потому державшаяся совершенно естественно. Она была врач и в конце жизни подводила итог своим медицинским трудам. Вскоре она умерла.

Со временем условия жизни Эли улучшились. Сын Пантюши — Толя, учитель школы, навещал ее каждый день, варил обед. Приезжала Галя, Елена Евгеньевна из Саратова, Елена Чичерина из Загорска, Матрона Гавриловна из Москвы, Мария Куличкина из Ташкента, Коля²⁴ и Вера Александровна Полынские с дочерью

²⁴ Николай Николаевич Полынский (1928–1989), композитор, автор опер, симфонических сочинений, музыкальных циклов для голоса и фортепиано на стихи русских поэтов и др. Окончил в 1950 Ташкентскую консерваторию по классу фортепиано, в 1956 — Московскую консерваторию по классу композиции, преподавал в Музыкальной школе им. Р. Глиэра в Ташкенте, работал редактором Госконцерта СССР и издательства Музгиз.

Переславль-Залесский. 1962

Машенькой и, конечно, Сережа Скалон с дочерью Олечкой. Все они, как могли, облегчали Элину жизнь. В качестве высоких гостей у Эли бывали архиереи Леонид (Поляков), Сергей (Ларин)²⁵ и Антоний (Варжанский)²⁶.

Эли очень любила наш переславский дом, находя его очень уютным, особенно зимой. В преддверии Нового года, пишет Эли, «улицы засыпаны снегом, сияет солнце, много народа. Чувствуется какое-то праздничное оживление. Украшенная елка стоит на площади. Под ней, как всегда, Дед Мороз и Снегурочка, а рядом волк. Волку на нос нападало много снега, отчего выражение морды становится еще симпатичнее ...»

«Наш дом — это целое царство, в котором можно найти самые разнообразные занятия, особенно внизу, когда там появился верстак. Каждый раз, когда топлю там печку, немного поделаю что-нибудь столярного. Скамеечка почти готова».

Красочно описывает Эли, как уютно в доме, когда истоплена печь и кошки располагаются на лежанке, а снаружи, за заснеженным окном, раздаются удары

²⁵ Архиепископ Сергей (Сергей Иванович Ларин, 1908–1967), архиерей Русской Православной Церкви, последнее место службы — Ярославская кафедра.

²⁶ Архиепископ Антоний Виленский и Литовский (Михаил Антонович Варжанский, 1890–1971), архиерей Русской Православной Церкви. Подружился с братом и сестрой Вендланд, когда служил в Германии.

птичьих клювов по специально выставленной им кормушке. Вечером Эли садилась за фисгармонию и по нотам играла Баха, Моцарта, Бетховена, Чайковского и старинные вальсы. Иногда по радио она слушала Дмитрия Шостаковича. Весной Эли сама вскапывала свой огород, унаваживала и засаживала его. Она сажала не только овощи, но и цветы. Поэтому летом она любовалась васильками и ромашками, душистым горошком и мощными подсолнухами. Осенью Эли собирала урожай прекрасной моркови и петрушки. Еще у нас зеленели маленькие крымские дубки. Она пишет: «Чего стоит чудесная летняя пора! Удивительные растения в садике, их быстрый рост, цветение — все это так интересно и красиво ... Во дворе у нас выросли громадные подорожники, воинственно вооруженные плодоносными штырями. Лен, так красиво цветущий, достиг высоты более 50 см».

Между тем в христианском мире происходило сильное движение в сторону диалога между различными вероисповеданиями. Даже католическая церковь на II Ватиканском Соборе осудила действия кардинала Губерта в 1054 году, когда он, обвинив православную церковь во всех ересьях, положил отлучительную грамоту на престол Святой Софии. С тех пор началось так называемое «разделение церквей», которое более строгие православные богословы называют «отпадение католичества от православия». Клятва была почти через тысячу лет снята обеими сторонами: Рим и Константинополь обменялись соответствующими дружескими посланиями, и даже более, была предпринята попытка «совершить соединение церквей». Эта попытка заключалась в следующем: 26 октября 1967 года Константинопольский патриарх Афиногор прибыл в Рим. Там, в соборе Святого Петра, его встретил папа Павел VI и произнес «Евхаристическую молитву славословия и благодарности». В этой молитве были такие слова:

«Достоин и праведно по долгу нашего спасения благодарить Тебя Господа и Отца, Всемогущего Бога и Единородного Сына Твоего Господа нашего Иисуса Христа, через Которого мы познали Твою Церковь, которая составляет мистическое Тело через одну веру и одно крещение ... » Собор разрешил католикам, в случае нужды, общение с православными в молитве и таинствах. В Америке один православный священник Антиохийского патриархата попросил у католиков храм на один день. Те с радостью дали. Священник совершил в нем литургию и венчание. За литургией причащались жених, невеста и многие их друзья, среди которых были и католики. Последние приняли святое Причастие из рук православного священника с разрешения своего епископа. Причастие было официально разрешено нашей церковью, но обратного разрешения — причащаться православным у католиков — не было дано.

*Евгения Францевна и Николай Евстафиевич Скалон.
Начало 1960-х*

В 1986 году данное разрешение было «отсрочено», до решения всей «Православной Полноты». Меня могут упрекнуть в слишком крайних взглядах, но я думаю, что взаимное разрешение, без всяких предварительных условий, означало бы фактическое соединение церквей. К сожалению, у нас вопросы дисциплинарные, канонические и второстепенные догматические превалируют над настоящей христианской любовью.

Эли разделяла эти взгляды.

Владыка Гурий вряд ли стал бы их разделять.

Между тем мы все яснее чувствовали неумолимое действие закона времени. Мы стали терять своих друзей. 9 октября 1964 года умерла жена дяди Коля — Евгения Францевна. 25 декабря 1964 года в возрасте 94 лет умер сам дядя Коля. Накануне он был в какой-то полудремоте, однако с большим удовольствием слушал пластинки оперы Глинки «Руслан и Людмила», потом лег спать и заснул. Эли слушала его дыхание из соседней комнаты. Вдруг она проснулась от наступившей совершенно тишины. Пошла к дяде Коле. «Он был еще теплый, — как она пишет, — но уже не дышит, глаза закрыты, и лицо выражает неземное спокойствие». Стараниями Эли старичков причащали несколько раз и один раз соборовали.

22 января 1965 года умерла матушка Серафима (Яковлева). 12 июля 1965 года умер владыка митрополит Гурий. Эли не нашла в себе сил поехать на его похороны в Симферополь.

Дома Эли продолжала вести очень активную жизнь. Она следила за политикой. Не пропустила такого редкого случая, когда Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Подгорный посетил Ватикан и имел аудиенцию у папы Павла VI, что было показано по телевидению 31 января 1967 года.

Однако Эли начала побаливать. Временами у нее начиналась сильная тахикардия, поднималась температура. Уколы стрептомицина, постельный режим снимали эти явления, и Эли снова вставала и возвращалась к прежней деятельности. Друзья стали ей помогать — носили воду, стирали и полоскали бе-

лье. 2 марта 1967 года Эли причащалась на дому. Она быстро поправилась, но по временам сердцебиение и температура возвращались. Ложась спать, она боялась бессонной ночи, к ней стал приближаться страх смерти. Перед сном она часто молилась, говоря: «Господи, дай мне спокойную ночь! Господи, не дай мне умереть! Господи, пошли мне здоровье!»

Наконец, 27 июля 1967 года я вернулся в Москву. Впервые Эли не смогла встретить меня в аэропорту. Я поселился в гостинице «Россия». Но на следующий день она позвонила мне в гостиницу, а потом приехала в Москву, присутствовала на моем богослужении в Новодевичьем монастыре, пообедала и уехала обратно. Еще раз она приезжала и прожила в Москве с 3 по 7 августа, ежедневно встречаясь со мной. 10 августа 1967 года я окончательно вернулся в свой дом в городе Переславле-Залесском. С тех пор мы с Эли не разлучались.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ЭЛИ. С 10 АВГУСТА 1967 ПО 4 СЕНТЯБРЯ 1970 ГОДА

Эти годы были для Эли радостными. Мы почти не разлучались, совершали интересные, хотя и небольшие прогулки и всегда бывали в церкви. Бывали прогулки и подлиннее, но все пешком, например, на кладбище, куда мы приходили со стороны поля.

Удалось начать ремонт нашего старенького дома: были проконопачены все стены, включая ту часть, которая принадлежала соседке Анне Захаровне, перекрыта крыша, вставлены новые оконные рамы.

Через несколько дней после моего приезда в Переславль нас посетил архиепископ Сергей Ларин. В это время мы были в лесу. К счастью, дома был Сережа Скалон, который занимал его беседой в течение трех часов. Архиепископ пообедал и остался у нас ночевать. Я отвел ему нижнюю комнату, а сам с Сережей ночевал на террасе.

Часто с Эли мы отправлялись на прогулку на надувной резиновой лодке по реке Трубеж или Плещееву озеру. Если мы уходили в лес, то обычно разводили костерок, пекли картофель и поджаривали на огне хлеб. Эли при этом читала что-либо духовное. Помню, что на нее произвела большое впечатление статья архиепископа Михаила Чуба в журнале Московской Патриархии о епископе Игнатии Брянчанинове. В своем дневнике она записала: «Статья чудесная, переносит в те давние времена и вселяет в душу какое-то особенное настроение близости этого святителя и высоты тех мыслей, которые он высказывает в своих произведениях».

Отец Михай в Переславле-Залесском. 1970

К нам стали приезжать наши старые друзья. Первым приехал отец Михай Хархаров. Эли пишет о нем: «В 7.30 вечера мы были обрадованы неожиданным появлением дорогого батюшки отца Михея. Волосатый, веселый, как всегда». Вслед за ним приехали Варвара Сергеевна Заспелова со своим сыном Сережей Зегждой²⁷.

Конечно, Эли была очень рада моему приезду. В первые же дни после моего возвращения из США она записала: «Лишний раз я порадовалась, что мой братик здесь!». Рядом еще одна запись, которая раскрывает

ее духовный мир: «Вера — это новое состояние ума, который получает новые силы через Святого Духа и которому открываются совсем новые мысли и чувства». Несмотря на плохое самочувствие, бессонные ночи, кашель, одышку, она при каждой возможности идет в церковь. «Как было хорошо! — писала Эли. — Неопишимо! Божественные слова заходили в сердце. Среди молящихся было много наших знакомых. Я любовалась на красоту моего дорогого братика и на его служение. Пели очень хорошо. Во время службы у меня прошло сердце, которое билось со вторника».

12 сентября 1967 года в день памяти святого Александра Невского и в 27-ю годовщину со дня смерти нашей мамы, скончался архиепископ Сергей (Ларин). Пользуясь разрешением, заранее испрошенным у него, я служил литургию в Покровской церкви Переславля. Литургия носила и праздничный, и заупокойный характер, служили в белых облачениях. Телеграмма от митрополита Пимена²⁸ (тогда управляющего делами) пришла во время литургии и даже немного задержала службу. В ней я назначался временно управляющим епархией. Потом я ездил в Пушкино и участвовал в отпевании владыки Сергия.

²⁷ Сергей Андреевич Зегжда (1935–2015) — доктор математических наук (1988), профессор математическо-механического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (1989). Как и его родители (Андрей Зегжда и Варвара Сергеевна, урожд. Заспелова), принадлежал к Александро-Невскому братству.

²⁸ Митрополит Пимен (Сергей Михайлович Извеков, 1910–1990), в будущем Патриарх Московский и всяя Руси.

Возглавлял отпевание митрополит Пимен, третьим был епископ Филарет (Вахромеев), ректор Московской духовной академии, который привез с собою хор студентов. Владыку Сергия похоронили на кладбище села Мамонтовки.

Я еще не спешил в Ярославль. Принимал в Переславле отца Леонида²⁹ и Нину Кузьминовых, отца Игоря Мальцева³⁰ и других.

Игорь Мальцев с дочерьми. 1955

Эли молилась обо мне: «Пресвятая Богородица, сохрани и защити его!» Моя первая служба как управляющего епархией состоялась в Ярославле на праздник Рождества Богородицы, 21 сентября 1967 года.

24 сентября 1967 года Эли вместе с отцом Игорем на автобусе приехала в Ярославль. Впервые она причащалась в церкви архиерейского дома. Отец Игорь служил со мной. После обеда мы поехали на автомобиле смотреть Ярославль. Первые впечатления Эли были такими: «В этом городе много низеньких двухэтажных домов в стиле Александра I. Большие площади, с домами и колоннами. Были на набережной, с которой открывается вид на громадные просторы Волги. Посетили мы Ильинскую церковь с ее прекрасными фресками. В аннотации росписи объясняются совсем по-современному, что в живописи наблюдаются мирские темы, что авторы, расписывая собор, больше изображали природу, быт, избы, терема, и это, якобы, указывает на отход от аскетизма и на обмирщение.

Потом были мы в музее в бывшем Спасском монастыре. Там осмотрели четыре зала с иконами, начиная с XIII века. Громадную икону Пресвятой Богородицы «О Тебе радуется». В центре Пресвятая Богородица с Младенцем на груди. Выше — какие-то деревья, потом ангелы, святители. Все восхваляют Ее. Потом икона «Величит душа моя Господа». В центре — Пресвятая Богородица. По краям иконы изображены слова восхваления. Например, богач сидит пе-

²⁹ Протоиерей Леонид Кузьминов (1932–2017), близкий друг семьи Вендланд. Познакомился в Узбекистане. Большую часть жизни служил в Москве.

³⁰ Протоиерей Игорь Мальцев (1925–2000) познакомился с архимандритом Гурием в 1945 и вошел в его духовную семью. Был другом митрополита Иоанна (Вендланда) и архиепископа Михея (Хархарова). Последние годы жизни служил в Ярославле.

ред опустевшим мешком с деньгами (“богатыющиеся отпусти тщи”). Бесы пронзают головы “мыслия сердца их” — изображены головы монахов и купцов. Потом зашли мы на рынок. Своей патриархальностью он мне напомнил произведения Островского».

Все эти описания Эли заканчивает молитвой: «Господи, благодарю Тебя за чудесный сегодняшний день, за то, что я сподобилась причаститься Святых Твоих Тайн. Дай, Господи, мне благополучно прейти длинную ночь и опять увидеть день солнечный!»

Одним из первых к нам в гости в Ярославль приехал кандидат богословия Николай Павлович Иванов. За обедом он сказал мне: «Владыка, Вам надо молиться Богу, чтобы он послал Вам премудрость для управления епархией». Тогда я возразил ему: «Соломон тоже просил премудрости у Бога и получил ее. Но что же дальше? В Великом каноне преподобного Андрея Критского мы читаем: “Увы мне! Рачитель премудрости — рачитель блудных жен явился и чуждь от Бога!” Поэтому я предпочел бы просить у Бога не премудрости, а покровительства, Покрова. Такой Покров со стороны Бога обязательно будет премудр. Таким образом, иметь собственную мудрость мне совершенно не обязательно».

Оглядываясь теперь на свое более чем 18-летнее архиерейство в Ярославле, я вижу, что принцип испрашиваемого мною Покровительства действительно восторжествовал над принципом мудрости; вернее же, сама мудрость была включена в Покровительство.

По поводу самого Николая Павловича Эли пишет: «Я восхищаюсь его бодрым настроением и работоспособностью. Он ни одной минуты свободного времени не теряет зря, а все что-нибудь читает, изучает. Вот и сейчас, поедет в поезде и не в окно смотреть будет, а будет читать купленную книжку “Происхождение жизни”».

Нас вспомнили старые знакомые по Узбекистану, коллеги-геологи: Нина Дмитриевна со своим сыном Борей Зленко, Мария Ивановна и Лидия Ивановна Куличкины. Гостила Матрона Гавриловна Комарова из Москвы.

25 октября 1967 года в Ярославль окончательно переехал отец Игорь (Мальцев), уволившийся из Саратова, и уже через две-три недели оказалось возможным принять его в клир. После Покрова я съездил в Троице-Сергиеву Лавру на акт в Академию. Возглавлял его Святейший Патриарх Алексий. С 15 по 19 октября я был в Москве на приеме у митрополита Алексия. В это время Эли записывает свои дорожные впечатления: «Мы любовались на домики в деревнях, какие они красивые, как разукрашены наличниками их окошечки. Ехали лесом. Листва отлетела. На болотах высокая желтая трава, тростники с метелками».

В ночь на 30 октября ей приснился удивительный сон. Вот как она описывает этот сон и толкует его:

«Мне снилось, будто идет акафист преподобному Серафиму Саровскому в русско-эстонской церкви, наверху. Служит о. Александр (Пакляр). Все стоят на коленях, все прихожане знакомые, старые, ленинградские. У батюшки нет свечки в руках. И я пошла покупать свечку к свечному ящику. А за ящиком стоит Павел Петрович из Переславля. Он дает свечку кривую. Я прошу другую. Наконец, купила свечку и иду отдавать ее отцу Александру. Но он окружен людьми, не подойти к нему, тем более, что все на коленях.

Эли. Переславль-Залесский. 1960-е

Тогда я отдаю свечку одной даме, которая тоже на коленях. Она так мило улыбается, узнала меня, кивает головой и передает свечку о. Александру. Дальше я проснулась, и меня до сих пор охватывает такое приятное чувство общения с дорогими людьми. Не так ли радуются верующие люди, когда умирают и встречаются там с давно ушедшими, и все становятся как живые. Господь послал мне этот сон. Чтобы не бояться смерти, а радоваться ей и понять, как может быть радостна смерть».

Эли продолжала энергично интересоваться физикой, астрономией, науками о Земле. В то же время она неукоснительно выполняла монашеское правило и пятисотницу.

22 ноября 1967 года в Москве умер художник Павел Корин. Его торжественно отпевали 24 ноября, задержав тем гражданскую панихиду. У нас, в домовый церкви, служилась заупокойная литургия по нему. Совершал ее я, прислуживал Владимир Михайлович Ершов. Пели о. Игорь, Эли, Анна Григорьевна Ершова, матушка Евгения Волощук, Матрона Гавриловна Комарова.

За обедом обсуждались «Письма из Русского Музея» В. Солоухина, особенно его образ «карася», решившегося на секунду выпрыгнуть из воды, взглянуть на окружающий мир. Но «карась» стал задыхаться и сейчас же прыгнул обратно в воду и притаился на дне. Своим друзьям он ничего не мог сказать. Как «карась» не может видеть того, что вне его сферы, так и человек не видит

другой жизни, которая выше его, а она есть. Но, тем не менее, человек стремится к Богу и получает духовную жизнь.

26 ноября праздновали мои именины. Приехал о. Леонид Кузьминов с Ниной Константиновной, было 20 священников и дьяконы. Все они обедали. Меня почтил своим посещением уполномоченный Виктор Алексеевич Вагин. Пели народные песни. Через несколько дней мы собрались в Переславль. «Как хочется в Переславль! — пишет Эли. — Там ждет меня фисгармония; но чувствую температуру. Господи, помоги мне! Прочитала правило, пятисотницу, немного поспала. В 6 часов прослушала последние известия. Температура оказалась небольшая, только 37 градусов».

Я поехал в Переславль один. Эли очень жалела меня и находила, что я выгляжу «несчастеньким». На 1 декабря я пригласил Эли приехать в Переславль, чем она была очень довольна. Она пишет: «День прошел в трогательном общении. Мы сидели вместе в большой комнате. Необыкновенно благодатное чувство у меня к братику за его любовь. Он радовался, что я поспала и что мне стало лучше». Потом Эли причащалась в Покровской церкви и еще пишет: «Братик такой внимательный ко мне, такой любвеобильный».

Причиной моего приезда в Переславль была служба на день преставления святого благоверного и великого князя Александра Невского — 6 декабря (23 ноября). Святой Александр родился в городе Переславле-Залесском (1220 г.), был крещен в Преображенском соборе Переславля; там же в возрасте трех лет принял «посвящение в воины», совершенное епископом Симоном Суздальским. Некоторое время он был удельным князем Переславля, а закончил свой земной путь в Городце на берегу Волги 14 ноября 1263 года, а 23 ноября состоялись похороны святого в тогдашней столице Русского государства городе Владимире, в монастыре Рождества Пресвятой Богородицы. Затем 30 августа 1724 года мощи святого Александра Невского были перенесены в Санкт-Петербург. Этот последний день — по новому стилю 12 сентября — является датой многих событий в нашей жизни.

Эли присутствовала на службе, но чувствовала себя плохо. Дома у нее оказался жар — 38,3 градуса. Энергичные меры переславских врачей — стрептомицин, вливание коргликона с глюкозой, эфедрин и микстура термопсиса — на третий день (8 декабря) возымели свое действие. Врач сказал, что Эли — тяжелая больная. Но врачи не догадались еще лечить и щитовидную железу, за что впоследствии принялась доктор Елизавета Александровна Александрина³¹.

³¹ Елизавета Александровна Александрина (1927–1999), врач, монахиня, близкий друг и личный врач митрополита Иоанна (Вендланда).

8 декабря в Переславль приехал о. Игорь с семьей. Он уже купил домик в Ярославле и получил назначение на Введенский приход Ярославского района, расположенный на очень красивом месте на берегу реки Которосли.

А я тогда еще был в силе. Эли пишет: «Владыка просто неутомимый, все ему надо движения, и он опять ушел гулять вместе с о. Леонидом. Уже стало темно, а они все гуляют. Наконец, пришли, но и этого мало: владыка отправился в баню, а мороз крепчал, стало минус 19 градусов. Гости решили заночевать».

О. Леонид привез с собой давно знакомого нам по Ташкенту дьякона Ивана Васильевича Червякова. У него было астматическое дыхание, но он служил. Это было наше последнее свидание с ним: вернувшись в Ташкент, он вскоре умер.

Эли читала машинописную книжку «Альберт Эйнштейн» и записала следующие мысли Эйнштейна о Моцарте: «Для меня Моцарт сливается с теоретической физикой. Там беспредельность высшей математики, как беспредельность высших музыкальных построений... Гении музыки стоят рядом с гениями физики».

Запись Эли на Николин день, 19 декабря 1967 года:

«Сегодня радостный детский праздник, которого мы в детстве с таким нетерпением ждали, потому что вечером накануне, когда мы уже спали, приходил святой Николай и клал нам в выставленные туфли какие-нибудь подарки. Теперь, увы, это все забыто».

22 декабря я испугал Эли тем, что катался на лыжах при минус 35 градусах с ветром. Я был в полуботинках и без теплых носков. Вернувшись домой, попросил растереть мне левую ногу: она стала как деревянная и потеряла чувствительность. Энергичное растирание шерстяным шарфом с одеколоном вернуло ей жизнь. Стопа потеплела, а до этого была хотя и красной, но холодной, как лед. Это было уже обморожение, пишет Эли. А я после этого еще ходил на почту и даже пошел, чтобы еще более согреться, в баню.

Когда наступила ночь, показалось северное сияние в виде столбов. Видел я его первый раз в жизни. Еще раз, яснее, северное сияние я видел тоже в Переславле. Это было 6 декабря 1973 года.

25 декабря Эли слушала папскую мессу из Рима. Папа произнес проповедь на французском языке. Служба продолжалась ровно 1 час — с 2 до 3 часов ночи по нашему времени.

Новый, 1968 год она встречала на половине нашей соседки Анны Захаровны. 2 января 1968 года мы все вернулись в Ярославль. Здоровье Эли — неустойчиво. Больны еще хуже — инфарктом — архиепископ Антоний Варжанский (Вильнюс) и Николай Павлович (Москва).

В сочельник, 6 января 1968 года, Эли причащалась в кафедральном соборе. Возвращаясь домой, она видела зимнюю радугу, при падающем мелком снеге. «Слава Богу, как хорошо, что я сподобилась причаститься в Рождество Христово!» — пишет она. Тогда у нас еще служили ночную «песенную утреню» — с 12 до 2 часов ночи, к которой поехал я. Эли оставалась дома и поймала по радио рождественскую службу из Лондона.

8 января Эли записала в своем дневнике: «Сердце бьется уже с неделю, одышка, насморк. Принялась вышивать орлец и в 2 часа ночи решила лечь спать. Господи, исцели меня, дай ослабу в болезни. Слава Богу, настало утро, а с ним и мне легче!»

Утром 8 января служилась литургия в Крестовой церкви, освященной еще покойным архиепископом Сергием. В 1 час дня был торжественный рождественский прием, очень изобильный. Поднятие тоста за Святейшего Патриарха Алексия было связано с недавним награждением его орденом Красного Знамени. Первая наша Рождественская елка была 9 января. (Эта традиция держалась по 1986 год включительно.) Гостями преимущественно были дети о. Игоря.

Все рождественские дни Эли держалась молодцом, ведь она уже болела с начала 1967 года. Из поликлиники приходил врач. Он сказал, что у нее задеты верхние дыхательные пути, а вот обострения в легких нет. Приказал беречься холода и не выходить на улицу. Она пишет: «Прочитав правило, я заснула и когда проснулась, то увидела в окнах свет: было 9 часов. Слава Богу, чувствую себя хорошо. Погода морозная, минус 31 градус... После ужина владыка пошел спать, и я опять сию одну. Только писание дневника дает мне возможность изложить, хоть на бумаге, свои мысли. Господи, помоги мне!»

Да, бедная Эли! Хоть мы теперь жили вместе, но из-за моей постоянной занятости наша жизнь отличалась от прежней, в Берлине. Там я поручал ей немало епархиальных работ. Сейчас она весь день проводила в одиночестве. Вот почему, когда мне через некоторое время опять предложили Берлин, Эли очень захотела вновь туда поехать, но это было нереально: она уже была слишком больна и слаба.

Вот ее записи того времени: «Не сплю с двух часов ночи, переделала много всяких дел: прочитала правило, читала “Зори над Русью”, заштопывала чулки, чувствую себя неважно. Тоскливо, что болею и, наверное, уже не поправлюсь. Владыка весь день отсутствовал — то был на приеме, то ездил куда-то».

Особенно страдала она по ночам, хотя и в это время она не была бездеятельной: читала монашеское правило, пятисотницу и даже интересные географические и исторические книги. Только раз она попросила меня посидеть с нею, и я пробыл с ней до двух часов ночи, пока ей не захотелось спать.

Наконец, 16 января 1968 года, не знаю откуда, мы нашли замечательного верующего врача — Елизавету Александровну Александрину. Она стала нашим другом, очень полюбила Эли, на два с лишним года вернула ей силы (и до сих пор — пишу в 1987 году — является моим личным бескорыстным и внимательным врачом).

Елизавета Александровна открыла главную причину Элиной болезни — увеличение щитовидной железы, отчего и возникла тахикардия и прочее. Она взялась за лечение. Эли становилось лучше. Устранялись хрипота и спазмы в дыхательных путях. Вернулась присущая ей от природы радость жизни. Она очень полюбила Елизавету Александровну.

«Я проснулась от милого голоса Елизаветы Александровны. Ее ласковое, доброжелательное и жизнеутверждающее обращение всегда доставляло радость». Или: «Милая Елизавета Александровна сегодня не приходила. Радуюсь, что она придет завтра». И еще: «Она пришла такая славная, поднимающая дух, разубедила меня насчет рака, сказала, что, как станет тепло, так приступы удушья пройдут. Словом, утешила меня. Такая славная».

Раньше, когда Эли бывало плохо, она будила меня и просила посидеть с нею. Но после появления Елизаветы Александровны таких случаев не припомню. Она пишет: «После 7 часов утра ко мне пришел владыка и стал кормить меня колбаской, булочкой, урюком. Такой он заботливый. Слава Богу, что я дождалась его возвращения из Америки. Как бы я так болела без него». Когда у нас в Крестовой церкви бывали службы, Эли всегда причащалась.

Элино здоровье заметно пошло на поправку. Гормональное лекарство, назначенное Елизаветой Александровной, сняло удушье. Елизавета Александровна успокаивающе говорила: «Не будем думать о том, куда оно ушло». Конечно, не разовый прием, а целый курс лечения с последующими поддерживающими дозами потребовались, чтобы стабилизировать этот результат.

Силы Эли прибывали. Епархия купила пианино, и она стала понемногу играть на нем. Иногда мы устраивали прогулки на автомобиле. Эли их очень любила. На свежем воздухе, переполненная впечатлениями, она чувствовала себя лучше: «Освещение и ощущение совсем весенние, и сразу становится весело. У Волги мы вышли и пошли по набережной до беседки и назад... Вечерние мо-

*Елизавета Александровна
Александрина. 1960-е*

литвы читал маленький Сережа Мальцев, звонким, высоким, мальчишечьим голосом, очень хорошо, наизусть». Она так окрепла, что я стал брать ее в Переславль.

О, чудо! Здесь она забывала о том, что была больна: ходила по магазинам, делала покупки, ходила даже по весеннему гололеду.

Моей сестре в это время было 68 лет. Но ее восприятие мира оставалось по-детски чистым. Вот как она описывает в своем дневнике впечатление от фильма «Лесная симфония». «Этот фильм очень красив. Действие происходит в настоящем дремучем лесу. Слышно, как поют птицы и кукуют кукушки. Очень много лесных зверей. Особенно оленей. Все начинается с рождения олененка, которого заботливо облизывает его нежная мать. Их окружают чудесные животные: белочки, вылезаящие из дупла; гнезда с птенцами, раскрывающими клюв; выводок уток на реке; хитрая лисичка, поймавшая утенка и затаскивающая его в свою нору. Страшный медведь; кабаниха с полосатым кабанчиком; еж, который на глазах убивает змею, схватив ее за голову. Виден глухарь с красными перьями на голове, издающий очень грубые звуки. Гроза в лесу, с настоящим громом. Лето сменяется осенью. Все деревья желтые. Потом зима. Появляется стая волков. Им удастся схватить одного олененка. Потом рысь — настоящая большая кошка с острыми ушами с кисточками — крадется за олененком, влезает на дерево...»

Это бесхитростное описание дремучего леса очень характеризует любовь к природе моей сестры. В свою очередь эту любовь мы унаследовали от наших папы и мамы. Оба они вдохновлялись музыкой Н. Римского-Корсакова, в особенности его оперой «О деве Февронии и о граде Китеже».

Эли очень интересовалась космонавтами и следила за их судьбой. 28 марта 1968 года она пишет: «Сегодня мы узнали о гибели Юрия Гагарина во время полета на тренировочном самолете. Как жалко его! Даже не верится, что это могло произойти... Вечером того же дня мы смотрели по телевизору торжественное заседание по случаю 100-летия со дня рождения Горького. Перед нами в зале Съезда Советов сидели все наши писатели. Это редкий случай, когда мы видели их, как на витрине. Председательствовал Константин Федин. Он сообщил о гибели Гагарина и его друга полковника Серегина. Все присутствовавшие почтили их память вставанием. Доклад Фебина о Максиме Горьком был безукоризнен по форме, но несколько сух. Блестящий, чудесный доклад сделал писатель Леонов. Чудесные выражения, художественные, живые, несколько раз прерывались аплодисментами...»

29 марта Эли выехала со мною в Переславль, а 30 марта мы там по телевизору видели похороны Ю. Гагарина и Серегина.

Интересно отметить, что именно в Переславле Эли чувствовала себя дома. Приехав в Переславль, она пишет: «Приятно проснулась с ощущением, что находимся дома. Как приятно чувствовать себя свободной!»

И правда, в Переславле Эли была очень активна. Она пишет: «Чувствую большую слабость в коленках; с трудом влезла в автобус и проехала одну остановку. Затем побывала в магазине, купила молока 1,5 литра, бобов в банках, сходила на маленький базарчик, там уже всю продают семена. Я купила семян редьки. Кряхтя и сопя, я пошла домой, зайдя по дороге в хозяйственный магазин, где купила сучкорез. Потом еще два раза ходила в магазин “Новый мир”, закупив там всяких необходимых продуктов. Чего только нет в этих магазинах! Всяких сластей и других продуктов. После всех этих путешествий оказалось, что сердце у меня стало нормально биться!»

Затем мы вернулись в Ярославль. Я занимался епархиальными делами, а бедная Эли беспокоилась, что я слишком много времени провожу внизу. С 6 по 8 апреля 1968 года я ездил на поезде в Любим, в простом вагоне, но в духовной форме. Я служил там на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Вернувшись, я поехал в Москву, оставив Эли в Переславле. Чтобы ей не было скучно, я упросил о. Игрия поехать с нами и пожить несколько дней в Переславле.

11 апреля 1968 года я читал в Москве сообщение о Иеллоустонском парке с демонстрацией множества цветных диапозитивов.

Этот доклад имел своим последствием то, что после него ко мне в номер пришли старые знакомые: Мака Тыжнова, Таня Молчанова, кто-то из Фоков. Было очень приятно их увидеть.

13 апреля, в вербную субботу, мы были уже в Ярославле. На Вербное воскресенье я оставил Эли дома, но прислал протоиерея Николая Зефирова³², чтобы он послужил литургию в Крестовой церкви Архиерейского дома.

Эли читала часы, пела вместе с певчими и причащалась. Великий Понедельник и Вторник я, в том же домашнем храме, служил Божественную литургию Преждеосвященных Даров. Пели вместе утреню Великой Среды, а на следующий день — Великого Четверга. Эли я взял в церковь только к заутрене, но она сидела в машине и слушала, а потом шофер Лев Михайлович повез ее по разным церквам — в Кресты и в Смоленское. На Пасхальную вечерню Эли я ввел впервые в алтарь. Она пишет, что не могла даже слушать службу от сознания того, что находится в алтаре.

Я продолжал устраивать автомобильные прогулки, которые очень нравились Эли. Отслужив Пасху, мы поехали в Переславль и там много катались на автомобиле, посещая красивые места, и даже плавали на надувной лодке.

³² Ярославский священник.

После Радуницы мы поехали в Москву в гости к пригласившему нас Михаилу Ивановичу Демидову. Он принял нас в своем загородном доме с прекрасной библиотекой, с огородом, пасекой, гаражом для автомобиля и лодки. Теперь, к сожалению, его прекрасная дача вошла в черту города Москвы, а Михаилу Ивановичу дали обычную городскую квартиру со всеми удобствами, но без утешения «сидеть на земле». Проведя вечер у Михаила Ивановича, мы вернулись в Переславль, где встречали праздник Первого Мая.

2 мая мы были приглашены к своим соседям на празднование дня рождения старшей дочери Анны Захаровны, Нины, которой в этот день исполнилось 18 лет. Вот как Эли описывает это торжество: «Во всю комнату стоял составной стол, уставленный разнообразными закусками. Гости — молодые девушки и дети. Они все оживленно болтали, произносили тосты, пили вино. На столе стояло много бутылок и среди них бутылки с “Ка-Ша” — “Колхозное шампанское”, а попросту самогон. Все это множество бутылок к концу пира было опорожнено. Очень интересно было смотреть на девушек. Они держали себя совершенно отдельно от более старших, они — молодежь. Они все уже работают. Одна из них была одета в модное платье без рукавов. Глаза у нее были подведены черным карандашом с продолжением у наружного угла глаза. Пели они молодежные песни, какие-то с неопределенной мелодией, почти что разговорные, например, как медведь терся спиной о земную ось. Потом о соседе, который играл на кларнете, так что не надо было будильника. Они по его игре знали, который час. Отрывистыми звуками они изображали его игру на кларнете. Когда более старшие начинали петь свои песни, то они умолкали, а потом опять начинали свои».

Мы снова вернулись в Ярославль. Эли чувствовала себя там не так свободно, как в Переславле. И все-таки боялась, как бы я не придумал оставить ее в Переславле.

Вот Элина запись: «Когда вчера мы ехали сюда из Переславля, я думала, что в Ярославле будет блаженное житие: ничего абсолютно не надо делать. А сегодня такая тоска напала после вольной жизни в Переславле. Сажу, как в клетке, в своей комнате. Совершенно нет никаких занятий... День прошел для меня тоскливо, в полном бездействии. Лежала на кровати и читала “Русский лес”».

Эли очень любила сидеть на маленьком балкончике, освещенном солнцем, и наблюдать деревья, небо, цветы. Там 16 апреля она впервые услышала свист скворца и потом регулярно наблюдала их жизнь. Под 6 июня она запишет, что видела скворцов в лесу, летающими вместе со своим молодым поколением.

Еще своеобразным весенним явлением было появление сморчков. Их мы купили на базаре 5 мая (тогда же и цветы — пульсатиллы).

А 6 мая я сам нашел сморчки на широкой лесной просеке. В другом месте я нашел их 10 мая. Но то, что пишут о сморчках, будто они появляются на весеннем снегу, «подобно рассыпанной картошке», недействительно для Ярославской области: здесь слишком промерзает почва.

Эли очень подружилась с Елизаветой Александровной. Вот что пишет Эли в своем дневнике от 8 мая 1968 года: «Я вышла посмотреть, не идет ли Елизавета Александровна, и вдруг она уже поднимается по лестнице! Мне это была большая радость! Мы уселись у меня в комнате, и началась оживленная беседа, во время которой она за мной наблюдала и делала свои выводы. Елизавета Александровна дала мне кучу лекарств, от них мне стало гораздо лучше».

За минувшую зиму 1967–1968 годов нас посещали гости: наши двоюродные Сережа Скалон и Верочка Грамматчикова; знакомые: Коля Полынский, Елена Панкратова и ее племянница Рита; о. Игорь Мальцев, о. Иоанн Беляков, перешедший из Ташкентской епархии в Ярославскую еще с осени 1967 года и ставший настоятелем Покровской церкви Переславля. И, наконец, Нина Дмитриевна Зленко со своим сыном Борисом Федоровичем.

Посещала нас также Елена Евгеньевна из Саратова со своей племянницей Ритой, тогда еще дошкольницей. Приезжала Дивеевская игуменья Мария (Барина)³³ из Мурома. Навещала также, большей частью в Переславле, Елена Владимировна Чичерина.

В середине мая 1968 года Эли почувствовала ухудшение состояния своего здоровья. 17 мая она пишет: «Вот до чего я дожила, сколько сердечных средств мне предлагают принимать. Я даже не спрашиваю Елизавету Александровну, поправлюсь ли я, потому что сама знаю, что эта мерцательная аритмия уже не пройдет, а отеки будут увеличиваться. И Елизавета Александровна меньше утешительных слов мне говорит».

Но Эли в будущем предстояло еще совершить огромное путешествие в Среднюю Азию и встретиться там со своими бывшими пациентами.

Эли пишет: «Читала книжку “Ядерная астрофизика” о ядерных частицах. Это помогает читать статьи о звездах». Или: «Наслаждалась игрой на пианино». Или: «Читала сегодня в послании св. апостола Иоанна — I Иоанна 5, 13–15 — “Дабы вы знали, что, веруя в Сына Божия, имеете жизнь вечную... И вот какое дерзновение мы имеем к Нему, что, когда просим чего по воле Его, Он слушает нас... Знаем и то, что получаем просимое от Него”. Какое дерзновение и надежду дарят эти слова!»

³³ Монахиня Серафимо-Дивеевской обители. В годы гонений на церковь, когда монастырь был закрыт, хранила икону преподобного Серафима Саровского «Умиление».

Или: «Весь день я лежа читала книгу “Ядерная астрофизика” и “Русский лес”».

Говорили о фотографиях, и я сказал, что очень страшно на них смотреть, когда уже все в прошлом. Но Эли: «А я с жаром возразила, что теперь вовсе не все в прошлом, а велико и будущее, и думала о вечной жизни после смерти, вспоминая, что читала утром, что, веруя в Сына Божия, мы имеем вечную жизнь».

Или: «Сегодня читалось потрясающее Евангелие Иоанна 16, 23 — “Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое — даст вам”. Меня пронзила сразу мысль о больном уполномоченном, который лежит в полубытьи с инфарктом, и об о. Борисе. Я попросила, чтобы Господь их исцелил». Между тем мы поехали в село Введенское, для того чтобы помочь о. Игорю увезти оттуда свои вещи, и пока их отвозили, сидели в лесу, о котором Эли пишет, что он подобен райскому саду. Особенно ей нравились цветочки типа бессмертников — кошачьи лапки, она всегда наслаждалась ими.

На следующий день Эли напишет: «Все вспоминаю я вчерашний лес. Там воздух напоен чудесным ароматом сосен и разных цветов, как в раю. Недаром при богослужении употребляются ароматы. Чудесное благоухание как-то создает молитвенное настроение, хвала Богу. Еще в лесу пели разные птицы высокими чистыми звуками и трелями. Вдали куковала кукушка!»

Еще запись: «В то время как все пошли к всенощной, я сидела дома, рисовала, читала о Байкальской впадине». Еще: «Вечером владыка, вернее, я читала вслух его переложение сочинения философа Николая Афанасьевича Лосского “Общедоступное введение в философию персоналистического идеал-реализма”. Все совершенно непонятно, неинтересно, производит впечатление выдуманных из головы теорий, созданных совершенно без всяких научных доказательств, а просто как плод фантазии».

Или: «Сегодня Икар прошел на расстоянии 6 миллионов километров от Земли (14 июня 1968 года)».

Интересно, что в это время в протестантских церковных кругах появилось учение о «мертвом Боге», точнее, оно формулировалось так: «Бог умер в сознании людей». Всемирный Совет Церквей вообще не признал это учение за богословие.

Эли вспоминает, как умерла наша бабушка, папина мама. Она пишет: «21 июня 1968 года, пятница. Сегодня день смерти бабушки лумянской, 8 июня (старого стиля) 1911 года. Помню, как сейчас. Был очень жаркий июньский день. Мы с Китей Лермонтовой пошли гулять. Бабушке уже было очень плохо. Дома остались тетя Саня, мама, тетя Катя, Лиля. Помню, как ходили по цветущим лу-

гам. Тем временем появились черные тучи, послышались раскаты грома, и мы поспешили домой. Пришли. Стало совсем темно. Вдруг раздался страшный удар грома, как пушечный выстрел, и одновременно сверкнула молния. Пошел проливной дождь. Тут же пришла мама и сказала, что бабушка скончалась! Это было 57 лет тому назад. Царство Небесное нашей дорогой любимой бабушке. Бабушку похоронили на деревенском кладбище в селе Зубачи, около церкви. Там же, еще раньше, в 1909 году 15 июля, похоронили папину няню Екатерину (Шмидову). Все эти воспоминания особенно живо выступают передо мной в этот день, когда уже и я близка к могиле».

От себя дополню следующее семейное предание: папе трудно было пойти в церковь на отпевание своей мамы. Он сидел в саду и вдруг видит: его мама идет к нему по аллее. Прошла несколько шагов и исчезла!

Мы были на прогулке в Переславле. Эли пишет: «У подножия обрыва тек ручеек. Этот ручей нанес много различных камней. Мы с восторгом их насобирали. Известняк с окаменелостями, чудесное брюшко трилобита, различные раковинки, красный песчаник, граниты. Охватывало какое-то особенное чувство восторга оттого, что видишь перед собой, как образовалась Земля и как открываются ее недра». Или: «Я оделась в монашеское платье, и мы с Леной Чичериной пошли в церковь на клирос. Не могу сама себе дать отчета в том, что я стою на клиросе и пою! Через шесть лет нашего пребывания в Переславле это, наконец, совершилось. Старая певчая, альтиха, сказала, что у меня хороший голос. Я, конечно, была этим очень польщена и стала петь смелее. Незаметно прошла служба. Не помню уж, когда это было, чтобы я в церкви отстояла обедню с начала до конца. Только в Ярославле, в Крестовой церкви, так бывает».

В этом году у нас гостила Ольга Петровна Брехова (Лёля) — медсестра из Ташкента, которая работала с Эли. Она благоговееет перед ней как перед врачом.

Приезжала также гостя из Ферганы — Наталья Александровна Логинова.

7 сентября 1968 года началась моя поездка с Ниной Дмитриевной Зленко и ее сыном Борисом Федоровичем в Среднюю Азию. Эли проводила нас до аэропорта Домодедово.

Необходимо пояснить, кто такие Зленки. Геолог Нина Дмитриевна приехала в Ташкент в 1937 году. Через некоторое время к ней присоединились ее сыновья Боря и Нольдик, а также мама. В 1944 и 1945 годах она работала со мною по геологической съемке Зирабулакских гор и массива Кара-Тюбе. Сыновья также участвовали в этой работе. Когда я перешел на церковную работу, наше знакомство продолжалось, но урывками, а когда я был командирован за грани-

цу, оно временно совсем прервалось. И вот после моего возвращения из США Нина Дмитриевна и Борис Федорович разыскали меня в Переславле. С тех пор встречи стали чаще. Особенно запомнилась одна. За день до летнего праздника преподобного Сергия (18 июля 1968 года) мы в Ярославле получили телеграмму от Нины Дмитриевны, что она больна и лежит с высокой температурой. Эли пишет: «Очень жаль мне дорогую Нину Дмитриевну. Хоть бы она поправилась!» Решили так: мы все поедem в Лавру. Там останусь я, а Эли с Сергеем Никифоровичем поедет к Нине Дмитриевне. Так и сделали. И совершилось чудо, которое я приписываю Элиным молитвам: когда Сергей Никифорович подвез ее на машине к калитке Нины Дмитриевны, она сама встретила ее — здоровая и веселая. Эли провела у нее остаток дня и всю ночь, нарисовала то, что видно было из окна, а на следующий день, проведя с Ниной Дмитриевной все утро, уехала в Лавру, на встречу со мной.

Поездка в Среднюю Азию продлилась десять дней. Ее участниками были: Нина Дмитриевна, Борис Федорович, семья Межениных, Нея и Алик Воронины. В открытом автофургоне мы преодолели огромное расстояние: Ленинабад — Ура-Тюбе — Шахристанский перевал — кишлак Айни (на реке Зеравшане) — высокогорное озеро Искандер-Куль и обратно к Айни — Пенджикент — Самарканд — Ташкент. Это было великолепное путешествие!

Пока мы ездили, с Эли в нашем переславском доме жила Наталия Александровна. Иногда Эли становилось совсем плохо: немела левая сторона, болела голова, переставал видеть левый глаз. Немела губа, и речь становилась затрудненной и невнятной. Однако на следующий день все опять нормализовалось, она ходила по городу и работала в огороде.

16 сентября Эли встретила меня в аэропорте Домодедово. Она пишет: «Вдруг объявили, что совершил посадку самолет ИЛ-18 рейсом 418 из Ташкента! И через каких-нибудь минут 20 в машине сидел мой дорогой братик и Нина Дмитриевна. Братик сиял. С восторгом рассказывал, какой необычайной, сказочной страной стала Средняя Азия и Ташкент».

17 сентября (в Малаховке): «Нина Дмитриевна быстро соорудила завтрак. Мы уютно посидели за столом; они все были полны ташкентских воспоминаний и мыслями витали в Средней Азии, вспоминая милых друзей, которые так сердечно их встречали и сумели организовать для них такое интересное путешествие. Братик привез большие мочалки и узбекские пиалушки, очень красивые, и огромную дыню».

Эли пишет: «Осень уже наступает. Леса даже со вчерашнего дня стали желтее, и так красиво смотреть на торжественный вид готовящихся ко сну деревьев. Заехали в Лавру. Лев Михайлович подъехал прямо к Троицкому собору, так

что я легко дошла. Приложилась к мощам Преподобного, благоухающим розовым маслом».

Мы подолгу жили в Переславле. Участвовали наши геологические экскурсии: изучение морен и содержащихся в них валунов. Кульминацией этих работ был приезд вместе с Ниной Дмитриевной специалистов по четвертичным отложениям — Лидии Дмитриевны, Инны Сергеевны и Галины Андреевны. Мы совершали маршруты по обоим склонам долины реки Трубеж, на север до Нагорья. Все это было интересно также и для Эли.

Еще к нам приезжала Матрона Гавриловна Комарова, прекрасный человек, всегда принимавшая нас у себя в Москве. В детстве она приехала в Москву из деревни, служила в няньках, потом работала до самой пенсии на одной и той же мануфактурной фабрике. Во время Великой Отечественной войны, когда Москва подвергалась бомбардировкам, она дежурила на крышах, ловила бомбы-зажигалки и бросала их в ящик с песком.

Матрона Гавриловна прожила девственную жизнь, была глубоко верующим человеком, посещала Чудов монастырь в Кремле, а потом — Новодевичий. Когда я служил за границей, именно она получала мое жалованье в Патриархии. В конце жизни она приняла монашество с именем Алексия.

Эли проводила Матрону Гавриловну на автобус. Она пишет: «Когда Матрона Гавриловна уехала, я вошла в большую комнату, там раздавались чудесные звуки Пасхальной Литургии. Три дамы (Нина Дмитриевна, Лидия Дмитриевна и Нина Сергеевна) сидели и громко разговаривали, стремясь заглушить церковное пение. Слушала только одна Лидия Дмитриевна. Она даже вся покраснела от внимания!

Нина Дмитриевна и Нина Сергеевна устремились на кухню кипятить чай, причем Нина Дмитриевна просила выключить музыку, потому что, де мол, неудобно при такой музыке готовить ужин. Толя сказал, что, когда кончится пластинка, он выключит. Тогда они плотно закрыли дверь в кухню! Как неприятно такое явное и настырное противоление всему святому для нас.

Утром Лидия Дмитриевна сделала сообщение о строении земной коры в местах, где мы были в те дни. Она нарисовала примерный план, излагала

*Матрона Гавриловна Комарова,
в постриге Алексия. Снимок
К. Вендланда. 1963*

свой взгляд на строение морен. Оказывается, их несколько: древние, более молодые, совсем молодые. Изложение Лидии Дмитриевны было очень интересным и показывало ее глубокие знания. Я задавала бесчисленные вопросы, конечно, очень наивные. На этом миссия дам-гостей была закончена, и они уехали.

Интересно посещение Коли Польшинского. Он восхищался Александровой горой в Переславле и деревней Криушкино, где живет тетя Пелагея, продававшая нам иногда молоко и картофель. Коля говорил о каком-то особенном настроении, которое его там посещает. Там какая-то особенная красота, мужественная, русская. Потом в тиши спящего дома Коля долго играл прелюдии Баха, “Лакримозу” Моцарта, “Лунную сонату” Бетховена. Все это было вроде колыбельной песни, очень успокаивающе. Приятно слушать».

Сон Эли

«2 октября 1968 года. Видела чудесный сон: маму и Женечку! Будто я нахожусь в каком-то большом помещении, вроде вокзала или больницы, и должны прийти мама с Женечкой.

Я смотрю на дорогу и вижу, что они идут. Уже осень, холодно, и они одеты: мамочка в свое зимнее черное пальто, а Женечка — в осеннее, с панамкой на голове. Я скорее надеваю свою клетчатую меховушку, чтобы мама не беспокоилась, если я выйду к ним в платье, и бегу к выходу.

Но пока я одевалась, они уже исчезли, нигде их нет. Бегаю туда, сюда; возвращаюсь к себе в комнату и вдруг вижу их. Они уже находятся как бы в отдаленном зале. Я бегу к ним скорее. Кругом народ. Вот они. Обнимаю маму, целую ее, а она меня, так радуясь. А Женечка рядом стоит.

И вдруг проснулась и не сразу поняла, что это сон и что они обе давно умерли!

Весь день прошел под впечатлением этого сна. Мама и Женечка все были у меня перед глазами!>

6 ноября 1968 года умерла бабушка Клавдия Евлампиевна, глухонемая сестра Пантелея Евлампиевича Николаева, жившая внизу, в комнате, похожей на лачугу. Похоронили ее 8 ноября.

Привожу еще описание зимнего пейзажа, составленного Эли: «22 ноября 1968 года. Леса убраны в иней. Особенно красивы березы и лес издали. Зеленые ели, и сизые березы, и другие деревья на фоне темно-серого неба... Братик

мой милый сегодня впервые в этом году катался на лыжах». Эли с большим пафосом пишет о том, как прошли мои именины. В гости приходил и уполномоченный, Виктор Алексеевич Вагин.

Мы познакомились с заштатным батюшкой отцом Иоанном Роциным. Старец проживал в деревне Селифонтово. У него были две комнаты. В одной, маленькой, стояла его кровать и маленький стол. Для гостей хватало места, чтоб сесть. Батюшка вел подвижнический образ жизни. Он вставал в 4 часа утра и начинал служить молебен. Служение это продолжалось очень долго, так как он прочитывал огромной толщины помянники. Окончив молебен, он начинал панихиду, с еще более толстым помянником. Оканчивал он это служение около 11 часов, кушал, отдыхал до следующего дня. Я стал у него исповедоваться. Потом я узнал, что к нему ездит на исповедь и владыка Кассиан Костромской.

К тому времени я уже свел знакомство с альпинистом Александром Александровичем Кузнецовым и его женой Людмилой Николаевной. Они приезжали к нам в Переславль с альпинистом-киргизом Алимом. Вечером я показывал слайды, снятые в США.

Уже более недели Эли страдала болями в спине, очень сильными, не позволявшими ей пошевелиться. Между тем приехал о. Леонид, привез массу вкусных баночек и сказал, что в Москве у него есть радикальное средство от радикулита. Решили поехать за ним. Поэтому когда настало время о. Леониду уезжать, решили довести его до Москвы. С ним уехала и гостившая у нас Елена Евгеньевна. Шофер Сергей Никифорович с удовольствием выполнил эту задачу. На следующий день (13 декабря) мы вернулись в Ярославль.

Эли пишет: «Я позвонила Елизавете Александровне. Она обещала прийти в 7 часов вечера. Дорогая Елизавета Александровна! Как она всегда идет навстречу больному человеку! Она пришла и стала меня лечить».

21 декабря 1968 года Эли написала завещание, то есть просила похоронить себя на кладбище города Переславля-Залесского, одеть в монашеские одежды и отпеть монашеским отпеванием. Но ей еще предстояло кое-что сделать в этой жизни!

22 декабря мы услышали по радио, что американцы полетели на Луну!

24 декабря Эли возобновила автомобильные прогулки.

Американцы на этот раз ограничились тем, что делали кольца вокруг Луны, но не сели на нее. 24 декабря их начальник — космонавт и в то же время методистский священник — читал в космосе несколько строчек из Книги Бытия.

30 декабря 1968 г. приехала Нина Дмитриевна. Эли пишет: «Ее встретил на вокзале о. Игорь. Она привезла журнал Московского Общества испытателей природы № 4 с небольшой статьей братика — описание Йеллоустон-

ского парка. Еще она привезла альбом, составленный пионерами для братика. 31 декабря готовимся к встрече Нового года. Ожидается приезд Бори Зленко».

1969 ГОД

Итак, на Новый 1969 год Зленки приехали ко мне в Ярославль, и мы торжественно, по всем правилам встретили Новый год. В основе Элиного характера лежит веселость; для нее встреча Нового года прошла очень весело.

2 января — день Элиного пострига (1958 г.) и первый день предпразднества Рождества Христова — мы отметили молитвой в маленькой церкви Архиерейского дома. «Нина Дмитриевна с нами не ходила, как всегда», — пишет Эли.

3 января мы проводили новогодних гостей и стали готовиться к Рождественскому празднику. В церковном отношении он прошел прекрасно. Эли причащалась в сочельник. Это же память нашей сестры Женечки, которая в этот день была именинницей. Эли отмечает: «Настал сочельник. Наш любимый день! Действительно, как важны до самой старости воспоминания детства!»

Днем на Рождество был очень торжественный прием духовенства и хора с концертом.

День Жениной смерти (13 января 1944 г.) мы отметили в Переславле. 14 января в богослужбном отношении прошел отлично, но прием в Архиерейском доме по случаю моего рождения прошел скучно, и гости все время порывались уйти. Но этот день был отмечен вылетом в космос (вокруг Луны) космонавта Владимира Александровича Шаталова. На следующий день — 15 января — вылетели на корабле «Союз-5» три космонавта — Елисеев, Волков, Хрунов, а 16 января совершилась стыковка «Союза-5» и «Союза-4», а 17 января приземлился «Союз-4», а 18 января приземлился и «Союз-5».

Торжественно, но без участия Эли прошел праздник Крещения Господня. Стояли сильные морозы, но я катался на лыжах.

22 января в 1965 году умерла матушка Серафима (Яковлева), ее память Эли отмечает и в этом году.

24 января Эли с большим волнением записала в своем дневнике инцидент³⁴, описанный в «Северном рабочем» и происшедший у Боровицких ворот с космонавтами Береговым, Терешковой, Николаевым и Леоновым. Там был

³⁴ 22 января 1969 г. произошло покушение на Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева. Оно состоялось во время торжественного мероприятия, посвященного встрече экипажей космических кораблей «Союз-4» и «Союз-5». При въезде в Кремль кортеж

и Брежнев. Эли пишет: «Ну можно ли было подумать, что такое может случиться. Куда только не пролезают агрессоры!»

Все, что касается космонавтов, очень интересует Эли. В самых восторженных тонах она рассказывает о них, о том, какая была с ними пресс-конференция. Ее председатель, президент Академии наук акад. Келдыш заключил свое слово тем, что сказал: «Через 30–40 лет наша теперешняя совершенная наука будет казаться дикарским челноком, на котором катались первобытные люди!»

17 февраля 1969 года в Переславле умерла Анна Петровна Гременецкая. 12 марта мы служили панихиду по новопреставленному митрополиту Нектарию Кишиневскому. Напомню, что летом 1946 года, при открытии Лавры, будучи архимандритом, он много общался с нами.

Эли стало лучше. Она вышла на улицы Ярославля. Вот что она пишет: «Я не была в городе, наверное, с год. И лица людей, их одежда показались мне какими-то новыми, в особенности молодые люди — стилияги — все в шапках булочками, одетых на глаза. Сзади торчат завитые крашенные волосы и лицо с ужасным бандитским выражением».

Этой весной, по рекомендации Зейгевассера, мне снова предложили Берлин. С большим трудом удалось от этого отказаться. Окончательно моя кандидатура на Берлин была снята только в мае.

Замечу, что Эли постоянно пишет обо мне: «бедный братик», «у него заболела голова», «у него поднялось давление», «он так хорошо отдохнул, прогулявшись на лыжах». Видно, как она меня любит! Всего за зиму 1968–1969 г. я сделал 28 лыжных походов, в том числе побывал в деревне Терешковой Никульское в Тутаевском районе.

Эли не забывала монашеского правила и пятисотницы, посвящая этому обычно утро. Она совершала правило лежа или сидя. Ее любимые книжки были: святой Иоанн Златоуст и Жюль Верн. В то же время Эли посещает, и нередко, грустное настроение. Она пишет: «Почему-то мне стало грустно и тоскливо. Думаю, что скоро умру. А еще грустно оттого, что я боюсь — это последний Великий Четверг для меня». На самом деле Эли пережила еще один Великий Четверг 1970 года.

10 апреля Эли опять, как и в прошлом году, отметила: «Сегодня в первый раз послышался свист скворцов».

К пасхальной ночи (13 апреля) приехал Борис Зленко. Он надел стихарь и нес крест впереди крестного хода. В гостях с ним были Нина Дмитриевна,

с Брежневым и космонавтами подвергся обстрелу. Попытку убийства генсека совершил младший лейтенант Советской армии Виктор Ильин.

Анна-Мария³⁵ и Ирочка Яньшина (Устименко)³⁶. Гости уехали на третий день Пасхи.

Некто, уже пожилой человек по имени Иоанн, на крестном ходе нес хоругвь. Обойдя храм, он, как и положено, остановился у церковных дверей и так умер.

Еще приехал к нам на Пасху Сережа Скалон. На работе ему по случаю 70-летия подарили маленький транзисторный приемник. С его помощью он в Великую Субботу ловил страстные песнопения из Лондона.

18 апреля я купил в музыкальном магазине небольшую трубу. Сам я ничего не мог на ней сыграть, но среди покупателей нашелся артист, который извлек из этой трубы красивую мелодию.

После я подарил эту трубу Боре Зленко ко дню рождения. Он очень сердился. В конце концов труба оказалась в Испании у мамы Анны-Марии!

19 апреля (в субботу Светлой) мы поехали за Волгу, в Толгский монастырь. В нем господствовала «мерзость запустения». Эли вышла из машины, чтобы осмотреть рощу сибирских кедров. Кедры были еще живы. Прежде каждое дерево было закреплено за особым монахом, который тщательно его обихаживал.

21 апреля мы ездили за Волгу. С помощью эконома Нины Михайловны нас пустили в теплицу. Эли пишет: «Это большой коридор, а по бокам, с той и другой стороны, — огромные помещения, заполненные огурцами. Это растения с громадными листьями, как лопухи, растущие вверх по веревочке. Они обильно цветут, и висят чудесные огурцы. По цветам летают пчелы и опыляют цветы. В теплице температура + 28 градусов, влажное тепло, как в бане. Все ходят в летних платьях. Работают женщины. Мужчин мало; один-два для тяжелых работ. Высажены огурцы только в марте, а уже в апреле выросли такие большие. Другая теплица была с помидорами. Тоже такие большие растения, цветут, плодов еще нет. В коридоре между теплицами росло несколько деревьев — большой лимон, чудесные смоковницы, за три года выросшие в большие деревья. Все это производило впечатление сказочного сада. Особенно красиво там бывает зимой. Кругом мороз и снег, а в теплице процветают чудесные зеленые растения».

К этому Элиному описанию остается добавить, что в каждой теплице поставлен один пчелиный улей, а на всю систему отпущено несколько кошек; они бродят по коридору, заходят в теплицы и наблюдают за тем, чтобы не было грызунов. В Ляпинской теплице грунт торфяной, улучшенный удобрениями.

³⁵ Анна-Мария — жена Бориса Федоровича Зленко, когда-то ребенком вывезенная в СССР из Испании.

³⁶ Ирина Яньшина (Устименко) — геолог, бывшая ученица Константина Николаевича Вендланда в Ташкенте.

Где-то еще в Ярославле есть теплицы, устроенные по другой системе. Растения посажены прямо в гальку. Через гальку пущен поток питательных растворов, и растение чувствует себя великолепно. Такая система называется гидропоника. Там мы, к сожалению, не были.

1 мая мы провели в Переславле. Приехали Ершovy: Владимир Михайлович, Анна Григорьевна и Миша, мальчик, которому тогда было 7 лет. Мы с ним прекрасно прогулялись на надувной лодке.

Гостей в это время было так много, что Эли даже спала одну ночь в комнате Анны Захаровны. Это были, кроме Ершовых, Полынские — Коля с Верой, Инна, Галя из Саратова, Елена Чичерина и Валентин Людин, которого я взяла из Ярославля.

Эли, запнувшись за ковер, упала в комнате. Как будто ничего, но потом нога болела, вытянулась, как струна. Боль проникла даже в пах, и стало знобить. Эли готовилась причаститься. Утром в церкви к ней подошел Мишенька Ершов и говорит важно: «Я Вас проведу на клирос», и пошел вперед. Все их пропустили и даже говорили: «Идите с Богом». Эли была поражена всем этим. Дойдя до соеи, Миша повернулся к ней лицом и указал ей рукой на клирос. Эли пишет: «Такой он был славенький, сияющее личико, лучистые голубые глазки, наверное, все тетушки им любовались». Эли ничего больше не пишет о своей ушибленной ноге. Ясно, что св. Причастие ей помогло.

Приобрели в киоске журнал «Наука и религия» № 4 за этот, 1969 год. Там в статье «Два дня в Ярославле» митрополита Иоанна называют «активным борцом за религию». Эли пишет: «Как был бы рад незабвенный владыка Гурий, прочитав эти слова».

15 мая Эли запишет: «Скворцы не захотели жить у нас и улетели. Говорят, что они напугались людей, которых видели на террасе. Мы не завешивали окон». Впрочем, думаю, не обошлось и без кошек!

15 мая: «После обеда я улеглась и стала читать интереснейшие статьи о Венере и ракетах: “Венера-5” и “6”, которые братик вырезал мне из газет. Наши ракеты прибыли на Венеру, вошли в ее атмосферу».

Еще: «Все время, оставшееся до всенощной, я читала об элементарных частицах, которые наполняют Космос. Особенно удивительны частицы *нейтрино*, которые передвигаются очень быстро и могут проникать через все — железо, камни и даже через всю Землю. Существа, сделанные из нейтрино, могут проходить через закрытые двери! Чтобы наблюдать за ними, построен телескоп, обращенный не на небо, а в землю. Нейтрино проходят через Землю и улавливаются телескопом, приставленным к земле!»

22 мая, в 11 часов вечера, приехала Таня Владышевская. Они стали о чем-то оживленно говорить с Колей Зиновьевым. Эли пишет: «Я почувствовала, что старым они оказывают уважение, но считают их совсем отошедшими от жизни, с которыми можно только вежливо разговаривать, но говорить с ними о чем-нибудь существенном нельзя!»

23 мая Эли не забыла отметить, что «Аполлон-10» сегодня уже четвертый день летит к Луне: «Сегодня в лунном отсеке он должен облететь Луну и быть в 15 километрах от нее!» 26 мая она записала о благополучном возвращении «Аполлона».

27–29 мая я ездил в Углич. В оба конца — на пароходе! Элин дневник подробно описывает каждый день: как проявляются первые признаки весны, как распускаются листья, особенно на березе, пение птиц, появление скворцов. Все это описано с большой любовью.

Этому не мешают замечания по поводу состояния здоровья: herpes на правом боку, головная боль и др. Она очень внимательна и к моему здоровью, всегда пишет: «бедный мой братец», «милый мой братец», когда у меня болит голова или даже просто когда я приезжаю домой. Особенно светлыми строчками оживляется текст ее дневника, когда она пишет о нашем милом докторе Елизавете Александровне.

В этом году я оказывал покровительство Валентину Л. Это несчастный человек: сын алкоголика. В юности он был очень мил: в 1958 году поступил в первый класс Саратовской семинарии и ходил в Духосошестввенский собор, где прислуживал и читал шестопсалмие. Но в дальнейшем оказалось, что Л. не способен закончить какую-либо начатую работу — бросает ее. Затем и он пристрастился к алкоголю, а также к другим безобразиям, бросил семинарию, работал сторожем дровяного склада, попался на воровстве дров, побывал в тюрьме, потом работал в разных местах, даже завхозом в санатории на Южном берегу Крыма, но нигде не мог остановиться на чем-либо постоянном. В 1969 году я сделал попытку его «приручить» и даже принял его в штат Епархиального управления. Однако уже в июне того же года его пришлось уволить.

Среди наших знакомых есть и Полынские. Дочь композитора Николая Полынского — Машенька — приезжала к нам в Переславль еще в начале 60-х годов. Тогда она была резвой общительной девочкой, хорошо находила контакт с детьми Николаевых. В 1969 году мы навестили Полынских в селе Криушкино, на высоком берегу Плещеева озера, неподалеку от Александровой горы. Здесь постоянно проживала Вера Александровна Полынская. Вот как Эли описывает наш приезд к Полынским:

«Вера встретила нас очень радостно. Стала угощать молоком, превкусной картошкой. Вошла Машенька. Она стала красивой русской девушкой с длинными косами, очень подходящая к этой русской избе. Она перешла в шестой класс, стала очень серьезной».

Забегая вперед, скажу, что в 1985 году я освятил ее брак с Сергеем Махониным, совершив таинство венчания.

16 июня 1969 года состоялось наше первое знакомство с семьей протоиерея Александра Бурдина. Приехала наша старая знакомая из Ферганы Наталия Александровна Логинова; с ней приехал отец Александр с матушкой Анной Николаевной и старшим сыном Валерой 13 лет. Кроме него в семье о. Александра есть еще дочери — Татьяна и Рита, сыновья — Саша (+1976), Сережа и младшая дочь Евгения. Бурдины уехали от нас 24 июня.

С 20 по 21 июня у нас гостил архиепископ Феодосий (Погорский).

С 17 по 24 июня Эли записала сообщение о полете американцев на «Аполлоне-II» с высадкой на Луне и взятием пробы грунта.

28 июля Эли получила письмо от Бурдиных из Ферганы.

«Ждут они нас к себе в гости. Владыку, Толю³⁷ и меня. Прошу Бога, чтобы сподобил Он меня съездить на могилки наши дорогие — мамочки нашей и Женечки дорогой и всех наших близких — Клавушки Степановой, Зинушки Денисовой, Марины (похороненной на узбекском кладбище близ Беш-Балы)».

Еще матушка восторгалась нашим огородом в Переславле. Так, она пишет от 31 июля: «Как хорошо быть дома. Прекрасная, жаркая погода. Легкий ветерок. Сразу утром пошла в садик. Там манящие кусты чудесных растений создают просто волшебный вид. Какая-то сказочная сине-зеленая капуста со странной серединой сизого цвета. Букеты чудесных, белых, нежных лилий. С другой стороны сада — лес подсолнухов с громадными желтыми шляпами. Их обрамляет целый сноп васильков. Тут же цветет нежный розовый флокс...» В августе к нам приехал о. Михей. 6-го августа он был назначен в Бабурино.

3 августа, в воскресенье, Эли со мной ездила в Кострому. Мы осмотрели там все святыни и музеи.

Подошел праздник Успения. Накануне Эли чувствовала себя неважно, ее подташнивало и была субфебрильная температура. Тем не менее, она решила причаститься. Она пишет: «Бориса Балашова³⁸ владыка (т. е. я) решил посвятить во чтеца». Боря сам об этом просил, но не ожидал, что я сразу же это

³⁷ Сын соседа семьи Вендланд в Переславле.

³⁸ Борис Балашов (род. в 1947) рукоположен во священника митрополитом Иоанном (Вендландом).

сделаю, поэтому несколько смутился. Эли пишет: «Такие быстрые внезапные решения всегда особенно прекрасны, так же, как и внезапные причащения». Кроме того, Эли вспоминает, что день Успения Пресвятой Богородицы есть день смерти нашей бабушки Вики (Виктории Павловны Кашневой).

Только после энергичного лечения Эли Елизаветой Александровной ей стало совсем хорошо, и Елизавета Александровна дала ей «зеленую дорогу» для путешествия в Фергану. Нас всех вдохновляла мысль посетить родные могилы мамы, Женечки и др. С нами ехали Наталья Александровна и Толя. Своя компания заняла целое купе мягкого вагона.

Знакомые пейзажи русской равнины сменялись так же знакомыми полупустынями Казахстана, затем полосой, прилегающей к пойме Сыр-Дарьи.

Ташкент мы проезжали ночью. Все мы встали и поклонились городу, в котором прожили 20 лет своей жизни! Утром 5 сентября мы уже были в озаренной солнцем Ферганской долине. Эли пишет: «Ферганская долина чудесно красива. Хлопковые поля, местами поля кукурузы, джугары, проса, обрамленные пирамидальными тополями и деревьями тутовника. Сзади вырисовывается нежный силуэт гор. Так красиво, не наглядисься. В 10 часов утра мы прибыли на станцию Маргелан (так теперь называется Горчаково). Нас встретили о. Александр Бурдин и Мария Александровна Галатай с букетами роз. Я была в оцепеневшем состоянии от мысли, что мы в Фергане!»

Благоустройство окружающей местности нас поразило. Дом Бурдиных был типичным русским домом начала века. Толстые стены, высокие комнаты. За тротуаром — ряд тополей, бросающих тень на дом, за тополями журчит арык. Все меры приняты к тому, чтобы уменьшить жару. Кухня — во дворе, в отдельном флигеле. Там же расположены туалет и душ. Семья Бурдиных — Анна Николаевна, превосходная кухарка, Валера, Таня, Рита, Саша, Сережа — все очень славные!

После роскошного завтрака: жареный сазан, помидоры, лук сладкий, картошка — мы поехали туда, где когда-то находилось «родное пепелище» — в Беш-балу. Наш дом, который мы старались по-европейски облагородить, опять принял типично узбекский характер. С трудом разыскал я ту нишу, в которой расстирался антиминс и совершал литургию о. Гурий!

Эли, после краткого ее напоминания о себе, была принята с распростертыми объятиями. Пожилая узбечка Турсун-апа обнялась и расцеловалась с нею. Она показывала на нее и говорила своим младшим родичам: «Это врач, которая двадцать лет тому назад тут работала и лечила меня». Тотчас появился зеленый чай, лепешки, фрукты. Потекли воспоминания, называли имена: тети Нины, тети Насти и Веры. Потом с сыном того узбека, который продавал нам дом, Ик-рамом, мы пошли на узбекское кладбище и нашли там могилу Марины.

Из Беш-балы проехали мы через весь город на православное кладбище. Увидели мы наши могилки с синими крестами. Могилки обложены белыми кирпичиками, кресты с надписями: Мама, Женечка, Клавдия Степановна, Зинаида Денисова. Вот сколько человек умерло у нас в Фергане! Тут же стояла часовня. Церковный Совет согласовал с уполномоченным по Ферганской области (узбеком) мою заупокойную службу в этой часовне. Впоследствии я ездил к уполномоченному и выразил ему свою благодарность. Он скромно ответил, что только исполнял свой долг, т. к. есть советский закон, в котором говорится, что люди, приехавшие на могилы родных, могут совершать на кладбище религиозные обряды.

Итак, в субботу 6 сентября 1969 года я служил Божественную литургию в часовне Ферганского кладбища, а потом панихиду на могилах. Пришло несколько старушек, пели под управлением о. Александра. В устав службы поставили антифоны вседневные, херувимскую мелодию «Благообразный Иосиф»; Милость мира — Киевскую по квадратным нотам. Эли причащалась. Толя прислуживал с подчеркнутой торжественностью. Могилы были усыпаны розами и синими астрами. Такое вряд ли повторится!

Вечером мы были у всенощной. На следующий день — в воскресенье — я служил Божественную литургию в Ферганском храме преподобного Сергия.

На обратном пути мы увидели молитвенный дом, откуда раздавалось духовное пение. Зашли. Там действительно шло евхаристическое лютеранское богослужение на немецком языке. Пастор произносил великолепную проповедь. Зная, как Эли любит такие богослужения и с умилением отмечает в них совпадения с нашей службой («Горе имеем сердца», «Примите, ядите» и др.), я послал за ней, уже успевшей доехать до дома, чтобы она тоже послушала. К счастью, она не опоздала. Когда наступило Причастие, пастор предупредил, что к нему может приступить каждый крещеный человек, душа которого находится в мире с Богом.

Я почувствовал большое неудобство, когда мне пришлось пропустить мимо себя предложенное Причастие.

В понедельник, 8 сентября, мы поехали в барханную пустыню. Остатки ее находятся в середине Ферганской долины. Поверхностно мы осмотрели старый город Маргелан. Там я посетил мечеть. Стоя в ее дворе, я застал кульминационный момент богослужения, когда верующие, стоя на коленях, преклоняют головы до земли и замирают благоговейно перед Всемогущим Богом, милостивым и милосердным Господом миров.

Эли, считая, что женщине не подобает появляться в мечети, ожидала меня на улице.

Эли пишет: «Потом мы выехали на шоссе и километров через десять достигли пустыни. Открылся чудесный, захватывающий вид: освещенные солнцем холмы пустыни, покрытой колючками желтой травы и кустами цветущего тамариска. На вершинах дюн рос саксаул, а в отдалении виднелся целый лес саксаула. Мы, сидя на дороге, принялись рисовать».

Уже стало темнеть, когда мы въехали в Маргелан. Из домов доносился вкусный запах готовящегося плова. Узбечки с тюком лепешек на голове шли друг к другу в гости ужинать.

9 сентября мы ездили в Шахимардан. Это очень красивое место в горах, когда-то мусульманская святыня. Когда мы приехали, здесь было большое народное гулянье и базар. В чайхане, где мы расположились, повар отвалил нам целую огромную кису плова и сказал, что это — подарок. На базаре мы купили большие керамические, немного раскрашенные кисы неолитического вида. Это известные на весь Узбекистан пиалы кишлака Риштан.

Шахимардан был излюбленным местом ежегодных экскурсий художника Петра Никифорова³⁹. Здесь он писал великолепные акварели и, кроме того, очень точно, с размерами, зарисовывал в красках деревянные колонны местной мечети. У него был целый альбом. Можно было бы из него сделать целую главу в книге об узбекском народном искусстве.

Теперь Никифоров уже умер. Кто владеет его творчеством, и можно ли надеяться, что оно сохранено для потомков?

Вечером мы были в гостях у церковного старосты и по дороге поискали тот дом, где жила мамочка наша дорогая с Женечкой; но все стало совсем другим.

10 сентября мы ездили в Коканд и осмотрели красивый дворец кокандского хана. Было очень жарко, и на окраине города мы увидели группу совершенно голых мальчишек, бегавших по солнцу.

11 сентября — праздник Усекновения Главы святого Иоанна Предтечи. Я служил литургию и панихиду по воинам в Ферганской церкви и вернулся с букетом роз.

В 2 часа дня произошло несчастье: Толя, недоглядев, упал в автомобильную яму и ушиб пятку настолько, что получился перелом пяточной кости. Он вынужден был остаться в доме о. Александра более месяца, потом он еще лежал в больнице и вернулся домой только весной.

12 сентября — день святого Александра Невского, день смерти нашей мамы. После литургии мы ездили на кладбище.

³⁹ Петр Максимович Никифоров (1885–1958) — русский живописец, график, педагог. Большую часть жизни прожил в Фергане, исходил пешком Самарканд, Бухару, берега Аму-Дарьи, а больше всего Ферганскую долину. Родным краям посвящено большинство его пейзажей.

13 сентября мы ездили далеко в горы на территорию Киргизии. Видели красивые и дикие хребты.

14 сентября мы прощались с городом, с семейство Бурдиных. Точно в 21.30 подошла такси и отвезло нас (за 8 минут) на станцию Маргелан. Трогательно, что нас приехал провожать на велосипеде Валерий. Наталья Александровна уехала с нами. Утром мы были в Ташкенте.

Нас встречал сам архиепископ Гавриил⁴⁰. Огромную помощь оказала Лёля Брехова. Владыка Гавриил сказал, что меня хочет видеть немецкая делегация. Поехали все в гостиницу, где весело позавтракали. Эли сейчас же окружили немецкие дамы, начавшие с нею весело болтать. Владыка Гавриил привез нас в свой дом на Коларовском переулке. Там все было очень красиво, но, конечно, не так, как при владыке Гурии. Самым интересным было то, что на средней ступени спускающегося к Салару сада вместо винограда были куры. Вместо прежней оранжереи была огромная печь, бак для воды и насосы, направляющие теплую воду в дом для зимнего обогрева.

В Ташкенте Эли почувствовала себя плохо. Пришлось применить те лекарства, о которых мы в Фергане уже забыли. Она гостила у Ольги Бреховой и у Куличкиных. У Бреховой было просторно, и там Эли несколько поправлялась; Лёля Брехова делала ей уколы.

Несмотря на болезненный эпизод с Эли, мы с ней были очень активны в Ташкенте. Навестили Александра Петровича Евсеева, гомеопата, инициатора открытия церкви на Казачке. У него старческие странности: спит под прочным пологом, чтобы не убило землетрясением. Но, как и прежде, по двору бегают веселенькие маленькие собачки.

21 сентября, в день Рождества Пресвятой Богородицы, я служил в соборе вместе с архиепископом Гавриилом. Незадолго до этого, 17 сентября, был особенный день. В дом к архиепископу пришла Нели Воронина и в помещении Крестовой церкви приняла от меня Святое Крещение.

Еще видели мы своих старых друзей: о. Федора Семеновко, архимандрита Бориса Холчева и многих других.

22 сентября мы на поезде вместе с Натальей Александровной Логиновой уехали из Ташкента. Нас провожал владыка Гавриил и о. Федор Семеновко. Собралось к проводам и очень много народа. В Москве (24 сентября) нас встречал секретарь епархии протоиерей Сергей Стригунов.

Эли осталась в Переславле, а я поехал на Воздвиженье в Ярославль.

⁴⁰ Архиепископ Гавриил (Дмитрий Иванович Огородников; 1890–1971), с 1960 года архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский.

В Переславле обнаружилось положительные качества моих трудов по прополке моркови: она оказалась толстой, крупной и длинной, с тупым концом — настоящая каротель.

У Эли появилось новое и страшное явление: из отечных ног течет жидкость! К счастью, 28 сентября в Переславль (в первый раз!) приехала Елизавета Александровна. Переславль ей очень понравился! Элиной ноге становилось все хуже. Мы переехали в Ярославль, и там Елизавета Александровна стала лечить Эли очень энергично. К 5 октября нога совсем прошла. Опять Эли поехала в Переславль, а я последовал дальше — в Загорск — на праздник преподобного Сергия (8 октября). Оказалось, что митрополиты — Никодим и Алексей — за границей, и я возглавил службу в Успенском соборе. На приеме Патриарх Алексей выглядел очень хорошо, был оживлен, даже весел.

9 октября, без Эли, мы ездили в Переславские Горки.

11 октября погода стала грозной. Черные тучи шли со стороны Плещеева озера. Но, поскольку дождя не было, мы отправились на машине мимо Александровой горы и далее. Эли с восторгом описывает драматическое сочетание черных туч, такого же озера, над которым с тревогой вились белые чайки, и одетого в пестрый осенний убор леса.

Под 12 октября Эли запишет: «Вчера запустили “Союз-6” с двумя космонавтами. Сегодня — “Союз-7” с тремя космонавтами».

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября) был отпразднован очень торжественно. После литургии я ездил в Загорск на акт Академии и там сидел в президиуме рядом с Патриархом Алексием.

С начала ноября установилась зима. Эли стало легче дышать. Елизавета Александровна нас часто навещала.

В это время я отпустил в Рижскую епархию архимандрита Тавриона⁴¹, в соответствии с резолюцией Патриарха. Там в Пустыньке расцвели все его таланты, и он в течение нескольких лет нес там великое служение.

Праздник 7 ноября мы провели в Переславле за телевизором, а вечером к нам приехал Коля Полинский с дочерью Машенькой.

8 ноября вместе с Колей мы пошли к о. Иоанну Белякову по случаю дня рождения его дочери Ирины (теперь она замужем за протоиереем о. Владимиром Пчелкиным в селе Унимеры Гаврилов-Ямского района).

9 ноября, в воскресенье, я служил в Покровской церкви молебен о здравии Патриарха Алексия. Это его день рождения. Ему исполнилось 92 года.

⁴¹ Архимандрит Таврион (Тихон Данилович Батозский, 1898–1978), до перевода в Латвию служил в Ярославской области.

Днем Машенька со своим папой (Колей) пошли кататься на коньках. Вернулись очень довольные. В 17 часов они уехали на автобусе.

15 ноября 1969 года у Веры Петровны Мальцевой (жены о. Игоря) родилась девочка Таня.

16 ноября я уехал в Москву на день рождения Нины Дмитриевны. Вернулся 18 ноября.

20 ноября пришло по радио сообщение о прилунении «Аполлона-12» (19/XI). Американцы пробыли на Луне 32 часа, в том числе сделали две прогулки по Луне, каждая по 3 часа. Они вернулись 24 ноября, приводнялись в Тихом океане.

26 ноября — мои именины. Приехал о. Леонид с Ниной Константиновной. Приехал мой друг по Горному институту академик Владимир Степанович Соболев⁴². Сообщил, что в лунной почве много титана, что говорит о том, что Луна, вероятно, не земного происхождения. За обедом было 75 человек. Когда все ушли, остался о. Леонид, его жена и академик Соболев. В 23 часа вдруг раздался звонок из Ленинграда, звонил Сережа Зегжда. Он сообщил, что сегодня в 16 часов скончался протоиерей Евгений Амбарцумов⁴³.

27 ноября, отправив академика, мы все с о. Леонидом собрались вниз в Крестовой церкви. Всем дали зажженные свечи, и мы послужили панихиду по о. Евгению Амбарцумову.

Я заметил, что в один и тот же день моих именин произошло два важных события: смерть о. Евгения и женитьба Бориса Балашова.

Элина приписка: «Оказалось, что наш гость академик — неверующий. Не знаю, как может быть неверующим настоящий ученый!».

Эли, не знаю, из каких источников, записала два случая, свидетельствующих об уме животных.

Первое. Один аистенок сломал крыло и, когда пришло время улетать, остался один в гнезде. Заметил это ворон. Он стал носить пищу аисту каждый день. Крыло зажило, и аист поправился.

Второе. Люди выбросили птицам крошек и сухих кусков хлеба. Но так как куски были очень твердые, птицы не могли их склевать. Прилетел ворон, взял в клюв большой кусок твердого хлеба, полетел к луже, там он опустил кусок в воду и, когда он размяк, легко склевал его.

⁴² Владимир Степанович Соболев (1908–1982), геолог, академик АН СССР и АН Украины, Герой Социалистического Труда. Друг митрополита Иоанна по Ленинградскому горному институту.

⁴³ Протоиерей Евгений Амбарцумов (1917–1969), священнослужитель Русской Православной церкви, сын причисленного к лику святых протоиерея Владимира Амбарцумова.

Приходила (27/XI) дорогая наша Елизавета Александровна. Она рассказала, что сегодня во сне видела свою матушку Ангелину⁴⁴, такую светлую, радостную. Елизавета Александровна думает, что это оттого, что мы молимся о ней!

4 декабря Эли чувствовала себя плохо. Ее приходил причащать о. Николай Зефиоров. Елизавета Александровна делала ей уколы.

6 декабря состоялись похороны Климента Ефремовича Ворошилова. Накануне было прощание с народом. По телевизору передавали «Реквием» Верди. Дирижер-венгр держал себя очень молитвенно.

Меня, как временного члена Синода, вызвали в Москву. Заседание, к счастью, было одно. Святейший Патриарх Алексий, с праведным гневом, громовым голосом сказал, что Пензенский епископ Поликарп увольняется на покой за то, что не бывает в своей епархии, а живет в Ленинграде. Теперь ему предписано удалиться в Псково-Печерский монастырь.

Елизавета Александровна назначила Эли лечение гипотиазидом. Эли пишет: «Это, конечно, хорошее мочегонное, но действие недолгое. Меня в содрогание приводит это средство. Я помню, как владыка Гурий все в больших количествах его принимал, пока почти совсем не перестала выделяться моча. И стало у меня тоскливое чувство, что это лекарство уже начало конца моего. Не бывать мне больше в Фергане с ним! Надо привыкать к этой мысли».

20 декабря я уехал в Бабурино к о. Михею. Путь был трудный, и мы застредали в снегу. К счастью, в деревне было много молодежи, готовящейся встретить Новый год. Парни охотно толкали машину и помогали нам выбраться из снеговой западни. Навестив о. Михея, мы с Сергеем Никифоровичем решили не ночевать у него: могло совсем завалить дорогу снегом! Мы вечером вернулись в Ярославль.

А Эли терзали грустные мысли по поводу гипотиазида. Кроме того, Наталья Александровна перебралась на более теплую террасу и там замкнулась, как улитка в раковине. Эли печально думала, что еще не скоро приедет Елизавета Александровна. Она пишет: «Вдруг, прямо в ответ на мои мысли, входит в мою комнату Елизавета Александровна! Я так и воспрянула от радости!»

Но отеки у Эли продолжались. Нога стала как бревно. Тем не менее, мы сделали автомобильную прогулку по случаю необычайной красоты заиндеветых деревьев. Ездили и за Волгу. Любовались там, как над Яковлевским бором образовалась по обе стороны солнца зимняя радуга — бледная, но красивая!

⁴⁴ Ангелина (Пелагея Михайловна Осипова, 1880–1965) — духовная мать Е. А. Александриной. Была монахиней Иоанновского монастыря на Карповке в Петербурге, куда принята по благословению отца Иоанна Кронштадтского. После революции жила в Тутаеве, учила монашеству, ездила по святым местам. Была слепой.

24 декабря Эли слушала по радио рождественские песни. В 2 часа ночи она слушала мессу из Ватикана.

В тот день я крестил Таню Мальцеву. 28 декабря было 11 лет моей архиерейской хиротонии. Этот день совпал с воскресеньем. Эли исповедовалась у о. Игоря и причащалась. Отеки у нее стали понемножку уменьшаться.

1970 ГОД

Позвонил Борис Зленко. Он сообщил, что приедет встречать Новый год 31-го в 23 часа. 2-го утром уже уедет в Москву.

31 декабря я встречал всю семью Зленко на вокзале: Нина Дмитриевна, Боря и Анна-Мария. Проводили старый год рюмкой коньяка. Под звуки гимна Советского Союза мы все стояли с бокалами шампанского в руках, и, когда кончился гимн, выпили его. Эли, держа свою рюмку, чокалась со всеми, а сама, как она пишет, «думала, что в последний раз Новый год встречает».

Увы, это оказалось правдой: ей осталось жить немногим более восьми месяцев!

За столом было 8 человек: трое приехавших, Валентин Люлин, Нина Михайловна, Наталья Александровна, Эли и я. Дальше пошло все по-обыкновенному. Эли находила, что мне очень идет светская одежда. Особенно отметила она добрые качества Анны-Марии: «... она не отходила от него (т. е. от меня), следила за ним, чтобы у него все было в порядке. Она своей тихой, скромной, интересной речью не давала слишком разойтись разговору, держала его в рамках. Рассказала, как она два года была на Кубе. Работала там в госпитале. Лечила туберкулезных больных. Их там очень много! И все запущенная форма, с такими громадными кавернами, которых она никогда не видела. Зачитывалось письмо полуслепой геологини Нины Сергеевны (она в каком-то колене внучатая племянница Московского митрополита Филарета Дроздова). Она пишет:

«Престарелая снегурочка

Шлет нижайший вам поклон».

В 3 часа ночи подошло такси и повезло гостей в гостиницу. В 15 часов гости снова приехали к нам и обедали с нами. После обеда Нина Дмитриевна достала из сумки фотографии и стала интересно рассказывать о своей работе в Якутии и о поездках во Владивосток, на Камчатку и Курильские острова. На одном из них растет бамбук! А в Амурском заливе иногда появляются ядовитые медузы! Они маленькие, с черным крестом на спине. Прикосновение к ним парализует, а иногда убивает человека! Впрочем, теперь Амурский залив очистили

Елизавета Николаевна в Переславле

из Переславля. Эли пишет: «Меня владыка причастил совсем около престола. И я получила совершенную полноту праздника, сколько может вместить человек».

Днем была автомобильная прогулка, а вечером Нина и Сережа в сопровождении Валентина Людина пошли в театр на «Недоросля». Переславцы первый раз в жизни были в театре.

На второй день Рождества я служил в Крестовой церкви, а потом пришли певчие, спели рождественский концерт. Всех усадили за столы, и было великое пиршество. Оно продолжалось с 13 до 18 часов.

А 10 января у нас была Рождественская детская елка. Странно подумать, теперь уже здоровенный парень и воин Советской Армии Андрюша Мальцев был тогда совсем маленьким и заплакал, когда ему завязали глаза тряпочкой!

11 января 1970 года сообщили по радио, что умер космонавт Беляев Павел Иванович.

Эли одна, без меня, поехала в Переславль. Там она получает пенсию. А я чувствовал себя неважно и остался.

от водорослей, тогда и медуз не стало.

Потом все, кроме Эли, поехали в театр имени Волкова на комедию Фонвизина «Недоросль». Анне-Марии особенно понравился главный герой, настолько он был глуп и беззаботен. Ужинали у нас. В 23 часа я проводил гостей в гостиницу, где и простился с ними до завтра, а 2-го января рано утром проводили их на вокзал.

2-го января Эли вспоминает, что это годовщина ее пострига в Днепропетровске (в 1958 г.), день смерти о. Иоанна Кронштадтского и начало предпразднества Рождества Христова.

В сочельник, 6 января, Эли причащалась, и в самое Рождество тоже.

В этот день — 7 января 1970 года — к нам приехали Сережа и Нина

13 января 1970 года Эли вернулась в Ярославль из Переславля. «Сегодня день моего рождения, — пишет она, — семьдесят лет! Как уже много! Сегодня же день смерти Женечки! Вечером пришла дорогая Елизавета Александровна. Мы много разговаривали об отце Иоанне Кронштадтском. Читали из книжки митрополита Нестора описание исцеления его матери от смертельной болезни печени после обращения к отцу Иоанну. Вспоминали матушку Елизаветы Александровны — Ангелину».

14 января Эли запишет: «Сегодня день рождения моего дорогого братика. Ему 61 год».

Я купил, по счастью, большой лунный глобус. Мы много занимались по нему. А церковная жизнь шла своим чередом. Эли посещала все службы.

22 января мы по телевидению слушали 9-ю симфонию Бетховена под управлением западногерманского дирижера Герберта Караяна. Эли поразило совершенство его искусства, молитвенность и умирительность его.

23 января Эли читала что-то об электромагнитных силах. «Оказывается, если их не будет, то мгновенно прекратится жизнь человека», — пишет она.

Мы прошли перепись населения.

4 февраля я служил в соборе Божественную литургию по случаю 25-летия патриаршества Святейшего Патриарха Алексия.

На Эли иногда нападали приступы тошноты. В таких случаях Елизавета Александровна делала ей уколы, возвращая ей хорошее состояние здоровья.

5 февраля я сделал уже 12-й лыжный тур!

9 января 1970 года скоропостижно на руках у Сергея Никифоровича скончался наш повар Иван Павлович. Перед похоронами, в ночь на 11 февраля, Иван Павлович приснился Сергею Никифоровичу, сказав ему: «Проводи меня». Поэтому Сергей Никифорович вместе с Ниной Михайловной поехали на кладбище и проводили Ивана Павловича в последний путь.

Вечером Эли выехала в Переславль без меня.

Ташкентский владыка Гавриил тяжело заболел. У него инсульт и частичный паралич.

15 февраля, на Сретение Господне, Эли причащалась. Дома Эли читала статьи по астрономии и о квазарах, которые, будучи размером со звезду, испускают энергию в 10 в 12-й степени раз больше Солнца.

2 марта 1970 года скончалась жена о. Дмитрия Конева⁴⁵ — Ангелина. 4 марта я совершил ее отпевание.

Время от времени я ходил на лыжах.

⁴⁵ Протоиерей Дмитрий Конев, священник Ярославской епархии.

9 марта наступил Великий Пост. Эли настояла на том, чтобы ей ходить в церковь и слушать канон преп. Андрея Критского. Но после первого дня она вынуждена была оставаться дома. Елизавета Александровна навещала нас по утрам, а затем, сказав: «Я еще у вас не была», — снова приходила вечером.

В пятницу, 13 марта, приехал Коля Полынский. Он прибыл в 0 час. 20 мин., и Зина уложила его внизу, хорошо укрывши.

А в 23 часа приехали новобрачные — Балашовы, Боря с Тamarой. Все в субботу (14 марта) причащались Святых Христовых Тайн. Коля уехал, а Балашовы вместе с В. Люлиным пошли в музей.

15 марта, в воскресенье, Эли удалось поехать в церковь и там причаститься. Елизавета Александровна навещала нас ежедневно. Эли смело заявляет: «Не для лечения мне это надо, а просто повидаться с таким милым человеком, поговорить, что-нибудь услышать от нее». Еще Эли пишет: «Великий Пост не сется со скоростью легковой машины. Уже вторая неделя!»

Хоть уже началась весна и днем текут ручьи, я успел еще сделать 17-й поход на лыжах.

С 21 по 25 марта у нас гостили Настя Заспелова и Лёля Панина. Эли им очень обрадовалась. А я, проводив гостей, поехал с Эли в направлении Толгского монастыря и там катался на лыжах (18-й тур).

В связи с моей работой по святому князю Федору надо было сравнить молитвы пострига в схиму и в мантию. Эли пишет: «Очень страшно было, какие строгие обязанности, почти невыполнимые, на человека накладываются в схиме. Но это не для тяжести и скорби, а для радости о Господе. Как хорошо готовиться к смерти в схиме! Тогда уже никакие мирские волнения не должны тревожить душу. Она должна быть вся в Боге. Постриг в схиму назван в чине «Второе крещение» и «Таинство».

27 марта — праздник иконы Пресвятой Богородицы Федоровской. Костромской владыка Кассиан прислал мне описание, как копия подлинной иконы попала в Ярославль. Подлинник находится в Костроме. В XVII веке один благочестивый художник снял копию с нее и на лодке по Волге привез ее в Ярославль. Перевоз иконы сопровождался чудесами. В этот день Эли причащалась. Чудом встретил ее о. Игорь у входа в собор; он торопился на потребу, и в руках у него был маленький чемодан со всем необходимым для совершения треб. Он любезно проводил Эли до самого входа в алтарь по очень скользкому пути. На этой дороге Эли сказала ему о своем желании причаститься и попросила ее исповедать. О. Игорь хотя и спешил, но исполнил ее просьбу. А без исповеди, именно у о. Игоря, Эли не стала бы причащаться. Эли пишет: «Эта случайная встреча с о. Игорем является истинным

чудом Божией Матери, Которая устроила так, чтобы я причастилась! Пресвятая Богородица, спаси нас!»

28 марта мы (кажется, впервые после Ферганы) увидели Толю в ортопедической обуви. Он рассказал, что в Фергане уже цветет урюк, сливы, алыча. Там так тепло, что ходят в пиджаках.

30 марта в районе села Введенское я сделал свой 20-й лыжный тур. Прошел 4 км, несмотря на то, что снег был влажный и прилипал.

Вечером, когда пришла Елизавета Александровна, я читал ей и Эли свой уже законченный труд о святом князе Федоре, по прозвищу Черный.

С 6 по 8 апреля у нас гостил Николай Павлович Иванов⁴⁶ с Таней Владышевской.

Благовещение (7 апреля) прошло очень празднично. Эли причащалась.

10 апреля 1970 года на заседании Синода под председательством Патриарха Алексия был причислен к лику святых как равноапостольный просветитель Японии архиепископ Николай. На этом заседании присутствовал и я.

Весна полностью вошла в свои права. Только кое-где еще остался снег. Прилетели грачи.

В пятницу, 17 апреля 1970 года, в 9 часов вечера, накануне Лазаревой субботы скончался Святейший Патриарх Алексий. Погребение совершилось во вторник, 21 апреля, в Лавре. Божественную литургию Преосвященных Даров совершили члены Синода во главе с местоблюстителем Патриаршего Престола — митрополитом Пименом. Все служившие архиереи были в белых ризах, что создавало особенное впечатление на Страстной неделе. К отпеванию в Успенском соборе вышли все архиереи, в том числе и я. Святейший погребен в подвале Успенского собора, где еще со времен владыки Гурия устроена церковь Всех Святых в земле Российской просиявших.

22 апреля мы впервые принимали Марианну Карловну Шмидт⁴⁷. Она ничем не интересовалась, кроме разговора со мной. Просила у меня благословения на монашество.

Эли причащалась в Великий Четверг.

Поздно вечером в Великую Пятницу приехал мой двоюродный брат Сергей Николаевич Скалон с дочерью Светланой. Оказалось, что Светлана — некрещеная. Немедленно, по ее просьбе, я совершил над ней это таинство!

⁴⁶ Николай Павлович Иванов (1904–1990), протоиерей, кандидат богословия и старейший сотрудник «Журнала Московской Патриархии».

⁴⁷ Марианна Карловна Шмидт, врач из Германии, познакомилась с владыкой Иоанном, когда он служил в Берлине.

Наконец (26 апреля) настала Пасха! К заутрене прибыл уполномоченный — Виктор Алексеевич Вагин. Причащались Эли и новокрещенная Света и еще одна девушка, которая привыкла причащаться каждое воскресенье.

Служба кончилась после трех часов ночи. В четыре часа утра мы уже спали дома, а в десять часов уже встали. Погода была прекрасная. С Сережей Скалоном и Светой я пошел гулять. Вернулись освеженные. Предстояла еще весьма торжественная пасхальная вечерня. «В 9 часов вечера, — пишет Эли, — пришла наша дорогая Елизавета Александровна, такая радостная! Со мною похристосовалась незаметно от всех. Передала мне таинственный пакетик с подарками для всех. Там оказались раскрашенные яички. Ужасно трогательно было. Дай ей Господь доброго здоровья! Ночью она была в храме и видела, как мы со Светочкой причащались».

Светочка такая радостная, готова откликнуться на все великое, что она узнает из наших слов.

Вечером я опять был у вечерни. В Соборе находилась немецкая делегация во главе с лютеранским епископом Шарфом. Потом еп. Шарф, организатор этой делегации, с которой мы встречались в Ташкенте в прошлом году, и еще несколько человек поехали в архиерейский дом, где провели часа три, отвечая на бесконечные вопросы гостей.

28 апреля, в Светлый Вторник, был пасхальный прием батюшек и певчих. Прием кончился в 16 часов.

29 апреля рано утром уехал Сережа Скалон со Светочкой. Светочка оставалась очень довольной и особенно радовалась о крещении. Мы много ездили на природу, преимущественно в Белкино.

1 мая днем приехали Зленки: Нина Дмитриевна, Боря, Анна-Мария и Мария Николаевна Соловьева⁴⁸. Был прекрасный обед, стол был украшен цветами. Потом поехали на природу. Вечером Мария Николаевна показывала цветные диапозитивы с острова Кипр, Греции, а также со Шпицбергена. Гости уехали на ночь в гостиницу. Только они уехали, как приехали Коля Полынский и Машенька, наши добрые друзья.

2 мая все (кроме Эли и Наталии Александровны) поехали в Кострому.

С 3 мая с 13 до 15 часов был прием американцев. Настроение наших светских гостей хорошее. Даже Нина Дмитриевна очень смягчилась. Она попросила привезти к нам о. Бориса Старка⁴⁹ и долго разговаривала с ним, преимущественно о Херсоне. На следующий день уехали Коля Полынский и Машенька.

⁴⁸ Мария Николаевна Соловьева, геолог. Училась у Константина Николаевича Вендланда в Ташкенте.

⁴⁹ Протоиерей Борис Георгиевич Старк (1909–1996) — митрофорный протоиерей Русской Православной церкви, миссионер. Сын контр-адмирала Георгия Карловича Старка,

Весна быстро шла вперед, наш стол был украшен лиловыми цветами волосистой пурпуратиллы, фиалками и цветущей осокой, а также веточками деревьев с распускающимися почками. Не раз мы ездили на свой любимый ручей, что по Московскому шоссе, не доезжая Шопши. В Георгиев день (6 мая) все настолько распустилось, что Эли пишет: «Это уже не весна, а лето».

11 мая мы собрались ехать в Переславль. Елизавета Александровна отложила свой запрет для Эли на эту поездку. Эли пишет: «В 10 часов приходила Елизавета Александровна. Собрала мне лекарства на все случаи жизни. Сделала трогательную и поднимающую дух приписку к расписанию приема лекарств: “и ни о чем не тревожьтесь и помощи Вам Сама Царица Небесная. И я Вас очень жду обратно”. Какая дорогая Елизавета Александровна! Да оградит ее Господь от всего злого!»

12 мая в Переславль к нам приехал о. Леонид с Ниной Константиновной.

Во второй половине мая наша церковь даровала автокефалию американской митрополии. Участвовал и я в этом событии.

В это время у нас в гостях был регент из Саратова — Михаил Александрович Зеленухин с своей женой Валентиной Лапшиной.

В Крестах двадцатка расторгла договор с маститым протоиереем Алексеем Скобеем.

22 мая я познакомился с Александром Р., уже пожилым человеком из Ташкента, бывшим иподиаконом владыки Луки Войно-Ясенецкого. Он всю жизнь проработал журналистом-газетчиком в редакции «Правда Востока», теперь же, на склоне лет, решил вернуться к церковной деятельности. Добился разрешения Учебного Комитета (возраст его был больше, чем разрешается) поступить в семинарию; окончил семинарию и, прослужив некоторое время в приходах Средней России, вернулся в родной Узбекистан, где занял место настоятеля Покровского собора в Самарканде. Он умер в 1986 году, не оправдав возложенных на него надежд.

Наша жизнь проходила как всегда. Кроме богослужений, у меня были всевозможные волнения в церковной жизни, которые Эли отмечает в своем дневнике, прибавляя при том: «бедный мой братик». Все волнения очень хорошо смягчала милая Елизавета Александровна.

Отдание Пасхи случилось на день св. равноапостольных Константина и Елены. Служба прошла прекрасно. На следующий день я, по благословению, данному еще Святейшим Патриархом Алексием незадолго до его смерти, награ-

в 1925 г. эмигрировал в Париж, окончил политехнический институт, занялся изучением богословия. В 1952 г. вернулся на родину, с 1960 г. служил в Ярославской епархии.

Ярославль. Архиерейский дом. 30 апреля 1970

дил регента левого хора Антонину Константиновну орденом Святого Владимира III степени.

5 июня — именины матушки Евфросинии. Они всегда совпадают с днем «Всех святых в земле Ростовской и Ярославской просиявших», и поэтому проходят очень торжественно.

Эли в прошлый раз, преодолев свое стеснение, надела полную монашескую форму с мантией. Она пишет: «Мне было хорошо, что наконец я одела то, что мне дано было при постриге владыкой Гурием, а не хранила это до смерти». Настоятель о. Борис Старк сказал: «Как я рад, наконец, Вас видеть в полной форме ангельского образа».

Мы стали часто навещать «теплые» пруды, где я всегда купался. С 9 по 14 июня мы были в Переславле. Прополке моркови я уделял много времени.

14 июня — день Св. Троицы — мы голосовали. Эли пишет: «Мы вышли из избирательного участка с приятным чувством, что мы составляем часть нашего народа и принимаем участие в общественной жизни — в выборах в Верховный Совет!»

Через два часа мы были в Ярославле, и я смог прослужить Троицкую службу.

Элино здоровье переменчиво: то хорошо, то спазмы затемняют ей зрение на один глаз, то болит голова, но все эти явления снимаются лекарствами или уколами. Одно плохо: отечность ног.

Эли всегда молилась за меня, и некоторые ее молитвы запечатлены в строчках дневника. Например: «Господи, прибегаю к Тебе с мольбой, ради братика моего одинокого сотвори чудо, дай мне пожить и научи меня молиться Тебе. Спаси и сохрани братика моего бедного, обуреваемого со всех сторон».

ДНЕВНИК МОНАХИНИ ЕВФРОСИНИИ

18 июня. Четверг [1970]

Св. князь Игорь Черниговский

Опять небо покрыто тучами. Крыши мокрые. К 11 ч. проглянуло солнышко, найдя проход через расступившиеся тучи. В воздухе носятся пушинки от какого-то дерева, уж не от ивы ли?

В 10–40 владыка поехал в церковь с подарком, поздравлять о. Игора с днем ангела.

Получила письмо от Елизаветы Александровны, в котором она пишет, что мы скоро увидимся.

Тут же я ей ответила, что завтра едем в Переславль до 22 июня.

Кроме того, ответила м. Евгении на поздравление меня с днем ангела. Опять волновалась, что владыка предложил мне поехать покататься с Нат. Ал.⁵⁰, а они поедут вечером с Сашей⁵¹. Глупая обида была...

Время тянулось. Я читала св. Иоанна Златоуста о диаволе.

В 7 вечера они уехали.

Я стала играть на пианино.

Потом захотела есть. Мы с Нат. Ал. поужинали слегка. И я снова стала играть на пианино. Играла долго и с удовольствием. «Евгения Онегина». Чудесные звуки этого бессмертного произведения меня улаждали.

Вспоминала дневные разговоры с Сашей относительно «жульства окружающих», его необоснованные суждения. Того выгнать, того выгнать и т.д. Все это создает нервное настроение и какое-то чувство безвыходности для владыки. Я бы так на месте братика моего дорогого запретила бы ему разговаривать о всех этих делах.

Господи, прибегаю к Тебе с мольбой, ради братика моего одинокого сотвори чудо, дай мне пожить и научи меня молиться Тебе. Спаси и сохрани братика моего бедного, обуреваемого со всех сторон.

Легла я сегодня во 2-м часу ночи. Хотя бы скорее настало утро.

⁵⁰ Наталья Александровна Логинова, знакомая из Ферганы, судя по тексту последний год жизни монахини Евфросинии жила у митрополита Иоанна и помогала по хозяйству.

⁵¹ Врач, часто бывал в епархии и дома у владыки Иоанна.

С 19 по 21 июня 1970 года мы снова были в Переславле. Как оказалось впоследствии, это было последнее посещение Эли Переславля. Иногда ей делалось плохо, но Саша, врач-стоматолог, устранял болезненные явления уколами. Елизавета Александровна проводила свой отпуск в Почаеве.

19 июня. Пятница

Слава Богу, настало утро.

Спала хорошо. Сердце не болит. Болезнен левый плечевой сустав при движении. Чувствую себя хорошо и весело, что поедем в Переславль... не спала. Владыка, конечно, расстроился по этому поводу. Саша читал утренние молитвы и Апостол.

Мы попили чая, то есть позавтракали. Стали собираться в Переславль.

Прием был довольно большой, владыка долго был занят.

Мы спустились вниз, в сад. Полюбовались там на посаженные цветочки, на клумбу. Выехали в Переславль в 12.50. У меня стала сильно болеть левая рука в области где-то ниже плечевого сустава. Вернее не болит, а при малейшем движении больно.

Доехали хорошо. Каждый толчок отдавался в больное место.

В Ростове пообедали в простой рабочей столовой самообслуживания. Очень хорошо. Приятно было посидеть среди простых рабочих. И гораздо быстрее. В Переславле заехали на базар, купили лампочек 6 шт., 40 и 60 свечей.

Во время дороги надвинулась на нас большущая черная туча. Пошел дождь и так и сопровождал нас до самого Переславля.

Огород воспрям, так красив. Грядки сырые, политые, прополотые.

Уже вышел лен, посеянный неделю тому назад на бывшей цветочной грядке. Яркая зелень деревьев, всех трав. Такая красота, чудесно! Вечером нашелся момент, что владыка смог послушать мои записки владыкиных (М. Гурия) слов «Незабываемое лето» и сказал, что это «перлы». Пришел и немного посидел о. Иоанн Беляков. Быстро ушел. Потом владыка сам прочитал вечерние молитвы, и мы пошли спать в 11 час.

20 июня. Суббота. 14.00

Погода хорошая. С утра безоблачное небо. Но с 11 часов начали появляться тучки.

Владыка в 8 часов утра быстро уехал в Загорск. Нат. Ал. прочитала утренние молитвы и прочитала Св. Писание. Я села писать дневник и до сих пор пишу. Уже 12-й час дня. Все разговариваем без конца о беспорядках в нашем доме (газеты, полотенца), или, просто сказать, чешем языки.

В 2 часа очень захотелось есть, и мы стали обедать.

Тут-то как раз и приехал владыка. Многих там видел. Многие передают мне поклон.

Владыка приехал веселый.

Ходила я к Анне Захаровне на огород. Огурцы сильно пострадали от вчерашнего холодного дождя. Стоят как ошпаренные.

В 4 часа мы поехали покататься. Владыка, Саша, Нат. Алек., Сережа и я. Поехали в сторону Вашутинского озера. Стали в лесу. Но там было столько комаров, что нельзя было вытерпеть. Я села в машину. Владыка, Саша, Сережа ходили по лесу и нашли лисичек.

Поехали на более открытое место. Отсюда открывается изумительно красивый вид на Вашутинское озеро. Нарисовала его в двух видах, как пустынное озеро, только что образованное после таяния ледника. Пока я рисовала, все ходили по грибы. Владыка нашел лисичек, подберезовиков много. В 7.30 поехали домой. По дороге владыка набрал много зонтичных, из которых одни оказались тмином.

Дома все собранные цветы были определены по большому ботаническому атласу.

Во время ужина приехал к нам дедушка из Новодевичьего из Москвы. Николай Архипович, старинный прислужник. Он хочет стать священником и из-за этого приехал к владыке. Ему 63 года (а не 73? — М. И.). Бодрый, крепкий. Мы еще посмотрели очень интересный фильм: «Деревенский детектив». Прекрасно играл роль милиционера Жаров. У одного парня украли аккордеон, и он в большой беде обращается за помощью к Федору Ивановичу, участковому милиционеру. Фильм продолжается больше часа. Но такой увлекательный, что и не замечаешь времени. Кончилось тем, что этот аккордеон милиционер нашел. Он обещал никому не говорить, кто украл аккордеон.

Вечерние молитвы прочитал владыка, я только закончила. Мы легли спать очень усталые.

21 июня. Воскресение

День смерти бабушки лумянской

Чувствую себя неважно. Резкие боли в лопатке при движении. Даже встать трудно. Кажется, сегодня поедem в Ярославль. Может быть, приехала уже Елиз. Ал.

Встала в 9 часов. Спала без просыпу до 8 часов.

Пошла в церковь. Пришла к «и всех и вся». Некоторые тетюшки с радостью встретили меня в церкви. Народа было не очень много. Приложилась к кресту.

Сегодня воскресенье «Всех Святых». На батюшке о. Иоанне было белое облачение с фисташковым кантиком. Очень красивое.

Августа Николаевна помогла мне дойти до дому, хотя я могла и сама. Но она уже так всегда делает.

Пели трогательнейший запричастный «Боголюбивая Царица». Я очень люблю это пение. Вместо чудесного голоса покойной Веры слышался другой хороший голос. Но все же так и казалось, что слышу его. Царство ей Небесное!

Пока я подходила к кресту, владыка вышел из алтаря и проходил через народ, благословляя его. И меня благословил. Я подошла к кресту. И мы с Августой Николаевной вышли боковой дверью.

Дома меня ждали. Владыка с Ник. Архип. уже сидели за столом. Завтрак был шикарный: творог со сметаной и с сахаром.

Владыка говорит, что Ник. Архипович с таким умилением прислуживал. Такая радость отражалась у него на лице.

Тучи становились все гуще, стал накрапывать дождь. Несмотря на это владыка и Серг. Никиф. надули лодку. Владыка снес ее к реке, и они поехали на озеро, творить там молитвенное правило. Между тем разыгралась гроза, засверкала молния, полил дождь. Я совсем испугалась за них.

Но это продолжалось недолго. Скоро все прошло и стало светло. Сегодня день смерти бабушки Елизаветы. Я подала за нее записку на панихиду.

В день ее кончины, 8 (21) июня 1911 года, тоже была страшная гроза. И один удар был как из пушки. Во время него она и скончалась. Царство ей Небесное.

Пришли владыка и Серг. Никифор. До нитки мокрые. Попали под дождь. Хорошо, что там оказался Сережа Николаев, который и довез их до пристани.

Надо было видеть владыку — мокрого, с выдутой лодкой на шее! Удовольствия было очень много.

В 3 часа мы пообедали. Матушка отца Иоанна Белякова Леночка прислала блинчиков с творогом. Нат. Ал. сварила очень вкусный суп с макаронами. Мы решили, что если придет Саша, то ехать сегодня в Ярославль. Действительно, Саша пришел в 4 часа. Потом сейчас же куда-то на 40 минут уехал. Со скуки мы стали заводить пластинки «Бременские музыканты».

В 7 часов выехали из Переславля. Завернули в лес, где были вчера владыка и Нат. Алекс. Искали там грибов. Я же сорвала несколько красивых цветов.

Грибов нашли очень мало. Очень маленькие лисички.

Поехали дальше.

В Петровском заехали к Наташе. Девушка, с которой Саша восстанавливает дружеские отношения.

Очень мне понравилось у них. Маленький домик в три окна, окруженный садиком. Домик чистенький, русская печка. Радушные хозяева. Наташа кончает фармакологический институт. За пять лет, что я ее не видела, сильно повзрослела. Ей 22 года. Спокойная. Выражения страстных чувств не видно.

В доме не видно икон.

Мы попили там чаю. Саша съездил за водкой. Но пили только папаша и Саша по одному стаканчику.

Мне кажется, что, когда они узнают о Сашиних планах, у них дружба распадется.

Наконец в 11 вечера мы приехали в Ярославль, где нас никто не ждал. Но мы ничего не хотели, и я сразу же легла спать. А братик мой дорогой еще писал какую-то бумагу Саше.

(Это последнее посещение м. Евфросинией Переславля, с 19 по 21 июня 1970 г. Она вернулась сюда только 6 сентября в гробу. Чтобы из церкви Покрова отправиться на кладбище на «вечный сон». — М. И.)

22 июня в Ярославле у Эли появилась боль при движениях левой лопатки, еще появилась боль при ходьбе в правом тазобедренном суставе, а потом добавилась еще сильная одышка. Саша сделал укол из 4 ампул кардиамина и одной ампулы коргликона. Эли почувствовала себя хорошо, но губы у ней посинели. Поэтому я вызвал такси, посадил на него Наталью Александровну и Сашу, и они поехали за Елизаветой Александровной, которая уже должна была вернуться из своего путешествия. Эли пишет: «Вскоре, как и раньше, послышались тихие шаги дорогой Елизаветы Александровны». Она нашла, что болезненность суставная, но отеки стали больше. Отекла правая рука, на которой Эли лежала. Елизавета Александровна долго рассказывала о своей поездке. Было очень хорошо. Замечателен был отец архимандрит Иосиф, живущий в стороне от Почаевской лавры в особом скиту. Его знают все таксисты. Достаточно сказать шоферу: «К отцу Иосифу», — и такси идет по довольно длинному, извилистому и несколько гористому пути. Отец Иосиф совершает богослужения под открытым небом. Его окружает множество народа, среди которого есть много бесноватых и психобольных. Но в присутствии о. Иосифа они ведут себя тихо. Елизавета Александровна сама видела, как пятилетняя девочка билась в судорогах. Папаша еле мог ее сдержать. Отец Иосиф положил ей руку на голову, и она сразу стихла и потом спокойно сидела на коленях у папаша. Елизавета Александровна довольно долго у нас сидела, даже выпила полчашечки кофе и съела чуть-чуть булочки.

22 июня. Понедельник

Ел. Алек. привезла целую флягу водички со стопочки Божией Матери. Мы пили ее с удовольствием. Еще Ел. Ал. привезла платочек с веточкой березки. И открытку Почаева. Говорят, что настали последние времена перед концом мира. Много там униатов, у которых враждебное отношение к православным.

Ел. Ал. довольно долго у нас посидела. Даже выпила полчашечки кофе и чуть-чуть булочки. Обещала еще прийти вечером. Целый день я валялась, ничего не делала.

В 9 ч. мы сели ужинать. Тем временем пришла Ел. Ал. Померила у владыки давление. 140/90. Очень хорошо.

Еще ей надо зайти к о. Филарету⁵². И она поспешила к нему.

На улице мокро и холодно.

О. Александр хочет к нам прислать своих дочерей Таню и Риту, погостить недели на две.

Владыку вызывают на 25 июня в Москву на сессию Синода.

Я решила остаться здесь, а не ездить в Переславль.

23 июня. Вторник

Дождь, лужи, холод переменяются с солнцем.

На ногу почти не могу наступать, так больно. Даже не знаю где. Где-то в голловке бедра.

Приняла гипотиазид в ½ 9-го утра. Он очень мало действует.

В 12 ч. пили чай с тульским пряником. Из-за такой плохой погоды у братика моего дорогого какое-то нервное, неопределенное состояние. Вроде начинается головная боль. Поэтому он перед обедом поехал покататься. Время идет. Скоро 4 часа. Есть хочется страшно, а их все нет. Поела салатик, который Любовь Александровна поставила перед моим прибором.

Нога как будто лучше немного. Вспомнила, что на днях я долго играла на пианино. 3 часа. Может, от этого заболела нога с непривычки.

Оказывается, что владыка заезжал к о. Игорю и просил его прийти ко мне поисповедовать. Завтра у нас в Крестовой церкви будет заупокойная литургия.

24 июня (11 июня), день свв. апостолов Варфоломея и Варнавы, — день смерти папы. Папа умер через восемь лет после смерти своей горячей любимой мамы, нашей бабушки Елизаветы. День ее погребения совпадает по числам с днем смерти папы. У нас в Крестовой церкви я совершил Божественную литургию в сослужении о. Иоанна Гиляшева⁵³. Была Елизавета Александровна. Эли причащалась. Елизавета Александровна проводит лечение и категорически приказывает Эли лежать.

⁵² Отец Филарет, в схиме схиеродиакон Василий (Василий Николаевич Морев, 1886–1970), жил в Ярославле. Лечился у Е. А. Александрinou.

⁵³ Священник Ярославской епархии.

24 июня

Проснулась около 8 часов и скорее начала вставать. К моей большой радости в 8.30 пришла Елизавета Александровна, чтобы присутствовать при Божественной литургии. Пришел батюшка о. Иоанн Гиляшов с супругой и еще одна певчая. Отец Иоанн облачился, совершил проскомидию. Владыка облачился в хиротонисанное облачение, стоял перед престолом и читал помянник. А отец Иоанн вынимал частицы из просфор.

В 9 ч. началась Божественная литургия. Пели антифоны. Я щеголяла перед Е. А. своим знанием их и пела наизусть. Вообще всем щеголяла. Особенно мантией. Думаю, что из-за этого лучше ее не надевать. Но потом поняла, что нечего щеголять. Раз мантия мне дана в постриге, то надо ее надевать. Так я и сделала.

Божественная литургия шла несказанно. Понятно было, что Херувимы и Серафимы не могут зреть на эту Тайну, а крыльями закрывают лица.

Спели мы в конце радостное переславское «Буди Имя Господне благословенно отныне и до века».

Потом все присутствующие поднялись наверх и позавтракали. Трапеза перемежалась приятными беседами. О. Иоанн в Московской синагоге купил Библию на еврейском языке, который он изучал в Академии.

Е. А. обещала прийти завтра. Опять Земля дошла до кульминационного пункта на орбите, и с завтрашнего дня дни начнут делаться короче.

В 16.35 братик мой уехал в Москву на сессию Синода.

Мне стало очень-очень скучно. Да еще стала смотреть фильм Чехова «Три года», от которого веяло невероятной тоской. И я ушла в свою комнату.

Стала читать св. Иоанна Злат. О покаянии. Грех надо сказать самому первому. Тогда он будет прощен.

В 9-м часу вечера пришла дорогая Елиз. Ал. В очень веселом настроении. Много говорили. Приехала Галя из Саратова. Такая здоровая, полная, славная. Мы поужинали и сразу после вечерних молитв пошли спать.

25 июня

Погода очень хорошая, солнце светит, но есть тучи. Больно наступать на правую ногу по-прежнему. Звонила Елизавета Александровна. Велела лежать. Такие категорические приказы мне не нравятся. Но все равно лежу, потому что ходить очень больно.

Пришла Галя. Она ездила в Песочное в церковь. Все церкви Ярославля были закрыты на профилактический день.

В 4 часа звонила Ел. Ал. Она очень была рада, что у меня нет одышки. А боли в левом плечевом суставе могут быть от сердца? Ну уже не знаю, что будет. Всю

остальную часть дня я лежала. Прочитала сегодняшнее правило с каноном свв. апостолам и св. Николаю.

Страшно долго пишу дневник и слушаю Галю, которая говорит, что я очень отечная.

Мы поужинали в семь вечера. Был у нас винегрет сухой, без масла, без огурцов, в Галином вкусе. После ужина я опять легла. Читала чудесные беседы о покаянии.

Скоро я услышала знакомое шурушание плаща и тихое ступание ног. И пришла Ел. Александровна. Мочегонное лекарство подействовало очень мало. Это Елизавету Александровну почему-то не очень беспокоит. А ноги стали, как у слона. Наверное, уже ничего нельзя сделать.

Мы долго беседовали. Я ей передавала содержание бесед о покаянии, что стоит только сказать грех, и он будет прощен.

Помню я, как не любил владыка Гурий слез при исповеди. Вероятно, потому, что слезы вовсе не обозначают глубину покаяния и совсем к нему не относились. А простое изложение грехов было уже достаточным покаянием.

В 22.30 дорогая Ел. Ал. ушла. Вот до чего я ее замучила.

Нат. Ал. прочитала вечерние молитвы в моей комнате. Мне лень было раздеваться, и я так и проспала до 8 ч. утра одетая и даже лежа поверх одеяла.

26 июня

В 10 часов позвонила Ел. Ал. Сказала, что скоро разрешит ездить в лес. Мне от этого стало очень весело. Гали уже давно нет дома. Пошла в церковь. Мы без нее попили чай и поели пшеничную кашу. Погода с утра хорошая. Во второй половине дня стала хмуриться.

С упоением читаю беседы о покаянии. Вечером пришла Ел. Александ. У нас началась беседа. Она принесла выписки из о. Иоанна Кронштадтского о невозможности соединения церквей. Мы долго говорили и об этом. Говорили о Почаеве. Она принесла стихотворение о Почаеве. Много рассказывала о владыке Гурии, о матушке. Даже поплакала. Ушла Ел. Ал в 22.30.

Мы поужинали, прочитали вечерние молитвы.

Мы продолжаем свои прогулки. За Волгой мы нашли очень красивое место, где цвел очиток. Элин рисунок получился удачно.

29 июня я заставил всех встать и помолиться пораньше, потому что ожидается очень интересный батюшка. Действительно, как пишет Эли: «К завтраку пришел приехавший из Воронежа очень приличный и симпатичный батюшка с крестом с украшениями». Это был никто иной, как протоиерей Георгий Ива-

нович Ключников, который вскоре стал моим секретарем, а в Ярославле до сих пор занимает место настоятеля Крестобогородской церкви.

Пришел владыка, сказал, чтобы поскорее одевалась. Должен приехать какой-то батюшка. Я поскорее, прямо на тело, надела бархатное платье, вымыла лицо и через пять минут была готова. Все собрались, и Нат. Ал. прочитала утренние молитвы, уже теперь почти прилично. Спели мы тропарь пр. Тихону.

Я прочитала послание к Римлянам, непонятное место, где апостол Павел спрашивает, не лучше ли, чтобы был грех. И сам себе отвечает, что, конечно, греха не надо. Евангелие не помню.

К завтраку пришел приехавший из Воронежа очень приличный батюшка с крестом с украшениями. Его владыка послал к уполномоченному.

В течение дня было много посетителей у владыки, и он очень устал. Кроме того, было душно, гремел гром. Все это вызвало у владыки сильную усталость. Он был молчалив и как будто недоволен всем окружающим.

В 3 часа мы обедали с о. Сергием и его маленькой дочечкой. Мама отдыхает в Ялте, а он один с девочкой.

Вчера мы привезли очень красивый букет из иван-чая с белыми и желтыми цветами из семейства мореновых.

Я нарисовала его, конечно, плохо.

После этого пришлось букет выбросить из-за пронзительного запаха белых цветов.

Галя обед немного поела. Было неприятно смотреть, как она и Нат. Ал. налили себе чуть-чуть супа на мелкие тарелки и кушали.

Все время после обеда я спала до 8 часов, когда проснулась от начавшейся беготни Нат. Ал., которая, как маятник, бегала в столовую и обратно. Оказывается, накрывала стол к ужину.

Есть мне совсем не хотелось. И владыка этим раздражался. В 8–30 пришла дорогая Елиз. Ал. Померила всем давление. У владыки оказалось ниже 100.

Господи, помилуй нас!

Еще владыка был грустный оттого, что прочитал свой сценарий про еп. Иннокентия⁵⁴. Его у нас нигде поставить не смогут и за границей тоже.

Отеки у меня очень большие. Не знаю, почему Ел. Ал. ничего от них не назначает. Наверное, потому что не помогут лекарства.

⁵⁴ Киносценарий митрополита Иоанна «Иннокентий — миссионер Русской Америки. 1797–1879». Опубликовано в Ярославле в 2011 году.

Когда я сказала Елиз. Ал., что мне бы очень хотелось съездить опять в Фергану, она сказала, что не в этом году, а в будущем. Я поняла, что до будущего года я, вероятно, не доживу.

Мы делали поездки по окрестностям. Например, 30 июня мы поехали к Зининым родственникам в Прусово. Эли страдает от отеков, от боли в суставах, едва ходит, но продолжает всем интересоваться и восторгаться красотой и цветами быстротекущего лета.

30 июня. Вторник. +25

Без 10 минут 9 ч. у. Мы начали молиться. Молитва длилась 15 минут.

Сразу попили чай. Владыке все некогда и не решаешься ни одной лишней минутки посидеть. Он быстро убегает. А я сижу и глотаю таблетки. К моему удивлению, сразу после чая мы уехали из Епархиального управления в лес. Поехали в Прусово к сестре Зины Марии и ее мужу Александру Кузьмичу, братику Шуре. Братик мой очень был рад, что ему удалось скрыться от бабок.

Ехали мы через Ляпино. Зина указывала нам путь. Ехали через леса, болота. Местами были ужасные колеи и жидкая грязь.

Любовались цветами, птицами. Наконец, выехали к Волге, которая предстала перед нами, как река на картине Глазунова «Два князя».

Село Прусово расположено на высоком берегу Волги. Маленький зеленый домик. Симпатичные хозяева. Мар. Влад., сестра Зины (63 года), и ее муж, преподаватель столярного и слесарного труда. Очень славный. Красота окружающей местности такая, что не знаешь, куда смотреть и что рисовать.

Я уселась в машину и стала рисовать угол их дома. А сзади величественная Волга. С другой стороны было поле, лес. А сзади чудесные летние облака.

Я все же избрала первый сюжет. Принялась рисовать и рисовала, наверное, часа три.

Угощали нас чаем, молоком. По дороге купили свежих лещей из Волги, только что пойманных. А я рисовала и любовалась. Домой владыка решил поехать на пароход, который уходит в 4.45.

А мы поехали на машине. С владыкой поехала Нат. Ал. Когда мы приехали на машине к пристани в Ярославле, было 6 часов, и мы с моста видели, как на реке появился маленький пароходик.

Все были очень рады такой чудесной прогулке.

Появились цветы второй половины лета раньше обыкновенного. Голубые крупные колокольчики на лугах. Цветы на высоких стеблях, белые, чуть кремоватые, большие соцветия, состоящие из мелких цветов, пахнущих туалетным мылом

или черемухой. Там видела я расцветившие репейники — красные высокие подушечки. Колокольчики темно-лилового цвета, собранные в соцветия. Все эти цветы обычно появляются значительно позднее. Лето проходит быстрее, чем всегда.

1 июля

Сегодня жаркий летний день. Чувствую себя неважно. Отеки. У владыки охрип голос. Но все же мы поехали в тот лес, откуда близко какое-то озеро, где владыка уже катался на лодке.

Там чудесный красивый лес с могучими соснами, одну из них я уже рисовала 8 июня.

Но тут сегодня мы остановились у одного красивейшего места. Владыка с Сергеем Никиф. Я же уселась с удобством на маленький стульчик и, положив на него толстую подушку, стала рисовать захватывающий по красоте вид с лесной дорожкой, соснами. А с другой стороны необъятные болотно-кустарниковые просторы, над которыми летают чайки. Так я и просидела, пока они пришли. Рисовала я три часа. Владыке понравился первый рисунок.

Нат. Ал. угостила чайком, пирожочком, и мы отправились назад.

В 9 ч. пришла дорогая Ел. Ал. Она сегодня вышла на работу после отпуска, который считает, что провела хорошо. Она поохала, что повязка моя промокла от язвочки на ноге. Ноги у меня, как у слона. А она все говорит, что все пройдет. Назначила мне разгрузочный день. 5 стаканов молока один день в неделю.

2 июля. Четверг

Опять жара. К вечеру обещают +25. Из-за боли в ноге сегодня никуда не хочу ехать. Пью молоко. Ничего не ем. Ходить очень больно. Просто не знаю, что такое случилось.

Ничего не читаю. Одышка при ходьбе. Чувствую себя плохо.

Еще осталось выпить два стакана молока. В 9 ч. веч. пришла Елиз. Ал.

3 июля. Пятница

Никуда сегодня не ездили из-за того, что каждое движение мне очень больно. Так и пролежала на кровати весь день.

Читала слово св. Иоанна Златоустого о Рождестве Христовом, которое только за 10 лет до этого слова стало на Востоке праздноваться отдельно от Богоявления. На Западе же всегда отдельно праздновалось. При высчитывании числа Рождества Христова св. Иоанн Златоуст определяет, когда была Авиева черед, в которую отец Иоанна Предтечи служил в храме. И называет св. Захарию первосвященником, хотя в Евангелии ясно написано, что он был священником (Лк. 1, 5).

Хрипота голоса у братика проходит. Но чувствует сильную слабость. Чтобы избавиться от нас, пошел гулять вечером. Но это не помогло. В 9 ч. Нат. Ал. подала ужин, и как раз в этот момент пришла Ел. Ал. Ужин отставили. Нат. Ал. легла на кровать усталая и заснула. Язва на пальчике ноги не заживает, и из нее течет отечная жидкость. Назначила мочегонное.

После ухода Ел. Ал. вскоре вдруг пришла ко мне в комнату Нат. Ал. Уже был 12-й час ночи.

Стонет, охает, жалуется на боли в сердце, спазмы в горле.

Что делать? Дала ей валидол, валериановых капель и таблеток от давления, так как сильно болела голова.

Все скоро прошло. Она легла спать, и в доме воцарилась тишина.

4 июля. Суббота

Чувствую себя плохо. Очень болят суставы. Слабость. Небольшая одышка. Погода жаркая и душная. Кататься нигде не ездила, а сидела целый день на террасе с Галей. Галя была в Смоленской церкви и попросила у батюшки о. Прокопия какой-то акафист, который переписывает весь день.

А я принялась рисовать Беш-балинское узбекское кладбище и могилу Марины с наброска в моей записной книжке.

Ужинали мы в 7.30 вечера.

Попозднее пришла дорогая Елизавета Алек. Сделала укол анальгина с новокаином.

5 июля. Воскресение

10-е по Пасхе.

Весь день провела в лежании на постели. Много читала св. Иоанна Златоустого.

Владыка ездил в храм. Но не служил, а молился.

Нога болит по-прежнему. Еле ковыляю. Обедал у нас о. Борис Старк. Он плохо себя чувствует. Говорит, что отеки, одышка. В десятом часу вечера пришла Ел. Алекс. Опять сделала внутримышечное.

Густав Малер. Композитор. Симфония, из которой видно, что человек может победить зло в жизни и выйти победителем. Жизнеутверждающие звуки. Особенно значительна 8-я симфония. Вся вселенная начинает звучать. Идея братства народов. Умер в 1911 г.

6 июля. Понедельник

Вечером наверху мы с владыкой пели чудесные стихиры св. Иоанну Предтече. Владыка читал паремии о даровании детей 100-летнему Аврааму и 90-летней Сарре. И пророку Исаяи.

Вечером была Ел. Александровна. Делала уколы. Нога все болит.

7 июля. Вторник

Получила письмо от Марии Куличкиной о ее приезде в Москву с тремя старшими девочками. Я послала им телеграмму, чтобы ехали в Переславль. А также телеграмму Анне Захаровне, чтобы приняла их.

8 июня. Среда

После утреннего завтрака мы поехали сначала в город. Владыка купил себе плащ, размер 56, рост 4, с шапочкой. Очень ему идет, как профессор. Потом поехали за Волгу на бывшую свалку, где бурно разрослись высокие сорные травы и гигантский репейник. Там мы стали их рисовать. Владыка тоже. Пошел сильный дождь, который мы очень уютно провели в машине.

В 14.50 вернулись домой. В 3 ч. пришла дорогая Ел. Ал. Опять сделала укол.

9 июля

Утром ездили за Волгу налево. На лесные полянки, где росли гвоздики. Они уже отцвели. Вместо картошки теперь там роскошные пшеничные поля. Густая пшеница, высокая в колосьях, как море. И рядом лужок. Полный разных цветов. Так красиво. Я нарисовала. Но как не было вдохновенно, то вышло плохо. Тем временем владыка пошел гулять. И как раз, когда кончила рисовать, он пришел с цветочными трофеями — валериана.

Мы поехали туда. Это болото, но без воды. Громадные спелые травы, которые никто не думает косить почему-то. И там масса валерианы. Так красиво! Не передать! Одно растение Сергей Никифорович выкопал с корнями. Они душисто пахнут валерианой. Везде такая красота. Высокие цветы — колокольчики, иван-чай, ромашки. Часов в 6 пришли гости: о. Петр Надеждин⁵⁵ и о. Дмитрий⁵⁶. Мы их радостно встретили, стали угощать чаем, коньяком.

И в эту минуту является Сережа Скалон с Олей. Ужасное выражение лица у Оли не поддается описанию. В 9 ч. вечера пришла дорогая Ел. Ал. Сделала мне уколы. Мы задерживали ее разговорами, чтением о м. Марии⁵⁷, погибшей в немецком лагере.

Потом Галя прочитала вечерние молитвы.

⁵⁵ Священник Ярославской епархии.

⁵⁶ Возможно, священник Ярославской епархии Дмитрий Конев.

⁵⁷ Монахиня Мария, известная как мать Мария (фр. *Mère Marie*), в миру Елизавета Юрьевна Скобцова, в девичестве Пиленко, по первому мужу Кузьмина-Караваева (1891–1945) — русская поэтесса, мемуаристка, публицист, общественный деятель, участница французско-

10 июля. Пятница

Спала плохо. Болела не то спина, не то живот. Потом заснула. Оля капризничала, хотела скорее в Переславль, и Сережа вынужден был уехать в Переславль утром. Здоровье неважное мое, болят ноги. Приходила Елиз. Александровна. Делала укол.

11 июля. Суббота

Утром приехали м. Евгения с м. Евпраксией⁵⁸, чем доставили мне большую радость. Весь день я лежала. Болели ноги. Что-то не помогают уколы. В 4 ч. пришел о. Игорь и служил панихиду по владыке Гурию. Мы все пели. Из присутствующих только одна Зина не знала и не видела вл. Гурия. А мы с матушками справили службу, пели, читали. Вечером пришла Ел. Алекс. Делала уколы.

12 июля. Воскресенье

Свв. ап. Петра и Павла

Сегодня печальный день кончины вл. Гурия. Владыка Иоанн поехал служить в село Пахма, совсем недалеко от Ярославля. Это место известно тем, что там была летняя резиденция св. кн. Федора. В храме на задней стене нарисованы св. Федор, Давид и Константин и его жена Анна. Все это очень обрадовало и удивило владыку. В церкви были наши гости — матушки из Кривого Рога, Елиз. Алекс.

Служба прошла необыкновенно молитвенно. Было очень много простого молящегося народа. В 3 ч. владыка вернулся.

12 июля — свв. первоверховных апостолов Петра и Павла и день кончины владыки Гурия (в 1965 году). Служить я ездил в Пахму. Там, на западной стороне церкви, — картина, изображающая всю семью святого князя Феодора. Здесь была его летняя резиденция. После службы поехали за Волгу, где я рисовал озеро с белыми кувшинками. Эли же рисовала лес, горящий огнем иван-чая.

В 4 ч. мы поехали на заповедное озеро, где есть большие кувшинки. Их владыка запретил рвать, потому что эти растения уже исчезают с земного шара.

Я уже не выходила из машины и нарисовала лес, горящий огнем иван-чая.

А владыка акварельными красками нарисовал озеро с кувшинками. Очень своеобразно и красиво. С нами были: владыка, Валентин, обе матушки и я.

Ехать было нисколько не больно ноге. Вернулись ровно в 20.30.

го Сопротивления, казнена в газовой камере Равенсбрюка 31 марта 1945 года. Канонизирована Константинопольским патриархатом как преподобномученица в 2004 году.

⁵⁸ Монахини, с которыми Елизавета Николаевна познакомилась в Днепропетровске.

Скорее поужинали, и тут же пришла дорогая Ел. Алекс. Сделала мне бесконечное множество лекарств в уколах. Елиз. Александ. ушла в 23.10.

Мы быстро прочитали вечерние молитвы и попрощались с дорогими матушками, которые завтра в 6 ч. утра уезжают.

Ел. Александ. сказала завтра принять мочегонное.

13 июля. Понедельник

День пасмурный и прохладный. Принимала мочегонное и никуда мы не ездили, оттого что у обеих машин сломались рессоры. Дорогие матушки наши уехали в 4.30. Я их больше и не видела. Целый день лежала, много читала. Поджидала дорогую Ел. Алекс., которая пришла в 21.30.

Столько со мной процедур, что это занимает много времени. В это время приехал Саша. Мне показалось, что у него какое-то неприязненное лицо, в особенности в присутствии Ел. Ал. Хоть бы скорее уехал.

14 июля. Вторник

2 Кор. 11, 3.

«Но боюсь, чтобы, как змей хитростию своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились от простоты во Христе».

Саша выделывает свои трюки. Дулся на владыку, когда ему сделали замечание, что он не дисциплинирован. Всех этим огорчил.

Вечером приходила дорогая Ел. Ал. Опять делала укол. Мочегонное на меня мало действует. Отеки те же, как у слона.

Я уже не спрашиваю, будет мне лучше или нет. А ноги все те же.

15 июля. Среда

Спала хорошо. Со стороны здоровья все то же. Отеки, течет из пальца. Думаю, что конец приближается. Но нет устремления к Богу и молитвы, чтобы он меня принял. Дорогая Ел. Алек. такая усталая. Оказывается, что она с утра до вечера работала и ничего не ела. Даже не успела скушать апельсин. Я предлагала ей попить хоть чайку с сахаром. Да куда там.

Саша целый день бубнит про «имулей» и сионистов. Под влиянием чтения книги. Прямо надоело слушать.

16 июля. Четверг

Вчера Ел. Алек. дала мне таблетки промедола (вроде морфия). Мне стало так страшно, что это уже последнее лекарство, которое дают больным раком. И я подняла бузу, чем, конечно, огорчила Ел. Ал.

Действительно, после таблетки спать мне хотелось не больше чем всегда.

Прекрасно проспала всю ночь. Но боли при ходьбе держатся, может быть немного меньше, и они перешли еще на другую сторону.

В 13.30 владыка с Сашей уехал на Сергиев день в Загорск. Пока еще в Переславле. Вернется 19-го, в воскресенье.

В 3 часа пришла дорогая Ел. Ал. Пришла с дежурства. Я заметила у нее какую-то странную мнительность. Она меня спросила, почему я вчера качала головой, пока она мне делала внутривенное вливание. Я говорю, что я никакого качания не помню, во всяком случае, нарочно его не делала. Нет, говорит Е. Ал., делала и притом не утвердительно сверху вниз, а из стороны в сторону, как бы неодобрительно!

Но что можно сказать, как убедить?! Чувствую, что это все продолжение введения лекарства против ее воли. Все Сашкино вмешательство.

В 6 ч. позвонила Ел. Ал. Она дежурит. Хорошо поговорили. Очень ободрили меня ее слова, чтобы ни о чем не беспокоиться.

В 9 ч. Ел. Ал. звонила сама. Осталась очень довольна действием эуфиллина (мочегонного). Предлагала мне принять промедол. Но не в категорической форме, а ласково: «не желаете ли». Ел. Ал. сказала, что не настаивает. Говорила, что только сейчас поняла смысл слова «сушить» палец, потому что высушить его ведь невозможно. То есть что он всегда будет течь, до смерти. Как и отеки никогда не пройдут, разве что от мочегонных лекарств станут меньше. Еще говорила, что медицина не может уничтожить смерть. Вылечить она ничего не может, а только заглушить наркотиками.

Мне стало совсем грустно. В 11 ч. вечера Ел. Ал. еще приходила. Сделала укол и быстро ушла, потому что был уже 12-й час.

Я прочитала все правило перед Св. Причащением и сразу заснула с мыслями, что завтра придет о. Игорь меня причащать.

18 июля. Суббота.

Сергиев день

Проснулась в 6.30. Быстро, насколько позволяла спина, стала одеваться. Нат. Ал. стала устанавливать порядок на столике, принесла салфеточку, стакан воды, чайную ложечку.

О. Игорь пришел очень точно, в 7.30 утра. Я поисповедовалась очень быстро, по записке, вспоминая слова св. Иоанна Златоустого, что только скажи грех, и он будет прощен.

Конечно, кроме тех четырех строчек, которые были у меня записаны, есть у меня еще множество грехов, которых я не вижу. Наверное, дорогой батюшка о. Игорь удивляется такой малой моей греховности.

Тут же я и причастилась св. Христовых Тайн.

Вчера ко всенощной и сегодня к поздней обедне был колокольный звон. В 10 ч. утра звонила Ел. Ал. Мы с ней весело поговорили. Утром спина у меня была лучше. Потом же стала опять хуже.

Я все время лежала и изнывала от жары. Было +23.

В 2 ч. мы с Нат. Ал. пообедали.

Опять беляши, которые пахнут чайханой и грязными узбеками.

В 3 ч. дня позвонила дорогая Ел. Ал. Мы с ней весело поговорили про все. Про росянку, что она кончает свои запасы мяса и как бы не стала голодать. И т. д. Ел. Ал. сказала, что придет вечером.

Вчера Ел. Ал. рассказывала, как сейчас лечат инфаркт, какое множество разных новых, сложных и совершенно несслыханных мною лекарств употребляют. Например, лекарства, которые уменьшают свертывание крови. По приказу Минздрава употребляют. По их наблюдениям, больным становится хуже, и даже они умирают от разрыва сердца.

Однажды приехала комиссия узнать, как они лечат инфаркт, и стала настаивать, чтобы они давали это лекарство. Они сказали, что больным от него хуже. Но комиссия требовала давать. Врачи все равно не стали давать, и больные стали поправляться!

19 июля. Воскресенье

В 9 ч. утра позвонила по телефону Ел. Ал. Она обещала позвонить еще в 3 ч.

В 2 ч. приехал владыка, очень радостный, с массой впечатлений от праздника в Лавре. Его там навестила Лена Чичерина и отдала цветные карандаши.

Приехала к нам Анна Захаровна с Сережей-маленьким.

В 8 ч. пришла Ел. Ал. Все мне сделала. Отеки опять стали увеличиваться.

В 11 часов приехали гости, которых с вокзала прямо увезли в гостиницу.

20 июля. Понедельник

В 12 ч. привезли из гостиницы гостей. Нину Дмитриевну, Галину Андреевну и Марию Ивановну. Галина Андреевна настоящая красавица. С тонкими чертами лица. Одета в костюм из кремоватой шерсти. Волосы кудрявые, блондинка подстриженная. Очень умная, все окружающее хорошо понимает. Наверное, подсмеивается над Ниной Дм.

Из всех дам милее оказалась Мария Ивановна, лет 60 или больше.

По лицу сразу можно было сказать, что она ленинградка. Она удивилась, почему я так сказала. Что, неужели у нее строгий и гонорный вид, какими, по ее мне-

нию, должны быть ленинградки? Я говорю, что как раз нет, а какое-то невыразимое словами чувство подсказывает. Потом владыка говорил, что она хочет быть завтра на его службе. И что она, наверное, верующая. Потом мы с ней беседовали долго на террасе. Она смотрела мои рисунки, и это особенно ее обрадовало. Попивши утренний чай, мы поехали в лес за Волгу, к дубам и липе.

ЗИМ не взял песочной горки, ведущей туда, и они пошли пешком, а мы с Нат. Ал. поехали на обычное наше место.

За неделю, что я там не была, все засохло, иван-чай отцвел. Лес сухой. Ужасная жара и много слепней.

Виталий Александрович чинил ЗИМ, который не хотел двигаться с места. Долго чинил.

Рисовать я не рисовала. Отъехать на то место, где въезд в лес и совершенно шишкинский вид, Нат. Ал. не хотела. Так и просидели. Я неподвижно в машине, страдая от жары и голода. Взяли мало всего. Но все же Нат. Ал. меня напоила.

Наконец, пришел владыка с дамами. Благодаря их легкому костюму они все были искусаны оводами. Особенно Нина Дмитриевна. Они попили немного воды, покушали булочки, и мы поехали домой. Отвезли их в гостиницу, откуда через полчаса привезли к нам, и все мы обедали.

Здесь выяснилось знакомство Марии Ивановны с Павлом Ивановичем Степановым. Даже Нина Дмитриевна его знала. Все это было очень приятно.

Он организовал музей петрографии в Геологическом институте в Ленинграде. Обед кончился около 8 ч. вечера, и их увезли в гостиницу.

В 9 ч. вечера пришла дорогая Ел. Александ. Делала внутривенное и еще что-то.

21 июля. Вторник.

Казанская икона Б. М.

Владыка служил литургию в соборе. Вернулся после 12. Сразу поехал к дамам, с которыми хочет совершить большую экскурсию.

В начале 1-го часа пришла с дежурства дорогая Е. Ал. Сделала один укол в/вен. Мы с ней посмотрели тетрадки рисунков, поговорили.

Она хочет ночевать у нас в те дни, когда я буду одна и Вл. и Нат. Ал. уедут в Москву. Я уже просила Нат. Ал., чтобы она сварила накануне хорошие щи для Ел. Ал., которые она кушает утром перед работой.

В 8 ч. я разговаривала с Ел. Ал. Вдруг входит в дверь радостный владыка. Я передала ему трубку, и он рассказал Ел. Ал., как он был на заповедном озере и как дамы восхищались всем виденным. Мы скоренько поужинали. Я скоренько попила кефиру. После вечерних молитв мы улеглись спать.

Ничего читать не могла. Хотелось спать.

22 июля. Среда

Но почему-то спала плохо. Было неудобно. Легла поперек кровати и тогда заснула до 8 часов. Сегодня владыка поехал с дамами в Кострому. Поездка, наверное, продлится долго. До вечера. Они еще заедут к нам проститься со мной. Так как завтра утром уезжают.

Получили телеграмму из Ферганы о приезде девочек 25-го, рейс 380 из Оша. Нат. Ал. поедет их встречать на домодедовский аэродром. И очень волнуется, так как неизвестны часы прилета.

Спина моя не лучше. При движении режет как ножом.

Вот и лежу весь день. Сушу палец и грею спину.

23 июля. Четверг. +16

Дождливая сырая погода. Стала очень болеть правая рука, плечевой сустав и спина. Очень больно двигаться в пояснице. С трудом могу дойти до террасы. Совсем инвалид. Днем приехали дорогие гости: Маша с девочками Ниной, Машей и Ирой. Мы сидели на террасе, разговаривали. Владыка развлекал их разными книжками. Но им сразу становилось скучно. В 3 часа обедали. Я даже не могла правой рукой держать ложку. Целый день шел дождь, и гости никуда не могли пойти погулять. Лишь к вечеру погода улучшилась, проглянуло солнышко.

В 9 ч. пришла дорогая Е. А. Убедила меня принять на ночь промедол. Помогла мне лечь спать. Устроила мне удобное ложе. Правило сегодня не читала.

24 июля. Пятница

Спала хорошо. Чувствую себя лучше. Хожу свободно.

Погода хорошая. Светит солнце. Утром звонила Ел. Ал. Она хочет сегодня ночевать у нас, тревожится за меня. Она говорит, что если человеку нездоровится, то ему всегда приятно, если кто-нибудь около него есть. В 4 ч. владыка и Нат. Ал. уехали в Москву, чтобы переночевать в Переславле.

Пришла телеграмма из Ферганы. Они вылетают из Оша 25 июля, в 15 часов по московскому времени.

У Сережи температура от нагноившейся атеромы головы. Они завтра уезжают в Москву. Я рада. Меньше будет сплетен. Вопрос его по телефону, где спала Анна Захаровна, — уже начало сплетен.

День прошел в чтении И. Златоустого. От промедола очень хочется спать целый день.

Вечером пришла Ел. Ал. и поужинала с нами. Потом сделала укол и дала промедол на ночь. Мы поставили ей раскладушку в столовой, и она хорошо спала.

25 июля. Суббота

В 4.30 я проснулась, разбудила Марию, и она согрела щи, чай. Я де опять завалилась спать. Е. А. сделала укол. Покушала щей, которые ей очень понравились. Покушала яичко, попила чаю. Я очень рада. Сказала, что придет вечером, а днем будет звонить. Я чувствовала себя хорошо. Маша с детками никуда не ходили.

Вечером опять пришла Ел. Ал. А также пришел о. Игорь. Мы вместе ужинали. О. Игорь говорил о недопустимости служения литургии преждеосвященных Даров вечером, чем очень обрадовал Ел. Ал.

Ел. Ал. так ухаживала за мной. Сделала мне постель. Заставила принять промедол. Я все сделала, хотя душа моя категорически протестует против этого назначения.

26 июля. Воскресенье

Утром я еще спала, когда пришла Ел. Ал. делать мне укол. Спать хотелось страшно. Читать не могла. На каждом слове засыпала. Было очень мучительно.

В 9 ч. звонила Ел. Ал. И в тот же момент пришел владыка, Нат. Ал. и обе девочки из Ферганы. Славные такие. Привезли поклон от м. Марии Леушинской. Стали смотреть «13 стульев». Такое глупое. Я ушла в свою комнату. В 11 ч. вечера приехал о. Леонид с Ниной и дочкой. Такие все славные.

26 июля приехал о. Леонид с Ниной Константиновной и их дочкой Шурой. Шура, дитя города, сказала, что наш дом — музейный, потому что все комнаты в нем разные. Она привыкла уже не к квартирам, а к «секциям», где все комнаты совершенно одинаковы. Дом стал полон гостей: кроме упомянутых — Куличкины, Бурдины и др.

27 июля. Понедельник

На утренних молитвах все очень хорошо пели. Составили полный хор. После обеда все гости поехали гулять, смотреть на храм св. Иоанна Предтечи. И еще на Которосль, что сопровождалось разными приключениями.

28 июля. Вторник.

Св. Владимир

Проснулась от веселого детского щебета и беготни. Собирались на большую прогулку. Когда я встала и вышла в столовую, все стояли вокруг стола и, как в забегаловке, закусывали бутербродами и пили молоко.

Потом мы помолились. Как вчера, хорошим хором спели тропари. И они отправились в путь, сказав, что вернутся в 7 ч. вечера.

Погуляли очень хорошо в Прусово. Нарвали васильков. Видели поля ржи. В лесу видели страшную змею, которая от них уползла в кусты.

Ехали паромом.

29 июля. Среда

В 6 часов утра уехали Куличкины с электричкой в Москву. В ночь на 2 августа выезжают в Ташкент. Очень были довольны пребыванием здесь, прогулками. Я хорошо поговорила с Машей. В Переславле она была в церкви.

Е. А. пришла днем, сделала анальгин в мышцу. Стало лучше. Встала. Поиграла на пианино. Ужинала со всеми. В 9 ч. вечера Е. А. опять пришла. Отложила мне на завтра три таблетки.

Лежа я слушала вечерние молитвы.

30 июля. Четверг

Принимала мочегонное. Е. А. говорит, что поясница болит от отеков, которые давят на нервные корешки и вызывают боли.

Сегодня день ангела Риточки (Маргариты). Мы спели ей «Многая лета». Она ходила в кино.

Владыка ходил к протодиакону Сергию мирить супругов.

В 1 ч. дня пришла Е. А. Делала укол. Перетряхивала кровать. Сажала на горшок. Проявляла чудеса любви. К обеду все собрались. Было весело. Владыка очень устал и ушел полежать. Погода переменчивая, то ветер, то солнце, то дождь.

После обеда все ушли гулять. Н. захотела отделиться от всех и покататься на «Ракете». Владыка сказал: «Какой эгоизм». Она не поехала, а пошла со всеми.

И о, чудо! Стала плохая погода, «Ракета» не пошла. А когда прояснилось, то за пять человек до них кончились билеты. О. Леонид говорит, что вот какую силу имеет слово святителя.

Пока они гуляли, я прочитала правило перед святым причащением. И написала список грехов.

31 июля Эли причащалась святых Христовых Тайн. Эли описывает свою беседу с о. Леонидом.

О. Леонид говорил со мною очень долго. Сказал, что человек не может сам оценить своей молитвы или деятельности, и потому не надо думать, что она плохая или хорошая, а просто молиться. В молитве Иисусовой (по четкам), может быть, одна да окажется от сердца, и это уже великое достижение. Страх смерти внушается дьяволом, не надо бояться и унывать.

В 5 ч. вечера пришла дорогая Ел. Ал. Грустная. Из-за каких-то дел ей не придется идти к всенощной.

1 августа о. Леонид уехал. За обедней (день Преподобного Серафима) девочки Бурдины и Наталия Александровна причащались.

Между тем Елизавета Александровна сказала мне, что Эли скоро умрет. Что она не может сказать точно, когда это произойдет, но в пределах трех или четырех недель это будет обязательно. Елизавета Александровна посоветовала соборовать Эли. Поэтому я послал телеграмму о. Леониду (который только что уехал), прося его снова вернуться.

1 августа. Суббота.

Прп. Серафим Саровский

О. Леонид с семьей уехали рано. Я еще спала. К обедне ходили только девочки Бурдины с Нат. Ал. Девочки причащались. Е. А. приходила рано, днем. Она была какая-то грустная, даже выходила плакать в соседнюю комнату. Это видел владыка, который в это время был в моей комнате. Я подумала, что уж не обо мне ли она плачет? Видя, может быть, что я иду к концу? Мне стало как-то не по себе. Вечером читала паремии⁵⁹ св. пророку Илиш. Владыка служил торжественную всенощную.

2 августа. Воскресение.

Ильин день

Владыка сказал, что завтра придут батюшки и будут меня соборовать. У нас обедала Ел. Ал., а затем мы ездили вместе с ней в лес, где я рисовала вход в лес. Вечером еще приходила Ел. Ал. и делала перевязку пальца ноги. Все в лесу подсохло и повернуло заметно на осень. Поздно вечером приехал о. Леонид.

3 августа. Понедельник

Сегодня я соборовалась. В 11 часов пришли все батюшки и владыка и совершили это великое таинство. Бесконечно раскаиваюсь вчерашнему моему поведению. Но думаю, что милость Божия выше моей дурости и за молитвы владыки и всех батюшек Господь дает мне ослабу в болезни. Были владыка, о. Михай, о. Леонид Кузьминов, о. Иоанн Гиляшов.

⁵⁹ Паремия или паримия — фрагменты Библии (преимущественно Ветхого Завета), предназначенные для богослужебного употребления. Они читаются в навечерие больших праздников, в дни Великого поста, а также при совершении некоторых треб (на молебнах, при Великом водоосвящении).

3 августа состоялось соборование Эли. Оно происходило на солнечной террасе епархиального дома. Соборовали отец Михей, отец Леонид (Кузьминов), отец Иоанн (Гиляшов) и я. Эли было хотела стоять, считая себя достаточно здоровой, но я сказал, что она должна хотя бы изображать из себя больную, и усадил ее на диванчик. Соборование прошло очень молитвенно. После соборования Эли чувствовала себя хорошо более чем в течение двух недель.

4 августа. Вторник

Чистота святых таинств уже затуманилась сегодня множеством моих грехов. Говорила о протодиаконе с осуждением. На девчонок раздражалась. На Зину сердилась. Сама надеюсь на милость Божию, а к другим немилосердна!

Выезжали вместе в лес, полуболото. Вид совсем осенний. Но воздух насыщен кислородом, которого мне, оказывается, не хватает.

Е. А. приходила в 2 ч. дня и в 9 ч. вечера. Делала какой-то новый укол для усвоения кислорода.

5 августа. Среда

Ездили в лес по Московскому шоссе, где три ели.

Немного я там порисовала. Хотелось изобразить, как солнце просвечивает сзади сквозь деревья. Потом поехали в гущу леса, где даже было темно от берез и елей и росло множество папоротников. Очень было красиво. Не хватало только серого волка. К началу 9 ч. прибыли домой, одновременно с Ел. Ал. Я вся была мокрая от зимнего костюма.

Вечером братик мой трогательно укладывал меня спать.

6 августа. Четверг

После обеда ездили на теплое озеро. Я насладилась его красотой и с удовольствием рисовала. Братик купался. Было очень жарко.

7 августа. Пятница

Владыке звонил уполномоченный по поводу С. Он дал характеристику. «Советский человек на 100 процентов. Общественные интересы превалируют над духовными. Врач-стоматолог, б. зав отделением стоматологии на весь Переславский район. Вспыльчив. “Заели Мееровичи”».

Днем приходил о. Борис на часок. Ездили на льняное и овсяное поле. Чудесно пахло льном после дождя. Рисовала.

8 августа. Суббота

Приятное чувство, что сегодня никого нет в канцелярии. Поэтому мы сразу после чая поехали в поля. С гор любовались русским простором, неописуемой красотой. На холме стояла одинокая церковь. Нас настигли черные тучи, пошел дождь, и мы поспешили скорее уехать, пока не размокли дороги, глиняные, грунтовые.

Вернулись к 3 часам.

Владыка поехал ко всенощной. Не служил. Вернулся в девятом часу. Вскоре пришла Е. А. Ей столько дела со мной, что она ушла через два часа.

Приехала Вера Платоновна.

9 августа. Воскресенье.

Святого целителя Пантелеимона

Владыка служил Божественную литургию. Все гости были в церкви. Е. А. пришла к 7 ч. у. Сегодня она дежурила в больнице.

Поясница у меня гораздо лучше, но одолевает одышка.

Владыка вернулся около 1 часа. Всех благословлял, и был молебен.

После обеда поехали погулять в Белкино на берег Которосли. Все ходили гулять. Я сидела в машине и рисовала. В 9 ч. звонила Е. А. Радовалась, что мне хорошо.

10 августа. Понедельник.

Смоленской Б. М.

Владыка поехал служить в Смоленскую церковь, к о. Прокофию.

После обеда ездили по Угличской дороге, я рисовала русские дали. Е. А. приходила в 11 ч. и вечером в 9 ч. Делала уколы и уложила меня спать в 23 ч. Спаси ее Господи. Читала чудесные места из слова св. Иоанна Златоустого о св. Вавиле.

11 августа. Вторник

Вера Платоновна не спит ночью, думает, разбирается в своих впечатлениях. Е. А. делала ей укол дибазола. Ездили мы сегодня на берег Которосли, где владыка и о. Иоанн Гиляшов ездили на лодках, а девчонки купались. Я рисовала. Е. А. пришла поздно. Делала мне укол. Укладывала спать.

12 августа. Среда

Приехала Варенька Заспелова с Сережей. Пели стишки о пр. Серафиме. Ездили за билетами девочкам в Фергану (Андижан) на 21 августа. Потом поехали к старой церкви на холме. Там опять были угрожающие тучи. Так что владыка и я только успели нарисовать ее карандашиком. На обратном пути завязли в луже, еле выбрались.

Приехал Сережа Николаев, привез мне пенсию Ан. Зах. Пишет мне, что 145 головок чеснока положили на чердак. В Переславле случай холеры у приезжей женщины!

Вечером приходила Е. А. Опять уколы. Уложила спать очень удобно. Закровоточил больной палец на ноге. Я попросила Вареньку называть меня Ел. Ник., а не матушка. Так мне приятнее!

13 августа. Четверг

День прошел в разговорах с гостями, так что я ничего не читала. Поясница опять дала обострение. Сижу дома.

Ел. Ал. приходила делать уколы. Почему-то поплакала надо мной. Никуда не ездили. В церкви был вынос креста. Получила интереснейшее письмо из Женевы от Елизаветы Павловны Фридеберг.

14 августа. Пятница

Ездили опять к закрытой церкви. Спускаясь к машине, я упала на лестнице внизу. Было очень больно. Даже кричала, чтобы помогли встать. Закончила свой рисунок церкви в красках. При рисовании даже захватывало дух.

Завтра в 8 ч. вечера придет о. Игорь причащать меня. Сережа прочитал мне правило перед святым Причащением. Приходила Ел. Ал. Она чуть не попала в карантин, но, к счастью, это миновало. Дорогая Ел. Ал. опять сделала мне все уколы, уложила спать в кроватку. В это время приехали Сережа Ск., Верочка Гр., Светочка с Андрюшей.

15 августа. Суббота

Сегодня утром я причащалась Св. Таин. Конечно, недолго была святость и внимание к ней.

Рассеянные разговоры. Рассуждения о коротких рукавах Ел. Ал., благодаря которым она ездила домой переодеваться. Е. А. пришла поздно. Чувствую себя плохо.

Утром уехали в Рыбинск Варенька и Сережа. К о. Михею.

Было очень много гостей. Особенно надо отметить Свету с Андрюшей. Андрюша потребовал, чтобы его крестили, что я и исполнил и даже дал ему соответствующее удостоверение. Это произошло 16 августа 1970 года. А в день Преображения Господня он и его мама причащались. Приехала также и Мария Александровна Галай с внучкой — шестилетней Таней — исправлять ее косоглазие. К Преображению приехал Сережа Зегжда со своей мамой Варварой Сергеевной. Они просидели с Эли все время всеобщей под Преображение и пели с ней всю службу.

Эли сделала свой лучший и очень аккуратный цветной рисунок. Это была старая церковь, расположенная совсем в стороне от дороги. Мы ездили к ней

дважды, для двух сеансов Элиной работы. Мы бережно храним эту картину. Удивительно, свое лучшее художественное произведение Эли сделала за две недели до смерти!

16 августа. Воскресенье

Погода холодная и плохая. Когда все вернулись из церкви, в 12 ч., мы стали обедать. Не особенно сытно.

Произошло важное событие с Андрюшей — крещение.

Верочка уехала в Москву. Ее проводили Сережа, владыка и все дети. Чувствую себя неважно. При движении сильная одышка. Спина немного лучше.

17 августа.

Встала с трудом из-за болей в спине при движении. Была сильная одышка. Петь почти не могла. Потом до обеда сидела на террасе со всеми. К обеду еле дошла до столовой. Был очень вкусный макаронный суп с томатом.

После обеда владыка уехал с Серг. Николаев. куда-то гулять. Погода плохая, холодная, ветреная. Звонил о. Леонид. Сегодня вечером он приедет.

Произошел скандал между девочками и Нат. Ал. Это вызывает какую-то странную повышенную реакцию у меня. Верочка говорит мне, что она не верует. Мне кажется, что это оттого, что она хочет понять умом сущность веры.

С 17 августа Эли стала вставать с трудом из-за боли в спине, происходящей от отеков. Она с трудом переходила в столовую и с большим трудом вставала из-за стола.

18 августа. Вторник

Чувствую себя плохо. Поясница при движении так болит, что чувствую себя плохо. Одеваюсь при помощи Нат. Ал. Еле-еле выползла в столовую к утреннему завтраку. Утром была такая одышка, что петь я не могла. Девчонки Нат. Ал. не слушают. Рита ей дерзит.

Утром после завтрака все пошли гулять. Девчонки на улице наелись пирожков с рыбой по три штуки и не стали обедать.

Я весь день лежала. Когда все ушли в церковь, мы с Варенькой и Сережей справили всенощную перед Преображением.

Одышка у меня прошла, и я могла все петь. Очень было хорошо.

Кругом в городах холера. Везде карантин. Девчонкам разрешили проезд в Москву через Переславль только по особому разрешению уполномоченного. Они уедут послезавтра.

Пришла Е. А. Как всегда, делала мне уколы и укладывала спать.

19 августа. Среда.

Преображение Господне

Спать не могу. В 4 ч. проснулась, попыталась сесть на горшочек. Утром все по-шли на литургию. Андрюша причащался. Владыка служил с одним о. Леонидом. По возвращении домой мы сразу стали обедать. Никуда не ездили.

После обеда уехал о. Леонид.

Навестил нас о. Иоанн Беляков. С ним была бухгалтерша из Ташкента, которую уволил о. Федор.

Получили телеграмму, что 24 августа приедет Елена Николаевна Черноивановская. Была Ел. Ал. Два часа возилась со мною. Завтра придет в 2–3 часа.

20 августа. Четверг

Сильная одышка не дала мне утром петь. Потом она прошла. Спина как будто чуть-чуть лучше. Встаю свободно.

Все гости сегодня уехали. Первая Света с Андрюшей к 10 часам. Владыка дал ей и Андрюше свидетельство о крещении. Потом в 12.30 уехала Варенька с Сережей с Московского вокзала в Ленинград. В 2 ч. мы пообедали. Во время обеда пришла Ел. Ал. с дежурства. Когда она сделала мне все уколы, пришли прощаться девочки Бурдины и уехали в Москву на «Волге» с Серг. Никиф. и его женой. А также провожал их Сережа Скалон.

По дороге они заедут в Лавру, а потом в Домодедовский аэропорт. Самолет вылетает в 0. 05 в Андижан. В квартире воцарилась тишина. Нат. Ал. и владыка легли отдохнуть.

Ел. Ал. чуть было не отправили на холеру в Астрахань.

Уехали наши дорогие гости, как будто приезжали проститься со мной. По всему вижу, что жить буду уже недолго.

21 августа. Пятница

Спала плохо, до 2.30 ночи, а потом не могла уснуть. Ел. Ал. велела принять мочегонное, 3 таблетки. Пока оно действовало, гимнастику сделала хорошую.

Е. А. пришла в 4 ч. Сделала укол. Еще придет.

Мои слова, что скоро умру, она уже не отрицает.

Звонили из Загорска. Владыка Антоний Варжанский хочет приехать к нам по-видаться.

Е. А. вечером долго говорила мне, что я не права про ее мнение, что она вовсе так не думает, как я пишу.

22 августа. Суббота.

Спала хорошо, но проснулась с плохим самочувствием. Тошнило. Любовь Ал. с Нат. Ал. меня помыли, после чего я долго спала. Очень стала болеть поясница. В столовую не вышла. В 6 ч. уехал Сережа в Ленинград.

Чувствую себя очень плохо. Тошнит. В 6 ч. приехал из Москвы староста Новодевичьего храма и привез владыке присланную ему из Америки надувную лодочку, очень изящную.

23 августа. Воскресенье.

Ночь спать не могла из-за болей в пояснице, тазобедренном суставе. Было большое мучение. Ни встать, ни лечь. Звать никого не хотела, да и не услышат ведь. Так и мучилась до начала 6-го часа, когда уже стало светать и пришел владыка и дал мне горячего и сладкого чая.

Переход в столовую или другую комнату для меня настоящее мучение, но владыка заставляет. Приняла 3 таблетки мочегонного.

В 4 ч. дня приехал архиепископ Антоний Варжанский, Виленский и Литовский. Я с радостью с ним поздоровалась. Владыка остался таким же душевным человеком, каким был 9 лет тому назад, и разговоры с ним были очень приятные.

Ел. Ал. приходила в 5 ч. Делала уколы.

Вл. Иоанн с вл. Антонием сразу после чая поехали к уполномоченному по Ярославлю.

Тем временем пришла к нам приехавшая из Ташкента сестра, которая делает уколы вл. Гавриилу⁶⁰. Он мне прислал большой поклон и благословение. Все понимает, говорит, двигает рукой. Вставать боится, потому что кружится голова. Сестра привезла большую дыню.

С 23 по 25 августа у нас в гостях был архиепископ Антоний Варжанский.

В праздник Успения Пресвятой Богородицы Эли также не ходила в церковь.

26 августа. Среда

Холодная, сырая погода. Был дождь. В доме топили. Очень сильные боли в левой половине поясницы. Вставать мучение. Обедала у себя в комнате. Нат. Ал. переменила мне повязку на пальце, и он утих. Навещал меня о. протодиакон Сергей и о. Петр молодой.

Невозможно сосчитать, сколько раз Н. Ал. бежит мимо моей двери в столовую и на кухню.

⁶⁰ Архиепископ Гавриил (Дмитрий Иванович Огородников; 1890–1971), с 1960 года архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский.

27 августа. Четверг

Весь день пролежала в постели, обслуживаемая Нат. Ал. после мочегонного. Много спала после почти бессонной ночи. Елена Николаевна со мной сидела. Прочитала всю службу Успения одна в комнате. Поговорили о Ташкенте. Поужасались о ташкентских страшных канцелярских делах.

Я рассказала, как в прошлом году исповедовалась у о. Георгия Касперского и как причащалась. Она мне много хорошего рассказала о нем, сколько он сидел, как мучился 9 лет и какая у них теперь хорошая семья с Настей Тюниной.

Лариса с отличием кончила консерваторию и теперь занимает хорошее место в Москве в отделе пропаганды музыки, получает 240 рублей. Муж безбожник, но живут хорошо. Ел. Ник. само смирение. Из-за ее больного сердца я боюсь, чтобы она что-нибудь делала физически у нас. Она охотно днем спит. Внучке ее, Ларисе, 5-й годок. Ел. Ал. пришла вечером, после службы. Хотела делать мне укол пантонон. Я отрез отказалась, а согласилась на таблетку. Она не может допустить, чтобы я вторую ночь не спала. Получился небольшой скандалчик. Ужин оказался съеденным. Владыка нашел в буфете старую коробку толочна и ею удовольствовался.

На ночь Ел. Ал. опять меня закутала со всех сторон, дала две таблетки элениума и таблетку пантонона.

Владыка дал читать «Беседы о статуях» и прочитал громко правило на завтра. После таких мер я заснула и проспала хорошо до утра.

28 августа. Пятница.

Успение Пр. Богородицы

Спала прекрасно. Проснулась в 8 ч. утра. Приехал Сережа Скалон из Ленинграда. Все ушли к обедне. Любовь Алекс. дала мне молоко. Я приняла лекарство. Был громкий церковный звон перед службой.

Е. А. пришла после службы. С необыкновенной нежностью устраивала мне постель. Я принимала снотворное, промедол, два элениума. Поэтому чтение молитв перед св. Причащением сопровождалось засыпанием и просыпанием. Очень болел палец на правой ноге.

29 августа. Суббота.

Феодор. и. Б. М.

В 9 ч. о. Игорь пришел, причастил меня. Была хиротония во диакона Лени прислужника. Сережа проявил много заботы, поил чаем, дал яйцо. Любовь Алекс. тоже заботилась. Я спала, крутилась от боли в пальце. Наконец, она стала меньше, и на чулке появилась небольшая мокрота. После обеда все легли спать, и воцарились тишина и тоска.

30 августа. Воскресенье.

Погребение Б. М.

Утром владыка не служил, а поехал к 9 ч. в храм и прочитал там весь свой помянник. Готовился к вечерней проповеди во время погребения. Вернулся в 12 ч. дня. Нат. Ал. быстро подала обед: суп с вермишелью. На второе картошка вареная, порезанная на мелкие куски без всякой приправы. На голодный желудок все вкусно. От стола встала с большим трудом. Так и сидела бы. Дальше все время провела лежа в своей постели. Спала. Все уехали на погребение Пр. Бог. Я прочитала опять службу, как позавчера. В 9 ч. все вернулись. Ел. Ник. пошла осматривать город, а оттуда домой в 8 часов. Так что застала часть моего чтения службы. В 9 ч. вернулся владыка, очень усталый, но восторженный от службы, которая длилась 3 ч. Был крестный ход вокруг храма. У духовенства в руках были белые гладиолусы (у владыки три, у священников по одному) и горящая свеча. Было необыкновенно красиво и величественно. Сказал владыка прекрасную проповедь о почитании Божией Матери. В 9 ч. вечера пришла в восторге от службы дорогая Ел. Ал. Она принялась укладывать меня спать, возвела целую инженерную постройку, и я быстро заснула. Делала уколы. Давала снотворное.

31 августа жизнь нашей дорогой Елизаветы Александровны подверглась опасности. Она ехала с последним трамваем, а когда сходила, водитель слишком рано закрыл дверь, так что каблук Елизаветы Александровны защемило в двери, а трамвай уже начал двигаться. Еще мгновение, и она оказалась бы под ним. К счастью, это увидел мужчина, оказавшийся поблизости. Он забежал на рельсы перед трамваем и жестами и криком остановил трамвай. Водитель открыл дверь, да еще ругался, что не надо спать.

31 августа. Понедельник

Утром рано уехали Елена Ник. и Сережа в Москву, а Нат. Ал. в Рыбинск к сестре Мусе на два дня обсудить вопрос об операции косоглазия их внучки. При помощи тети Любы я с трудом оделась и вышла в столовую.

С еще большим трудом вернулась в свою комнату.

Какая-то тетенька прислала братику фотографии архиереев в облачении на Сергиев день 1969 г. 18×24. Из них всех красивее братик мой дорогой.

Приходила дорогая Ел. Ал. Так меня заботливо укладывала. Мне все не так, все по-другому надо. Наконец, получилось удобно. Господи, к Тебе прибегаю. Помози мне! Владычице моя, Пресвятая Богородица, помоги мне, грешной.

Вчера Ел. Ал. ехала с последним трамваем. Водитель защемил ее пятку в двери, а другая нога уже вышла на улицу, и вагон поехал! Так чуть не случилась катастрофа. Господь ее спас!

1 сентября. Вторник

Ровно год, как мы были в Фергане. Какая разница в моем здоровье. Теперь сижу на кровати. От промедола, принятого вечером, ужасно хочется спать. Засыпаю каждую минуту. Ничего не могу ни читать, ни делать. В постели все верх дном. Спать нормально не могла. Болела спина. Спала в косом направлении.

Приехала Нат. Ал. со своей сестрой Марией Ал. И со своей косоглазой девочкой. Будут устраивать ее на операцию по поводу косоглазия.

2 сент. Среда

Спала хорошо. Ничего не болело. Ел. Ал. устроила внучку Мар. Ал. лечить глаза. Все очень рады.

Принимала мочегонное, что доставляет сильные боли в позвоночнике. Маюсь туда-сюда днем при сидении и лежании...

Здесь кончаются Элины записки.

Дальше пишу я.

1 сентября было первым днем, когда она не покидала своей комнаты и даже постели. Но Господь, по милосердию своему, не дал ей долго лежать, но сократил ее дни.

С утра 2 сентября она еще была весела. Она с большим интересом прослушала, как я читал ей «Рассказ о неизвестном герое» — это детская поэма С. Я. Маршака — прекрасные стихи и интересный сюжет. С еще большим интересом она посмотрела и пересмотрела прекрасные иллюстрации к ней А. Пахомова. Около трех часов дня матушка пообедала, нормально, но без большого аппетита. На лице ее была какая-то напряженность и редко появлялась улыбка обычного добродушия. После обеда я стал читать ей К. Э. Циолковского «Грезы о земле и небе». Это любимая тема матушки. Она сначала слушала с живым интересом, но потом напряженность на ее лице увеличилась.

Около 5 часов вечера матушка сказала, что ее знобит. Я укрыл ее теплым платком. Действительно, ее тряс озноб. Температура у нее оказалась 37,4 градуса. Я велел топить. Потом спросил, будем ли мы ждать Елизавету Александровну или примем аспирин (я думал, она простудилась). Аспирин она не смогла проглотить. Я стал ее уговаривать дождаться Елизавету Александровну, которая должна была прийти. Оставалось всего каких-то два с половиной часа, но матушке не терпелось. Она не жаловалась на боль, а только говорила: «Елизавета Александровна, милая, приди скорее!» Чтобы как-то протянуть время, стали звонить в больницу, откуда, как и следовало ожидать, ответили, что Елизавета Александровна окончила работу и ушла. Наконец, я догадался послать

Анну Ивановну к о. Филарету. Это пришлось сделать пешком, так как Сергей Никифорович уехал по делам. Анне Ивановне удалось застать Елизавету Александровну у о. Филарета, и она тотчас отправилась к нам. Ей пришлось еще зайти в больницу за лекарством. Наконец, Елизавета Александровна пришла. Она очень встревожилась. Температура матушки была 39,1 градуса. Она тихо молилась, взывая: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную», «Боже, очисти мя, грешную», «Пресвятая Богородице!...». Взглянув на Елизавету Александровну, она сказала: «Елизавета Александровна, я Вас очень люблю!» «Я Вас люблю еще больше», — ответила Елизавета Александровна.

Взглянув на меня, она сказала: «Братик, родной мой, дорогой мой».

Страдания ее заключались в том, что ногу жгло, как огнем (правую). Укол промедола не облегчил страданий. Удвоенная порция пантонона также не сняла боли, что особенно встревожило Елизавету Александровну. У постели больной все время стояла Наталья Александровна, утешала, гладила ее, молилась.

К счастью, Сергей Никифорович дежурил у машины (у меня хватило здравого смысла не послушаться Елизаветы Александровны и не отправить его домой). Елизавета Александровна поехала в больницу за морфием. Машина ринулась по улицам, как зверь. Сергей Никифорович ехал по городу со скоростью 100 километров в час, так что резина визжала, и чудо было в том, что такую машину, летящую сквозь все светофоры, никто не задержал (ни туда, ни обратно).

Морфий усыпил страдальицу. Перед сном ей показалось легче не лежать на кровати, а сидеть. В таком положении она и осталась, а Елизавета Александровна, сказав: «Я не могу отсюда никуда уйти», — села рядом с ней, голодная, усталая, не могущая что-либо проглотить.

Впрочем, сидя она спала, опираясь то на шкаф, то поддерживая собой матушку, чуткая и во сне к дыханию больной. Нас всех Елизавета Александровна отослала спать. Ночью я раз пять подходил к ним и заставлял ту же картину.

Наступило утро 3 сентября.

Утром Елизавета Александровна покушала приготовленный мной ароматический картофель (пищу, рассчитанную на самый нежный и нетребовательный организм). Она снова пришла около 1 часу дня. Матушка была уже с утра уложена в кровать.

Температура оставалась очень высокой. Нога покрылась огромными, почти черными пузырями. Это была гангрена, происшедшая от большого и глубокого тромба сосудов ноги, осложнение — смертельное (вообще же у матушки был сердечно-сосудистый атеросклероз с недостаточностью кровообращения, дошедший до III степени).

Как раз около часу дня матушка стала просыпаться от своего наркотического сна. Она нам улыбнулась. Ответила на приветствия «с добрым утром», но страдания снова возобновились. Снова стала она тихим голосом молиться. «Господи, возьми меня!» — говорила она теперь много раз. Так еще она никогда не молилась.

Елизавета Александровна предложила матушку причастить и сделать ей укол легкого наркотика, который, не усыпив ее, несколько уменьшил страдания.

«Матушка, я причащу тебя», — сказал я, и она с радостью согласилась. Впрочем, тут же добавила: «Разве со мной что-нибудь особенное?» Причастие прошло очень хорошо, вдохновенно и радостно. Я очень ценю тот момент, когда перед тем как предложить ей Святые Тайны, я испросил у ней прощения с земным поклоном, и она ясно ответила мне. Итак, она причастилась. Хотелось сделать что-то еще. Я стал читать благодарственные молитвы, в данном случае необязательные, так как их целиком заменяет обращение к причастнику из чина причащения больного: «Господь ущедрит тя» и т. д. Она с большой радостью молилась за мной. Однако скоро я заметил, что страдания снова возвращаются к ней, и сократил число молитв, перейдя сразу к «ныне отпускаеши». Причащение было последним сознательным действием матушки на земле.

Елизавета Александровна сделала укол морфия, и матушка заснула. Этому сну на следующий день суждено было перейти в вечный или, вернее, в очень долгий сон смерти, от которого все мы будем разбужены в последний день при воскресении мертвых. Остаток дня прошел спокойно.

Предупрежденный Елизаветой Александровной о том, что моей сестре осталось жить не более одного или трех дней, я попросил Антония Порфирьевича взять на себя организацию похорон, а Инну Михайловну — устройство поминок. Сергея Никифоровича я попросил вызвать из отпуска второго шофера — Виталия Александровича. Елизавета Александровна обещала помочь и в юридическом отношении, а также согласилась принять от меня благословение на одевание матушки в монашеские одежды. Такая предусмотрительность не оказалась излишней: события пошли к развязке быстрее, чем мы ожидали, а мы оказались подготовленными, и поэтому в организационном отношении все было удивительно легко и скоро. Могущество Божие устраняло с нашего пути все затруднения. Сама матушка Евфросиния нам помогла, и это было чудом: Валентин Люлин нашел в нотной книге ее завещание, которого раньше никто не замечал. Там матушка еще в декабре 1968 года писала, в какие одежды монашеские ее одеть по смерти (перечисляла эти одежды и всегда держала их при себе) и просила похоронить ее в Переславле-Залесском, рядом с нашими старичками — Николаем Евстафиевичем Скалоном и тетей Женей, его женой.

Елизавета Александровна снова дежурила при матушке всю ночь. Только теперь матушка лежала на постели, а Елизавета Александровна сидела напротив нее, на стуле. Опытный врач, Елизавета Александровна может так спать, что ее не будит никакой посторонний шум, но сразу же пробуждает какое-нибудь, хотя бы слабое изменение в дыхании больного. Нас всех Елизавета Александровна отправила по комнатам. Насупило утро 4 сентября, пятница. Матушка лежала, как спокойно спящий человек с ровным дыханием. Елизавета Александровна сказала мне, что действие морфия прошло; она больше никаких уколов не делала, а тот сон, который мы наблюдаем, есть бессознательное состояние. Она определила, что смерть наступит в пределах одних суток. В 9 часов утра я позвонил уполномоченному Виктору Алексеевичу Вагину. Он принял мое сообщение с большим сочувствием и обещал помочь в организации похорон. Действительно, он позвонил в Переславль, и это очень помогло потом сделать все, несмотря на два выходных дня.

Теперь я сел около постели матушки и стал работать: надо было выписать имена и адреса всех, кому надлежало сообщить о кончине матушки. Притом я пользовался своими и матушкиными адресными книжками. Сперва выписал всех знавших ее (или заочно интересовавшихся ею) архиереев. Это оказались: местоблюститель митрополит Пимен, митрополит Никодим, митрополит Алексей, митрополит Филарет, архиепископ Антоний Вильнюсский, с которым матушку связывала давняя (с Берлина) дружба, регулярная переписка, архиепископ Антоний Минский, также давно знакомый и даже когда-то пациент матушки, приглашавший ее в Полоцк на 800-летний юбилей (на 23 июня 1973 года) преподобной Евфросинии Полоцкой, архиепископ Леонид Рижский, архиепископ Гавриил Ташкентский, архиепископ Онисим Владимирский, архиепископ Кассиан Костромской, архиепископ Феодосий Ивановский, архиепископ Михаил Воронежский, епископ Питирим, епископ Ювеналий, епископ Леонтий Оренбургский, епископ Филарет, всего 16 архиереев. Им была заготовлена телеграмма: «Сестра моя монахиня Евфросиния скончалась ____ (дата). Отпевание в Ярославле ____ (дата), погребение в Переславле-Залесском ____ (дата). Прошу ваших молитв. — Митрополит Иоанн». Таких телеграмм было заготовлено 55. Наконец, знакомым геологам заготовлены телеграммы: «Елизавета Николаевна скончалась ____ (дата), отпевание в Ярославле, а погребение в Переславле-Залесском ____ (дата) — Константин Николаевич». Таких телеграмм было 4. А всего — 75 телеграмм.

Миновал полдень 4 сентября 1970 года. Евгений Александрович начал печатать мои адреса на телеграфных бланках с тем, чтобы потом заполнить текст уже по несколько бланков, под копирку.

Пришел о. Игорь. Мы с ним сговорились, что он еще раз причастит матушку, когда она проснется от морфия. Наш расчет был наивен: она не проснулась, и о причастии не могло быть и речи. Мы вместе прочли канон на исход души.

Пришла Елизавета Александровна, осмотрела все, побывала с нами и обещала еще зайти в 7 часов. «А вы не опоздаете?» — спросил я. «Все может быть, но не думаю», — ответила она.

Около 3 часов я, чувствуя крайнее изнеможение, заснул. Наталия Александровна сидела около постели умирающей. Я спал около 40 минут. Затем встал, умылся, сел рядом с Натальей Александровной около постели сестры. В ее дыхании не было заметно никаких изменений.

Миновало 4 часа пополудни.

В непродолжительном времени мы заметили, что дыхание матушки стало терять глубину. Теперь со всем вниманием мы взирали на нее. Потеря дыхания постепенно продолжалась, уменьшаясь спокойно и тихо, так, как будто матушке и вовсе не надо дышать. Наконец, оно осталось только в устах, пока, наконец, не прекратилось и там, а уста сомкнулись. В этот момент спокойная и святая бледность разлилась по ее лицу, и мы (при кончине сестры присутствовали Наталия Александровна и я) поняли, что матушка преставилась. Впрочем, пульс еще очень слабо чувствовался в ее горячей руке. Матушка отошла к Богу так уютно и тихо, как будто заснула самым приятнейшим сном. Мы немедленно позвонили Елизавете Александровне, и я попросил ее прибыть незамедлительно, пока тело еще не остыло. Она действительно прибыла удивительно скоро.

Именно она, Елизавета Александровна, ставшая нам, особенно же матушке, за последние два года самым близким человеком, должна была одеть ее в монашеские одежды. Одевать матушку помогала Елизавете Александровне Любовь Александровна. Еще я обратил внимание на красоту умершей. Она помолодела. Куда девалась ее согбенность! Стройная, как тополь, лежала она на одре; лицо было хорошее, точно она прислушивается к чему-то очень приятному. И такое прекрасное лицо сохранилось у ней до самого погребения. Удивительно, как легко, с явственной помощью Божией и при усердной работе Антония Порфирьевича и Нины Михайловны прошла вся остальная организация похорон, казавшаяся мне очень сложной. Антоний Порфирьевич первоначально заказал транспорт на понедельник, но, ввиду более скорой смерти матушки, по моей усиленной просьбе, он сумел, несмотря на наступивший уже конец рабочего дня, переадресовать заказ катафалка и автобуса с понедельника на воскресенье. А это было очень важно, потому что не только облегчало все дело, но и позволило работающим знакомым прибыть на похороны и множеству народа, при-

Похороны монахини Евфросинии. 6 сентября 1970

шедшего в воскресенье в церковь, соучаствовать в молитве, и хору не надо было собираться специально.

Итак, матушка, одетая во все монашеские одежды, была готова. В это самое время привезли и гроб (опять работа Антония Порфирьевича, на этот раз с участием Виталия Александровича). Матушку из спальни в Крестовую церковь несли трое: Елизавета Александровна, Любовь Александровна и Лена Мальцева — крестная дочь матушки, дочь о. Игоря.

В Крестовой церкви матушку положили во гроб, и тотчас Антоний Порфирьевич начал чтение Псалтири. Через некоторое время я и протоиерей Сергей Стригунов совершили панихиду. Смеркалось. С этой минуты молитва у гроба матушки не прекращалась во всю ночь и следующий день. «Официальной» чтицей была Мария Васильевна, мать Саши Сизова, но, сменяясь, читали и многие другие. Совершенно не сомкнули глаз в эту ночь доктор Елизавета Александровна и Елена Евгеньевна Панкратова.

В субботу, 5 сентября, в 9 часов утра, в этой же Крестовой церкви протоиерей Игорь Мальцев совершил Божественную литургию. За проскомидией был прочитан весь матушкин помянник с выниманием частиц на каждое имя (а также и весь мой помянник). Пели по квадратным нотам любимые матушкины песнопения. День прошел в глубоком мире. Устроители похорон уехали в Переславль (Антоний Порфирьевич и Нина Михайловна). Перед всеобщей Антоний Порфирьевич прибыл и доложил, что сейчас приедет катафалк.

Похороны монахини Евфросинии. 6 сентября 1970

Я встречал его в дверях собора и стоял около гроба до шестопсалмия в Сергиевском приделе. Иподиаконы выносили мне светильничные молитвы. Затем я служил в сияющем белом облачении. Во время первого часа гроб перенесли в центр, и была совершена панихида.

Между тем к матушке съехались многие родные и знакомые. Первой приехала Елена Евгеньевна Панкратова: она застала еще остывающее тело матушки на постели. Приехала она в гости, а застала похороны. К вечеру субботы собрались уже все — наш двоюродный брат с дочерью Светланой и близкие знакомые: Николай Николаевич Полинский с супругой Верой Александровной (эти из Москвы), Анастасия Сергеевна Заспелова с племянником Сергеем Андреевичем (из Ленинграда), Татьяна Владышевская, Борис Балашов, Николай Павлович Иванов с супругой Еленой Павловной, протоиерей Леонид Матвеевич Кузьминов с супругой Ниной Константиновной (из Москвы), архимандрит Михей (Хархаров) из Рыбинска, монахиня Алексия (Комарова), Владимир Михайлович Ершов, Владимир Николаевич Кутайский (из Москвы), монахиня Евгения Волошук и монахиня Евпраксия (из Кривого Рога), Нина из Алушты, Александр Андреевич Пытяев (Загорск), иеромонах Севастиан Макалкин (Некоуз), протоиерей Иоанн Андреевич Беляков (Переславль), протоиерей Иоанн Купарев (Ростов), Галина Степановна Григорьева (Саратов), Мария Владимировна Линк (Ленинград). Всего 25 человек.

Из близких родных не приехала только наша двоюродная сестра Вера Дмитриевна Грамматчикова; из близких знакомых — Елена Владимировна Чичерина.

На следующий день в Переславле мы встретили приехавших туда Германа Федоровича Троицкого и геологов: Нину Дмитриевну Зленко, Бориса Федоровича Зленко, Анну-Марию дель-Рио и Марию Николаевну Соловьеву (Москва).

Художник Николай Григорьевич Сазонов (Ярославль) приехал к нам и провел у нас весь день 5 сентября, но в церковь как неверующий не ходил. К родным и близким людям надо отнести и тех, что не приехали, но были в Ярославле: я, Елизавета Александровна, протоиерей Игорь Мальцев и его семья, сестры Наталия Александровна Логинова и Мария Александровна Галай, те, кто жил с ней в Переславле — Анна Захаровна и ее семья (считать 6 человек), Тамара, Клавдия.

Таким образом, кроме весьма многочисленного народа, у гроба матушки собралось трое родных и 45–50 близких людей. Встречая их и общаясь с этими близкими людьми, я поражаюсь, сколько народа привлекла к себе моя кроткая и всех любящая сестрица. Я чувствовал, что как бы она сама работает в эти дни, чувствовал силу ее бессмертного духа.

Каким-то чудом все прибывшие в Ярославль разместились в комнатах Епархиального управления (укладывал о. Севастиан). Ночь с 5 на 6 сентября желающие непрерывно читали Псалтирь у гроба матушки в кафедральном соборе.

В воскресенье 6 сентября состоялись похороны. Со мной служило литургию много священников (малая встреча, без пения, только чтение входных молитв). После литургии — монашеское отпевание. 118-й псалом («сего ради возлюбих заповеди Твоя, паче злата и топазия!»). Дивное пение степенное на 8 голосов знаменного распева (регент — Борис Васильевич Соколов). Разрешительную молитву — о. Игорь. Надгробное слово — о. Михея.

Виктор Алексеевич Вагин — уполномоченный — присутствовал и отдал честь праху, обойдя вокруг и поклонившись. Затем он выразил мне соболезнование.

Около 1 часу дня выехали в Переславль. С катафалком следовали 16 человек; о. Леонид организовал пение панихиды. Проезжая Ростов, пели ростовским святым. В Переславле меня встретили геологи и Герман Федорович. Ждало много народа. Поэтому в церкви Покрова Пресвятой Богородицы послужили полную панихиду. Набралось много ярославских певчих, которые под руководством Андрея Евлампиевича образовали правый хор.

На кладбище я предал тело земле.

Антоний Порфирьевич дал иерусалимскую землю и елей. Поминки совершались в нашем доме. Заняли 4 комнаты: главную, низ, террасу и комнату Анны Захаровны. За столы сели около 6 часов. Вскоре многие начали разъезжаться. Обедали в несколько смен, а всего покушало 142 человека (из них около 60 приехавших).

Я оставался в Переславле до девятого дня, который совпал с памятью св. Александра Невского и днем смерти нашей мамы (в 1943 году), а также с днем смерти архиепископа Сергия (Ларина) в 1967 году. В течение этих девяти дней было очень много народа, меня не оставляли одного. Преимущественно это были Сережа Скалон, Коля Полынский, Елена Евгеньевна. Отец Леонид Кузьминов оставался вместе со мной в Переславле в течение всех девяти дней. Днем, посетив могилу, мы ездили на наши любимые места в лес.

По поводу кончины матушки мною было получено 57 сочувственных телеграмм и 27 писем.

Кроме Ярославля и Переславля-Залесского, кончина матушки была особенно отмечена богослужением в Саратовском Духосошестввенском соборе и в Ташкентском Успенском кафедральном соборе.

В телеграммах и письмах содержатся подчас удивительно хорошие и трогательные характеристики почившей. Например, «неповторимый друг, человек прекрасной души» (Ольга Алекс. Егорова). «Храним чувства глубокой любви и уважения к почившей, как к исключительному человеку и талантливому врачу» (протоиерей Ф. Семененко с женой).

«Помним милого дорогого человека для вас и всех видевших, помнящих ее, мудрую скромницу, пламенную молитвенницу» (Анна Николаевна Бурдина и дети).

«Да упокоит Господь добрую, смиренную и мудрую душу ее» (Юрий Александрович Сажирский).

«Продлю смиренную молитву об усопшей до конца моей жизни» (архиепископ Антоний Варжанский).

«Ее кончина, отпевание и погребение, как прекрасный сон, величественный и торжественный, вызывающий какое-то благодатное настроение» (Анастасия Сергеевна Заспелова (монахиня Сергия)).

25–27 сентября 1970 года. Ко мне совершенно неожиданно приехали о. Павел Губин с женой Олей, Ангелина, ее сестра. Это родственники владыки Гурья, так как Оля и Ангелина — внучатые племянницы владыки. Давно мы не виделись. Их тоже подвигла в Ярославль матушка.

Самое удивительное было то, что они привезли и подарили мне постригальную икону владыки Гурия — Христос Спаситель в терновом венце, кисти Васнецова.

Через пять с половиной лет после смерти владыки Гурия я получил ее как бы из рук самого владыки, и притом через матушку.

После смерти Патриарха Алексия я стал чувствовать, что он там близок к владыке Гурию.

Во время похорон делались снимки и в Ярославле, и в Переславле — в церкви и на кладбище. Когда пленка была проявлена, оказалось, что на некоторых снимках гроб матушки окружает сияние как бы лучей солнца. Верю, что это благодатный свет, которым окружил ее Господь за ее кротость.

На этом закончу я свое повествование.

27 сентября 1970 — 8 марта 1987 г.

СЛОВО, ПРОИЗНЕСЕННОЕ
ПРОТОИЕРЕЕМ ЛЕОНИДОМ
КУЗЬМИНОВЫМ В ДЕНЬ ПАМЯТИ
МОНАХИНИ ЕВФРОСИНИИ (ВЕНДЛАНД)
4 СЕНТЯБРЯ 1985 г. В ПОКРОВСКОМ ХРАМЕ
ГОРОДА ПЕРЕСЛАВЛЯ-ЗАЛЕССКОГО

Сегодня мы отмечаем память ЕЛИЗАВЕТЫ НИКОЛАЕВНЫ ВЕНДЛАНД, врача, монахини и просто удивительного человека. Каждый человек имеет свои характерные качества: одни — доброту, другие — молитву, третьи — еще что-либо; и когда мы творим память об ушедших от нас, то нас утешает воспоминание о качествах ушедшего человека. У меня, например, Елизавета Николаевна осталась в памяти как врач: самоотверженный, предельно честный, бескорыстный, любящий страдающих людей. Она отдавала свой труд сперва под Сталинградом — с большими лишениями, без отдыха, оказывая помощь раненым, так нуждающимся в этом. Госпиталь был на передовой. И теперь нам трудно представить, сколько самоотвержения нужно было, чтобы работать в тех условиях.

Уже 40 лет мира прошло после войны. Нам трудно представить себя в окопе, под обстрелом. Не дай Бог, чтобы подобное или еще худшее повторилось!

Елизавета Николаевна оказывала помощь раненым в условиях, где уже исчезла надежда, ослабевала вера, но оставалась любовь. Господу угодна была такая самоотверженная любовь, и Он продлил ей жизнь. Она закончила войну в Польше, вблизи города Быдгощ, и получила от Польского правительства награду — военный крест.

Далее она, как врач, помогала своему брату — митрополиту Иоанну в его заграничных командировках. Далее она была врачом в Семинарии. При всем этом она вела сосредоточенную духовную жизнь.

*На могиле монахини Евфросинии. Второй
слева — о. Леонид Кузьминов, третья —
Э. Л. Меженная*

Я не помню, чтобы она не выполняла утренних или вечерних молитв. Она была необыкновенно скромна, я никогда не слышал от нее рассказов о своей подвижнической жизни.

Последнее время она проживала в Переславле, и многие помнят ее. После смерти человек не уходит от нас, но остается с нами. Верю, что она находится в высоких обителях, помнит о всех знающих ее и молится за нас. Общение наше с отошедшими от нас совершается через молитву. Особенно большое значение имеет совместная молитва. Вот почему мы и собираемся в храм.

Один угодник Божий сказал: лучше один раз в храме вместе со всеми пропеть: «Господи, помилуй», чем прочесть дома целую Псалтирь.

Будем же самоотверженно любить друг друга и молиться за отошедших от нас. С ними мы никогда не расстанемся, ибо имеем общение в молитве. Вечная память приснопамятной монахини Евфросинии!

МОНАХИНЯ ЕВФРОСИНИЯ.
ИЗ ДНЕВНИКОВ

Елизавета Николаевна Вендланд вела свой дневник на протяжении всей своей жизни. Первая запись сделана в 1912 году, когда семья Вендланд жила в Швейцарии. Эли перенесла тяжелую болезнь, и по настоянию врачей семья на какое-то время должна была сменить тяжелый петербургский климат.

Нина Петровна поехала в Швейцарию с тремя детьми. К ней присоединилась ее родная сестра со своими детьми. Папа оставался дома, в Петербурге, но приезжал их навестить.

Из детского дневника Эли мы узнаем, как воспитывались дети в дворянских семьях. Старшие девочки жили своей жизнью. Им многое позволялось. Они самостоятельно гуляли, бывали на природе, допускали какие-то шалости. Эли больше имела доступ к маме и папе, как равноправный член семьи. Малыши находились под присмотром взрослых. Маленький братик Костя не входил ни в какую группу, он был младенец, и при нем все время находилась фрейлейн.

Несмотря на свои 12 лет, Эли была взрослой девочкой. Ее дневник мы публикуем почти без правки, за исключением нескольких незначительных деталей.

Эли была влюблена в природу. Каждый день у нее начинается с того, какая сегодня погода. Она очень любит цветы, подробно описывает те, которые ей понравились, восхищается прекрасными видами. Она любит читать и восторгается, когда ей дарят книгу или детский журнал. Она столярничает, умеет обращаться с угольником. Внутренний мир этого ребенка необыкновенно гармоничен.

После возвращения семьи в Царское Село Эли продолжает делать записи в дневнике, но затем вырывает эти листы и оставляет лишь несколько страниц, датированных разными годами, где рассказывает о выборе пути: отвергнуться себя и посвятить себя всецело Церкви.

Э. М.

МОЕ ПРЕБЫВАНИЕ В ШВЕЙЦАРИИ. 1912

11/24 мая 1912 года. Пятница. Montreux

Вчера мы приехали в Montreux и остановились в Hotel Breuer. Сегодня, когда мы встали, шел сильный дождь. Наши комнаты выходят на озеро, и из окон виден Шильонский замок.

30 мая 1912 года

Сегодня я собираюсь описать наш переезд из Монтрё в Шевалье.

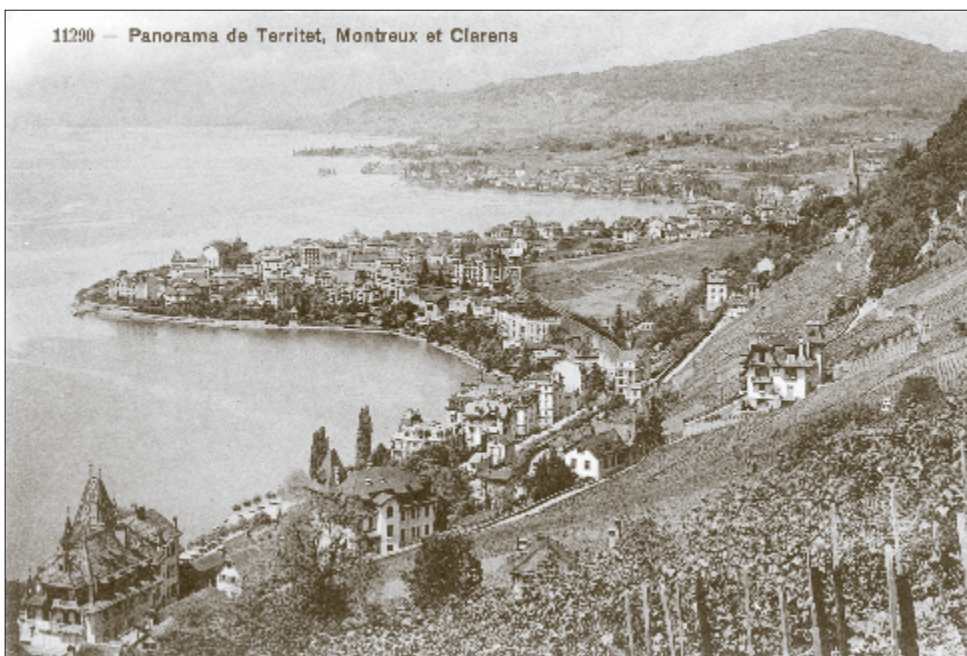
Начинаю описывать. Все утро прошло в сплошных сборах. Я укладывала микроскоп. В 12 часов подали завтрак, за которым мы очень мало поели. Во время завтрака пришел дворник завязать наши вещи. Он так стеснялся, что ни разу не оглянулся и когда кончил, то прямо без всяких разговоров вышел во двор. Потом поднялась суматоха невообразимая: все бегали по комнатам и пихали оставшиеся вещи в ремни и корзины.

Наконец мы оделись и вышли на террасу. Через некоторое время вышел Костя с фрейлейн. На соседнем балконе сидела какая-то дама. Увидев Костю, она поспешно встала, вошла в комнату, принесла оттуда два нарцисса и дала их Косте. Раньше он не хотел их брать и все время мяукал, как была его привычка делать в трудных обстоятельствах. Но когда фрейлейн взяла из рук дамы нарциссы и дала Косте, то он с радостью приколот их к своей корзиночке, которую фрейлейн ему на днях купила. Наконец пришла мама и сказала, что сейчас придет омнибус. Тогда я сейчас побежала посмотреть, не приехал ли омнибус. Оказалось, что нет. Так как все были в сборе, то мама сказала нам, чтобы мы шли в парадное. Там мы с нетерпением ждали омнибуса. Наконец он приехал. Наши вещи нагрузили, и мы отъехали, сопровождаемые горячими пожеланиями в дорогу. Мне в омнибусе ехать было очень весело. Я сидела у окна и смотрела, как кучер правит.

1 июня 1912 года. Chevalleyres

Мы недавно приехали сюда. Здесь совсем как в деревне. Нет этих каменных громад, нет шума и гвалта, а всюду царит тишина и спокойствие. Со всех сторон высятся величественные горы, поросшие лесом, в котором находят себе приют многочисленные звери и разнообразные улитки. Вдали виднеется Женевское озеро, на котором плавно качаются прелестные фламандские барки с конусообразными парусами. На берегу раскинулся ненавистный мне город с длинными фабричными трубами, из которых вьется дым к безоблачному небу, портя чистоту воздуха. Но пора кончать с наскучившими читателю описаниями и потому приступаю к дневнику.

Сегодня я проснулась от солнечного луча, который светил мне прямо в глаза. Я привстала и осмотрелась кругом. Женя еще спала, а Костя уже ворочался в своей кроватке. Я посмотрела на часы. Было половина восьмого. Оставалось еще полчаса до восьми, срока, когда мы вставали. Рассуждая таким образом, я незаметно погрузилась в мечты. Помечтав немного, я опять взглянула на часы. Было ровно восемь. Через некоторое время открылась дверь и вошла мама с кружкой молока. Я поспешно проглотила это все и начала одеваться. Одевалась я довольно долго, так что чуть не опоздала к чаю. Преодолевая все препятствия, мы с Ниной, улучив минутку, отправились в сад. Раньше мы качались, но потом нам это надоело, и мы пошли блуждать по саду. Вдруг мы увидели незнакомую дорогу и, конечно, направились по ней. Идя все дальше и дальше, мы наткнулись на какой-то дом, около самой дороги. Нина увидела тропинку. Мы, конечно, сейчас отправились по ней. Когда мы вступили на нее, нашим глазам представилась волшебная картина. Мы стояли посреди луга, который пестрел от переливов разных красок. Пройдя небольшое расстояние, мы пришли к ручью, через который был перекинут мостик. Мы сейчас же перешли его и очутились на лугу. Этот луг был прямо восхитительный! Пройдя несколько шагов, я увидела гигантский хвощ, он был такой огромный, каких я никогда не видела. Вдруг Нина услышала вблизи журчание ручья. Мы оглянулись, но ничего не увидели. Тогда Нина стала раздвигать траву, и ее рука провалилась в какую-то яму, она взглянула туда и увидела, что из-под земли течет ручей. Сделав это открытие, нам, конечно, захотелось узнать, глубокий ручей или нет. Мы сейчас же начали искать палки, но так как палки не было, то мы уже отчаялись исполнить наше намерение, как вдруг Нина увидела, что на берегу растет старый тростник. Следовательно, он твердый и по удобствам может нам заменить палку. Обдумав это, Нина взяла у меня перочинный нож и срезала им тростник. Когда тростник был срезан, Нина измерила им ручей. Он оказался довольно глубоким. Вдруг мы вспомнили, что мы довольно давно ушли из дому и что нас

Набережная Территте, Монтрё, Швейцария. Открытое письмо. Нач. XX в.

могли искать и звать. Испугавшись этой мысли, мы бросились бежать по полотну железной дороги домой. Как мы думали, так и случилось. Нас уже давно искали и звали. Когда нас увидели мама и тетя Женя, стали нас бранить, как мы смели уходить без спросу гулять и т. д. и т. д. Потом мама увела меня наверх работать. Мы с Ниной назвали ручей «Венограмм» (начальные слоги наших фамилий). А страну, по которой протекает ручей, «Страна гигантских хвощей». «Недостигаемая», потому что нам с большими трудностями пришлось проникнуть в нее.

7 июня 1912 года. Пятница

Сегодня шел дождь, и день прошел скучно, потому я его и опишу вкратце. Это прямо ужасный день! Дети и мадам ужасно злы на меня и Нину. Дело в том, что дети вздумали играть в куклы и для этого пошли в тети Женину комнату. Мне захотелось посмотреть, как они играют, и я пошла туда. Найдя, что одна кукла лежит на кровати, я схватила куклу на руки и начала рассматривать ее, держа за ногу. Вдруг все бросились на меня. Одна повесилась на меня, другие две тащат меня за руку. Понятно, я не могла держать руку поднятой и спустила ее. Они воспользовались этим и отняли куклу. Потом они заперли дверь и никого не пускали. Вот все интересное, что было сегодня, и потому я кончаю.

8 июня 1912 года. Суббота

Сегодня утром, когда мама открыла ставни, была довольно хорошая погода, но потом она испортилась, и пошел дождь. Тем не менее, часть дня прошла очень интересно. После утреннего чая мама сказала, что пойдет с нами гулять. Мы очень обрадовались. Сейчас же снарядились и пошли ждать в сад. Стал накрапывать дождь, но никто этого не заметил, кроме меня. А мама все не шла. Нина стала качаться, а я стояла, и мы говорили, что мы помним из своего раннего детства. Вдруг дождь стал накрапывать сильнее, и не только я, но и фрейлейн заметили его, и фрейлейн велела нам идти домой. Мы нехотя послушались и пошли домой. Но, к счастью, дождь продолжался недолго. Когда дождь перестал, мы собрались и пошли гулять на красивую дорогу, идя по которой мы всегда попадали под дождь. Как бывало всегда, так случилось и в этот раз. Не успели мы пройти недалекое расстояние, как пошел дождь, и нам пришлось идти обратно. Мы очень спешили и потому совсем мокрые и запыхавшиеся прибежали домой. Так как шел дождь, то нам пришлось сидеть на балконе и скучать. Вдруг Нина увидела пустое пространство между шкапом, который стоял на балконе, и стеной и вздумала там устроить нам кабинет, для занятий ботаникой. Нам, конечно, очень понравилась эта мысль, и мы начали искать средства, как бы проникнуть в него. Мы пробовали влезть в него и так, и сяк и, наконец, решили пролезть под шкапом. Мы хотели сделать это сейчас же, но уже звонили к завтраку, и мы отложили наше предприятие на после завтрака. После завтрака мама и тетя Женя поехали в город. Отлежав час, мы тотчас же принялись за работу, предварительно попросив всех не ходить на балкон под предлогом, что мы будем делать большие секреты. Когда все ушли, я задернула занавес, а Нина обвязала живот газетой и поползла под шкаф. Я передавала ей картонку и веник, чтобы подмести новооткрытое помещение. Но только что мы принялись за эту работу, как отдернулся занавес и пред нами предстала фрейлейн во всей своей красе. Я беспомощно стояла пред фрейлейн с картонкой в руках и голосом, в котором слышался ужас, вскричала: «Фрейлейн!». А Нина все продолжала мести и шуршать как мышь, и ничего не слышала. Но так как я все продолжала кричать «Фрейлейн, фрейлейн!», Нина скоро услышала это и догадалась, в чем было дело, и застыла на месте. Но было поздно, и мы услышали грозный оклик: «Эли и Нина, выходите сейчас же из-за шкапа». Нина вся красная испуганно смотрела из-за шкапа и говорила: «Оуф, оуф», и фрейлейн пригрозив, что скажет маме, удалилась. Нина сейчас же вылезла, и, разразившись хохотом, мы пошли на крокет. Вдруг нам стало очень весело, и мы пустились плясать венгерку и делать реверансы воображаемым зрителям. Наконец, нам это надоело, и мы пошли наверх. Оказалось, что пора идти встречать маму и тетю Женю. Мы оделись и пошли. Нам пришлось немного подождать, но на-

Эли, Женя и Костя Вендланд

конец издали показался поезд, через несколько минут поезд остановился, и из него вышли мама и тетька Женя с множеством пакетов. Но мама сказала, что пакеты разберут после обеда и что мама привезла нам что-то особенное. Мы обрадовались и побежали обедать. После обеда настал желанный час, и мама стала развязывать пакеты и, наконец, дошла очередь до тайного пакета. Там оказались... сладкие пирожки. Мне мама привезла французские книжки, французские диктовки и вставку для пера.

9 июня 1912 года. Воскресение

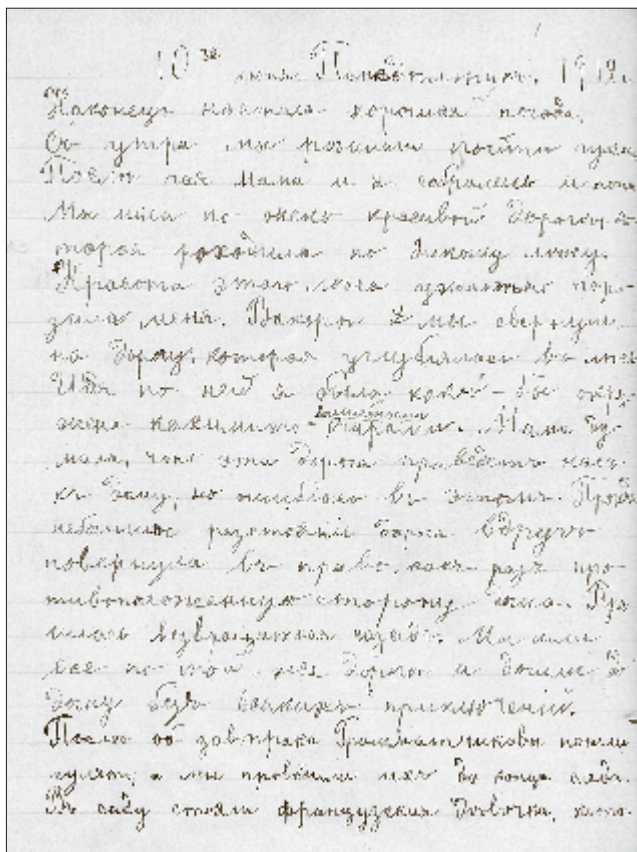
Сегодня опять очень мало интересного. После чая мама пошла в сад с Костей, Женей и мной. Так как погода была довольно хоро-

шая, то мы пошли немного погулять. Сначала мы дошли до какого-то ручья, который очень живописно струился по камням, образуя маленькие пороги. Дальше дорога заворачивалась и извивалась среди лугов на склоне гор. Издали виднелся Шато де Блоне. Пройдя некоторое расстояние, мы остановились отдохнуть в тени деревьев. Отдохнув немного, пошли дальше, направляясь к дому. Костя под конец устал, и мы еле дотащились до дому. После завтрака мы опять гуляли, больше ничего не было, и я спешу кончить.

10 июня 1912 года. Понедельник

Наконец настала хорошая погода. С утра мы решили пойти гулять. После чая мама и я собрались и пошли. Мы шли по очень красивой дороге, которая проходила по дикому лесу. Красота этого леса ужасно поразила меня. Вскоре мы свернули на дорогу, которая углублялась в лес. Идя по ней, я была как бы окружена какими-то волшебными чарами. Мама думала, что эта дорога приведет нас к дому, но ошиблась в этом. Пройдя небольшое расстояние, дорога вдруг повернула вправо, как раз в противоположную сторону от дома. Пришлось возвращаться назад. Мы шли все по той же дороге и дошли до дому без всяких

приключений. После завтрака Грамматчиковы пошли гулять, а мы проводили их до конца сада. В саду стояла французская девочка, которая была знакома с детьми, а с нами, т. е. с Ниной и мной, еще нет. Проходя мимо нее, я сказала ей «бонжур». Сказав это, я пошла дальше. Когда мы возвратились в сад, Женя стала качаться, вдруг пришла эта девочка и стала раскачивать ее, но мама не позволила раскачивать Женю и предложила им играть в крокет. Они, конечно, согласились и побежали за малютками. Через некоторое время они возвратились с малютками и начали игру. Эта девочка говорила только по-французски, а Женя ничего не понимала на этом языке. Поэтому мама должна была переводить французский язык на русский. Но через некоторое время маму позвали, и я стала говорить вместо мамы. Через некоторое время мы опять пошли гулять. Не стану описывать наши прогулки, а скажу только то, что было очень весело, и раскрывался прелестный вид на озеро, и город казался как на ладони.

Страница из дневника Эли. 1912

11 июня 1912 года. Вторник

Сегодня день прошел без всяких событий за исключением тех, что я играла в «лягушку» и проиграла. Вот и все.

15 июня 1912 года. Суббота

Сегодня мы совершили чудную прогулку по совершенно новой дороге в лес. Сначала дорога шла между лугов, покрытых разноцветными цветами, посте-

Страница из дневника Эли. 1912

Сегодня с утра была хорошая погода и мы пошли гулять в парк. Там было очень хорошо. Около входа в парк возвышалась совершенно отвесная и голая скала, так что, смотря на нее, кружилась голова. Мы прошли немного дальше и сели на скамейку отдохнуть. Дети, конечно, стали уверять, что они не устали, и стали убегать в парк. Вдруг они пришли и сказали, что где-то за решеткой видели серну. Мы, конечно, сейчас же побежали. Это действительно были серны. Они скакали на возвышенности и имели такие миленькие, кроткие глазки, что мне сделалось очень жаль их. Насмотревшись на них, мы пришли к тете Жене. Тетя Женя сказала, что пора домой, и мы пошли. Как только мы пришли, тетя Женя пошла к нам в комнату и стала говорить там с мамой, что она думает поехать на пароходе к каким-то гротам. И что там есть сталактиты и сталагмиты. Она спрашивала, не возьмет ли мама нас с собой. Мама сказала, что, может

пенно поднимаясь, и наконец, вошла в теплый лес, такой как рисуют, где заблудился мальчик-с-пальчик. Там было довольно темно и высились большие деревья, а между ними листва. И все это вместе произвело на меня потрясающее впечатление. Такое, что мне сделалось немного жутко, и мы поспешили уйти.

17 июня 1912 года. Понедельник

Вот уж день! Мне его никогда не забыть! Мы были в *Pleiadax*¹!

13 июля, воскресенье
1912 года. *Interlaken*

¹ *Les Pléiades* (1 397 м) — гора в Швейцарии с видом на Женевское озеро в кантоне Во.

быть, возьмет. Тетя Женя и мама все время говорили и не заметили, что было поздно. Вдруг позвонил звонок к завтраку, и мы пошли. За завтраком мы стали болтать всякую чепуху и между прочим заговорили о пещерах, которые мы хотели навестить. Наконец, завтрак кончился, и мы пошли лежать. Мы, конечно, не лежали целый час, как всегда, встали гораздо раньше. Мы стали торопливо одеваться, так как времени оставалось 35 минут, а идти надо было довольно далеко. Наконец мы оделись и вышли в сад перед домом. Конечно, не все были готовы. Нина забыла свой «кодак» и должна была бежать наверх. Вера тоже что-то забыла, и Лена за компанию пошла с ней наверх. Но, наконец, все собрались, и мы пошли. К счастью, пароход еще не ушел. Тетя Женя взяла билеты, и мы расселись на своих местах.

Через некоторое время раздался звонок, и мы отчалили от берега. Раньше мы шли по реке Ааре мимо живописных берегов, поросших маленькими сочными лугами, за которыми высились почти отвесные поросшие мелкими кустарниками скалы. Иногда мы проезжали мимо довольно густого леса, в котором так хорошо можно было укрыться от ужасной жары, которая была на пароходе. Когда мы вошли в озеро, подул свежий ветерок, и легко стало дышать. Я стояла у борта, смотрела на воду и воображала себе, что я птица и лечу наперекор ветру. Вскоре пароход причалил, и мы вышли и пошли по чудной дороге. Эта дорога мне почему-то напоминает Военно-Грузинскую дорогу на Кавказе (я там никогда не была, но учила и видела на картинке), вероятно, потому, что с одной стороны был каменный забор. Дорога шла около самой пропасти. С одной стороны была отвесная скала, а с другой — бездонная пропасть. Скатиться в нее нельзя было, так как она была огорожена. Я с удовольствием смотрела на все эти пропасти. Озеро казалось очень близким, и я даже попробовала бросить камушек с вершины, думая попасть в озеро. Но, конечно, камушек не долетел и упал далеко от озера. Дорога иногда входила в маленькие галереи под землей, и мне даже в этих маленьких проходах становилось жутко. Воображаю, какое ощущение испытала бы я, войдя в большую пещеру. Один из таких проходов издал какой-то звук, как гудок у автомобиля. Но он не повторялся, а переливался в разные тона. Казалось, что невидимые духи трубили где-то в потолке. Это было очень красиво. Выйдя из прохода, мы увидели разгадку этих странных звуков: оказывается, что на другом конце стоял человек с длинной трубой и трубил в нее. Вот как прошел этот чудный день.

Очень рада, что мы переезжаем в пансион, который в деревне, а не в городе, и что там богатая альпийская флора. Последняя причина меня больше всего привлекает.

18 июля 1912 года

Сегодня день прошел очень скучно. С утра мы все пошли в этот скучнейший «[нрзб.]» и сидели там до завтрака. К моему несчастью, моя дорогая Нина уехала на «[нрзб.]» на весь день, у мамы разболелась голова. Мама говорила — от того, что будет гроза. Действительно вскоре разразилась сильнейшая гроза, сверкали молния за молнией, без перерыва гремел гром. Этот день был такой скучный, что я ничего не могу написать и потому кончаю.

19 июля 1912 года

Сегодня с утра шел дождь, и потому утро прошло довольно скучно. После завтрака проглянуло солнце, и мы хотели пойти гулять по городу. Все собрались и хотели уже идти, как мама сказала, что Женя и я не пойдем, а пойдем потом. Я с грустью ушла на балкон и села в раздумье. Вдруг мне послышался раскат грома. Я побежала сообщить это маме, и мама сказала, что мы не пойдем. Гроза была не сильная, и вскоре она прошла. Я забыла еще сказать, что во время грозы Грамматчиковы вернулись. Когда гроза прошла, мама сказала, что пойдет гулять и возьмет с собой Нину и меня. Мы очень обрадовались, живо собрались и пошли. Раньше мы шли все по городу, потом завернули в какой-то переулок и вышли на деревенскую дорогу, которая шла вдоль Аары. Скоро эта дорога вошла в лес. Там было очень хорошо. Вскоре мы пришли к беседке, в которой когда-то сидел Моцарт и еще какие-то великие композиторы. Осмотрев беседку, мы пошли домой и через некоторое время уже были дома.

20 июля 1912 года

Сегодня дождь, дождь, дождь. Сегодня скука, скука, скука. Фрейлейн злится, злится, злится. Дети орут, орут, орут и злятся, злятся, злятся. Мама с тетей Женей пошли гулять и нас оставили. Фу, фу, фу, фуй, фуй, фуй, тьфу.

21 июля 1912 года. Суббота

Сегодня был очень интересный день. Ведь мы переезжаем в другой пансион! После кофе мы все побежали в сад и стали собирать в последний раз планеты. Но вскоре нам это надоело, и мы стали носиться как безумные и изредка выбегали за калитку на улицу. В один из таких выбегов за калитку к нам подбежал какой-то такс. Он был такой миленький со своими длинными ушами и умилненным выражением своей мордочки. Налюбовавшись таксом, мы пошли домой. Вдруг откуда ни возьмись появилась тетя Женя. Нина взяла такса на колени и стала любоваться им. Между тем я пошла в дом. Не успела я войти в дом, как по лестнице несется Нина, лепеча что-то непонятное. Но я поняла все-та-

ки, что ее запачкала такса и что не надо показываться мадам, иначе она будет бранить Нину. Я очень испугалась, но вспомнила, что в таких случаях надо скрываться в кладовке и там замывать. Я сказала это Нине, и мы побежали туда. В кладовке был кран с водой и висело полотенце. Я сбегала за платяной щеткой, намочила и стала тереть блузу, которую Нина сняла и держала для удобства. Благодаря нашему усердному трению пятно сошло, и Нина пошла в сад и стала там носиться, чтобы блуза быстрее высохла. К счастью, блуза скоро высохла и сделалась опять чистой, какой была. Так как блуза высохла и нам больше ничего не оставалось делать в саду, мы пошли наверх. Было ужасно душно, и солнце жгло невыносимо. Я спрашивала мадам, будет ли гроза, а она сказала, что грозы не будет, а будет дождь. После завтрака мы опять мало лежали, оттого что было уже мало времени до отъезда. Я все время ходила по комнатам и смотрела, не забыли ли мы чего-нибудь. К счастью, мы ничего не забыли. Ровно в три часа подали коляску. Мы скоро оделись и вышли во двор. Но, конечно, как всегда бывает, наш отъезд не обошелся без приключений. Когда мы вышли во двор, к нам подошел лакей и сказал маме что-то про корзину (мы оставили большую корзину стоять на неделю на вокзале). Тогда мама решила сама пойти на вокзал и посмотреть, что там такое. Попрощавшись с хозяйкой, мы сели в коляску и поехали. Мы еще остановились у вокзала насчет корзинки. Корзинка была там. Тогда мы успокоились и поехали дальше. Я не могу описать дороги, так как все время шел дождь, и коляска была закрыта. Минут через 30 мы приехали. Меня в сад не пустили, так как шел дождь. Больше ничего и не было.

24 июля 1912 года

Сегодня чудная погода! Мы пришли пить чай довольно поздно. Грамматчиковы уже сидели там. Вскоре пришла тетя Женя и сказала Нине, чтобы она шла на почту опустить письмо, и не могу ли я пойти с ней. Мама позволила, и я, наскоро выпив кофе, побежала с Ниной. Солнце жгло довольно сильно, и у нас не было шляп. Мы во избежание солнечного удара покрыли голову носовыми. После почты мы отправились в сад к мостику стирать носовые. Нина спустилась к ручью и стала стирать носовые. Мы благополучно выстирали носовые и повесили их сушиться. После завтрака Нина и я пошли в сад и сели на скамейку из качели. Вдруг я увидела какую-то сырую бумажку, на которой были написаны иероглифы, придуманные детьми. Мы старались разобрать, что там было написано, но никак не могли. Тогда мы пошли к детям и сказали им, чтобы они нам написали что-нибудь своими буквами, сказали бы нам, что это значит, показали бы нам, а потом сейчас же разорвали. Они согласились. И Женя написала имя «Вава». Мы все-таки заметили эти буквы, но не сказали это детям.

В это время пришла тетя Женя и предложила нам идти на русло реки. Мама согласилась, и сейчас же пошли. Раньше мы шли по тропинке лесом, но потом вышли на широкую дорогу и пошли по ней. Вскоре мы дошли до русла реки, которое было у самого озера. Это русло представляло из себя нечто вроде морского берега, заваленного камнями разной величины, в середине которых протекает ручей. Мы с визгом и криками бросились врассыпную по камням, рискуя свалиться и расшибить себе носы. Там было очень много разнообразных камней. Через некоторое время мы вспомнили, что сейчас должен приехать пароход с мадам и фрейлейн. Действительно, вдали показался пароход. Когда он подошел ближе, то мы стали махать платками, и не только фрейлейн и мадам, но и некоторые пассажиры стали нам махать. Когда пароход пришел, мы пошли домой и непременно хотели прийти раньше их. Мы пришли только несколькими секундами раньше их. И все.

26 июля 1912 года

Сегодня утром мы ходили покупать фунт мелкого сахара и не стирали носовые (это большое событие, так как мы каждое утро бегаем стирать их, причем кто-нибудь из нас сторожит, а другой стирает). После завтрака в 5 часов дня мы отправились гулять. Сперва мы шли по шоссе, но потом свернули в сторону и стали подниматься по крутой довольно широкой дороге. Дорога эта шла, извиваясь, недалеко от пропасти, через полчаса подъема мы пришли к какому-то заброшенному шале с камнями на крыше. Он стоял на пригорке, окруженный зелеными деревьями, и был совсем как декорации. Там мы сели отдохнуть, и мама дала всем кусочек шоколаду. Во время отдыха мама сказала, что мы дальше не пойдем. Пять минут отдыха было достаточно, и мы тронулись в обратный путь. Женя шла с мамой за руку и все время падала. Мы шли так минут 15 и, наконец, пришли домой. Больше мне нечего писать и потому кончаю.

4 августа 1912 года. Воскресенье

Сегодня день был полный приключений. Во время кофе Нина и я нарочно при детях считали, сколько у нас предприятий. Оказалось, что их шесть. Вырезать палку, чтобы стирать носовые и т. п. вещи. Мама мне не позволила стирать носовые в ручье, боясь, что я свалюсь в него. Я очень огорчилась. Нина стала меня утешать и говорить, что мы что-нибудь выдумаем. Эти слова произвели на меня впечатление, и у меня явилась надежда на продолжение стирки носовых.

Я стала клеивать в мою коллекцию и раздумывать, как хорошо, что у меня есть эдельвейсы, купленные за 20 сантимов. Как Нина вдруг вскрикнула:

«Я выдумала!» — и стала рассказывать, что можно вырезать длинную палку. К концу ее привязать веревку с ивовым кругом, который сами смастерим. На его концы будет прикалываться носовой. Потом эту механику надо закидывать в воду как удочку и если носовой грязный, то оставлять на некоторое время полоскаться.

После кофе мы побежали вырезать палки. Для этого нам надо было пробежать через сад. Вдруг мы услышали за собой крадущиеся шаги Жени, которая хотела проследить, куда мы идем. И для того чтобы она не видела, куда мы идем, мы помчались из всех сил. Я благополучно миновала поворот и готовилась выйти на дорогу, как вдруг услышала шум чего-то падающего и отчаянный вой. Я обернулась и увидела Нину, которая упала и расшибла себе ногу. Когда Нина встала, она начала бранить Женю, что это все из-за нее. Женя подумала, что это правда из-за нее, и, сконфуженная, удалилась. А мы пошли к ручью, чтобы промыть ногу.

МОИ МЫСЛИ И ЧУВСТВА

Сегодня утром, лежа в постели, я почувствовала, как чудно быть в Швейцарии. И мне ужасно захотелось вырваться из этих каменных громад и собирать коллекцию цветов. Я поняла, что я многого еще не знаю, и мне захотелось все узнать, изучить и собрать. Это чувство было так велико, что я готова была сейчас же вскочить и убежать куда-нибудь. Но не одной, а со всеми. Я подумала, что уже конец лета, а я еще ничего не сделала. Это было в середине июля.

МОЙ ДНЕВНИК. 1913 ГОД. ШВЕЙЦАРИЯ

1 января 1913 года. Вторник

Сегодня Костино рождение. Когда мы оделись, то побежали к Косте поздравить его. Он сидел очень веселенький в своей кроватке. Во время одевания он спросил, что скажет мама, когда он войдет в столовую. В столовой его ожидали на его стуле подарки. Он с громадной радостью раскрыл пакеты. В них оказались: крошечная коляска с верхом из розовой материи для цеппелина и коляска из дерева, чтобы возить его киську. После завтрака мы вышли погулять, и мама сказала, что мы пойдем на Sentier de Roses². Когда мы дошли до этой дорожки, мама увидела какую-то довольно крутую и узкую дорогу, которая куда-то поднималась. Мы пошли по ней. Она шла то около леса, то около луга. Когда мы проходили около леса, я увидела какие-то маленькие желтые цветочки. Мама мне позволила слазить за ними, и я, конечно, с удовольствием полезла. Цепляясь за все, что мне попадалось на пути, я кое-как доползла до цветка и сорвала его. Это был маленький бледно-желтый цветочек с отверстием посередине, где находились тычинки и пестик. Около этого отверстия был оранжевый кружок. Листья большие и овальные, растет очень низко над землей. Придя домой, я показала его мадам, и мадам сказала, что это первый весенний цветок, называется по-латински «примула», а по-французски «премьер».

2/15 января 1913 года. Среда

Сегодня не было ничего особенного. День прошел совсем однообразно. К вечеру я принялась писать письма. Мне надо было написать четыре письма: тете Кате, папе, Сереже и Ниночке — моей милой подруге. Но я по обыкновению ни одного не кончила. Мама ушла в Бонжу к русскому молочнику и долго

² Тропа роз.

не возвращалась. Мы ждали, ждали и, наконец, сели за стол. Не успели мы сесть за стол, как раздался звонок и пришла мама.

3/16 января 1913 года. Четверг

С утра шел дождь и был непроницаемый туман. После кофе я стала учиться с мамой. Я проходила деление дробей. Это самая противная вещь во всей арифметике, да и сама арифметика мне не очень нравится. Я его, наконец, одолела. Позанимавшись с мамой, я стала заниматься с мадам и занималась около часа. К этому времени дождь перестал и погода прояснилась. Мама сказала, что мы пойдем гулять. Мы живо собрались и пошли по «Большой улице», зашли в аптеку и в булочную и вернулись, так как было пора завтракать.

Завтрак был очень вкусный, и я очень много съела. По обыкновению мы лежали. Затем мама сказала, что мы пойдем гулять. Мы направились на quai de Territet³. Там было очень хорошо, почти как в деревне, не было такой массы народа и было немного травы. Вернулись мы в Sentier des Roses. Было очень грязно и мокро, и мы промочили ноги.

4/17 января 1913 года. Пятница

Сегодня плохая погода. Идет дождь и сыро. Я утром закончила два письма и послала их. Через некоторое время Костя пошел гулять, а мы не пошли, оттого что мои сапоги не высохли, а Жене не хотелось. После завтрака тоже шел дождь, и мы сидели дома. Только фрейлейн выходила и покупала разные вещи. Вот и весь день.

13 апреля 1913 года. Воскресенье

Сегодня с утра была очень хорошая погода. После кофе мы пошли гулять. Было довольно свежо. Жене даже было холодно. Мы направились на набережную (нашу обычную прогулку) и скоро возвратились оттого, что было холодно. После завтрака поднялся большой ветер и пошел мелкий снег (это довольно странно оттого, что в последние дни было очень тепло, зацвели все фруктовые деревья и распустились листья на деревьях). Поэтому мы не пошли гулять.

14 апреля 1913 года. Понедельник

Сегодня я проснулась в 6 часов утра от пушечного выстрела. Я думала, что это мне приснилось, и повернулась на другую сторону. Повернувшись на другую сторону, я стала размышлять по поводу этого странного сна и пришла

³ Набережная Террите.

к заключению, что если бы я видела во сне, что был выстрел, то не слышала бы эха. Тогда я спросила Женю, не слышала ли она выстрела? Она сказала, что не слышала. Вдруг я услышала второй выстрел. Теперь уже у меня не оставалось сомнений, что это наяву стреляют. Тогда я закрылась до ушей и стала думать, отчего это стреляют. Вдруг я вспомнила, что сегодня большой швейцарский праздник: *Independence du Canton des Vaud*⁴. Раньше этот кантон был под игом то Австрии, то Франции, и сеньоры из Берна его страшно притесняли. Но 110 лет тому назад майор Давель его освободил, и с тех пор он совершенно свободный. Этот праздник здесь празднуется каждый год. Выстрелы следовали довольно часто, и потому они мне страшно мешали спать, несмотря на то, что я закрылась с головой и что Женя положила на голову еще свою подушку. Наконец мы стали кричать и шалить, пришла мама, и мы стали одеваться. Погода была очень хорошая, но холодная. В 11 часов мы пошли гулять по набережной и оделись в осенние пальто. После завтрака мы опять пошли гулять. Но погода испортилась. Дул резкий холодный ветер. Мы недолго погуляли и в 5 часов были уже дома. После обеда я села писать дневник и легла спать.

15 апреля 1913 года. Вторник

Сегодня с утра была хорошая погода. Мы по обыкновению встали в 8 часов. Когда я пришла в столовую, то увидела, что на рояле лежали две газеты, а под ними какой-то журнал. Я прочла, кому он, и увидела, что это «Путеводный Огонек». Я очень обрадовалась оттого, что это почти единственный журнал, который я читаю по-русски. После чая мы учились с мадам, а потом пошли гулять по набережной. После завтрака мы гуляли 2 часа по набережной и еще, без всяких игрушек, и вернулись к обеду, после которого я стала писать мой дневник.

16 апреля 1913 года. Среда

Сегодня с утра была хорошая погода. После чая, часов в 11, мы пошли гулять по набережной. Мама дала мне 10 сантимов, и я себе купила «*Semaine de Susette*». Этот журнал я покупаю себе каждую среду. Потом мама сказала мне пойти купить мяч, оттого что тот, который у нас был, мы забросили в чужой сад и теперь он пропал. Я с радостью пошла его покупать. К двенадцати часам мы были дома. Еще оставалось полчаса до завтрака, и я, чтобы не терять времени, пошла на балкон читать мой журнал, но меня отвлекли двое детей, ко-

⁴ День независимости кантона Во.

Швейцария, Монтрё. Фотография Н. А. Вендланда. 1912

торые играли в «billes»⁵. Я стала смотреть, как они играют (у меня тоже были «billes», но я не знала, как ими надо играть). После завтрака мы сидели на балконе и только перед самым обедом пошли гулять.

17 апреля 1913 года. Четверг

Сегодня целый день шел дождь, и мы сидели дома. Только мама ездила в Vevey и привезла мне туфли. Эти туфли только на один номер меньше папиных. Около 6 часов вечера мадамин брат сказал, что он слышал удар грома, а фрейлейн видела молнию. Говорят, что если в апреле гром, то весь год будет очень хороший. Будет хороший урожай.

18 апреля 1913 года. Пятница

Сегодня с утра была хорошая погода. Мы по обыкновению встали в 8 часов. После чая я пошла посмотреть, есть ли письма. Их оказалось довольно много. Через некоторое время мы пошли гулять по набережной и вернулись к завтраку. После завтрака мы сидели на балконе, и только к обеду мама и я пошли не-

⁵ Игра в шарики.

Швейцария, Монтрё. Фотография Н. А. Вендланда. 1912

много погулять. Мы весь день сидели на балконе оттого, что мама ждала одного господина, и оттого, что погода была неважная.

19 апреля 1913 года. Суббота

Сегодня с утра была сырая погода. Мы опять пошли на эту нам ужасно надоевшую набережную, но, к счастью, стал накрапывать дождь, и мы возвратились домой. Потом весь день прошел довольно однообразно. Шел дождь, и мы сидели дома.

20 апреля 1913 года. Воскресенье

Сегодня с утра шел дождь. После чая я стала писать. Это прямо ужас: я должна к Пасхе написать 5 писем, но скоро перестала их писать, оттого что мы стали собираться идти гулять. Но только мы вышли, как пошел дождь, и мы поспешили возвратиться. Я этим воспользовалась, и, когда мы вернулись, я стала заниматься микроскопом. После завтрака мне вдруг пришла мысль сделать Жене фельдшерский костюм. Я ей это сказала, и она была в восторге (она очень хочет сделаться фельдшерницей). После лежанья я разложила картонный ящик, и с этого ящика я сделала кантик для шляпы. К кантику я прикрепила мою старую синюю ленту. Потом я сделала повязку, чтобы надевать на руку и пришила на середину красный крест. Потом я вырезала из материи квадрат и тоже на-

Шильонский замок. Открытое письмо нач. XX в.

шила на него красный крест. Когда все было готово, я сделала ей прическу, надела шляпу и все другие вещи. Она вышла в столовую, выглядела она как настоящая фельдшерица.

21 апреля 1913 года. Понедельник

Сегодня мы совершили прелестную прогулку в Glion⁶. После чая я стала учиться с мадам. Когда я отучилась, мама велела мне одеваться. Я нехотя стала одеваться, оттого что думала, что мы пойдем на набережную. Когда мы вышли, мама предложила мне идти в bois de Chillon⁷. Я очень обрадовалась. Но потом мама сказала, что там должно еще быть сыро, оттого что вчера шел дождь. Я опять приуныла. Тогда мама сказала, что можно попробовать поехать в Glion. Мы устремились на станцию. Оказалось, что поезд сейчас придет. Мы очень обрадовались и стали ждать. Действительно, скоро пришел фуникулер. Когда мы стали подниматься, нам открылся прелестный вид. Видны были все изгибы озера, и само озеро было темно-голубого цвета. Скоро мы доехали до большой скалы. Она очень живописная. Она представляет из себя один громадный блок, весь издырявленный, и с нескольких сторон она све-

⁶ Глион — деревня в Швейцарской Ривьере, в пригороде Монтрё.

⁷ Шильонский лес.

шивается, как сосульки льда, но, конечно, в очень большом виде и непрозрачная. Через некоторое время мы приехали в Glion. Там мы вышли, мимоходом купили два банана, которые сейчас же и съели, и стали немножко подниматься по дороге, которая вела в Saux⁸. Но так как было уже поздно и мы боялись опоздать к завтраку, то мы отложили прогулку в Saux до другого раза и начали спускаться. Когда мы прошли небольшое расстояние, я увидела на крутом склоне какие-то синенькие цветочки. Я немедленно полезла, хотя склон очень скользкий, и, цепляясь за кусты, доползла до них. Но это оказались простые цветы, которые у меня уже есть. Тут же были и прошлогодние каштаны в шелухе. Я стала их энергично скидывать, оттого что они мне были нужны для коллекции, и при этом моя нога поскользнулась, и я стала скользить вниз. Когда мы проходили мимо скалы, которую я описывала выше, я стала искать от нее обломок в траве. Нашедши его, я сунула его в карман, несмотря на то, что он был грязный, и пошла за мамой. Так мы без всяких приключений спустились, за исключением того, что мама меня выбрала, что я все отстаю и рву цветы, и сказала, что больше меня никогда никуда не возьмет. После завтрака мы пошли гулять, и мама дала мне денег, чтобы купить мяч. Когда мы вернулись, мы стали носиться на балконе с мячиком до тех пор, покамест мы были в испарине. Тогда мама велела нам входить в комнаты. После обеда я села писать мой дневник и писала его до 8 часов.

22 апреля 1913 года. Вторник

Сегодня утром была довольно хорошая погода. После ученья мы пошли гулять. Мы решили поехать в траме до Clarens⁹, а оттуда на пароходе до Монтрё. Когда мы вышли из дому, мы направились на Гранд Рю и там стали ждать трама. Трам скоро приехал, и мы в него сели. С трамом мы доехали до Clarens и там пошли по набережной в ожидании парохода. Костя был очень рад. Ведь он в первый раз поедет на пароходе! Когда время прибытия парохода приблизилось, мы пошли к пристани. Пароход скоро пришел, и мы увидели, что на нем была фрейлейн. Минут через 5 мы были уже в Монтрё и оттуда пешком пошли домой. Когда мы пришли, оставалось еще полчаса до завтрака, и мы стали играть на балконе в мячик. Но вдруг мячик перелетел через балкон и упал в соседнюю виллу. Но так как, должно быть, все там обедали, то я не пошла за ним. После завтрака, часов после 4, я увидела, что там работал хозяин дома. Тогда я взяла Женю и пошла спрашивать у него мячик. Мне было страшно стеснительно, но я всетаки спроси-

⁸ Ко — деревня в кантоне Во.

⁹ Кларанс — деревня в кантоне Во.

ла. Он был очень любезный, мы искали, искали и мячика не нашли. Когда мы вернулись, мама мне стала мыть голову, и я до вечера сидела с полотенцем за спиной.

26 апреля 1913 года. Суббота

Сегодня, когда я проснулась, Женя сказала, что мама уже пошла встречать папу. Через некоторое время мы услышали, что какой-то поезд прошел, и решили, что это папин поезд. Но вдруг мы услышали, что входная дверь открывается. Женя начала кричать: «Папуся, папуся!» — а я ее успокаивала, что это не папа, а мадамин брат. Но Женя продолжала кричать, и вдруг дверь открылась, и мама сказала, что придет нас одевать. Тогда уже больше не оставалось сомнений, что это папа, и я тоже стала кричать: «Здравствуй, папуся!» — и от радости визжать и скакать. Когда мама пришла, мы стали поспешно одеваться и побежали здороваться с папой. Погода была туманной, но потом туман стал подниматься и проглянуло солнце. Так как папа устал с дороги, то лег немножко поспать и спал до самого завтрака, погода совсем просветлела, и сделалось даже очень жарко. Папа с мамой куда-то ушли и сказали, что будут нас ждать в саду. Когда Костя проснулся, мы пошли в сад, и я увидела папу, который сидел на скамейке и ждал нас. Через некоторое время мы пошли домой к обеду.

14/27 апреля 1913 года. Пасха

Сегодня Пасха! Мы проснулись в 7 часов и с нетерпением ждали маму. Мама пришла в 8 часов. Мы с мамой похристосовались, и мама дала нам по деревянному яйцу. В нем я нашла брошку для часов, а Женя в своем — зеркало. Когда мы оделись, мы пошли к папе. Папа мне дал перочинный ножик и французскую книгу «Айвенго», которую тетя Катя дала папе для передачи мне. Я была в восторге. Скоро мы пошли пить чай. Наш русский молочник доставил нам творогу, и мама сделала паску, как в России. И в булочной мама заказала хлеб, вроде нашего кулича. День был чудный, и мы сейчас же после чая пошли на балкон. Во время сиденья на балконе папа решил поехать в *Lez Avants*¹⁰. Через некоторое время мы, т. е. папа, Женя и я, пошли гулять, оттого что на балконе становилось плохо. Когда мы подходили к саду *Rouvenaz*, мы слышали звуки трубной музыки. Подойдя ближе, мы увидели, что это солдаты играют на трубах. Мы стали среди публики и стали слушать музыку. Они очень хорошо играли, папа заметил, что среди толпы прохаживались одетые в белое девочки и что-то продавали. Папа подумал, что это для благотворительной цели. Когда одна из девочек приблизилась, папа дал нам денег, и я пошла и купила на них три бантика. Когда мы пришли домой, ма-

¹⁰ Лез Аван — деревня в кантоне Во.

Фуникулер Лез Аван — перевал Коль-де-Сонлуп. Плакат 1910

дам сказала, что эти бантики в память «Independence du Canton des Vaud». Как только мы позавтракали, папа сказал, что мы должны полежать $\frac{1}{4}$ часа. Отлежав это время, мы стали поспешно собираться, чтобы не опоздать к поезду. Я взяла с собой мой новый перочинный нож и бинокль. Пришедши на вокзал, мы увидели, что поезд уже стоял. Папа пошел брать билеты, а мы с мамой сели в поезд. Вскоре пришел папа, нам пришлось ждать очень долго, не знаю почему. Но все-таки часа через пол мы поехали. Я все время смотрела в окно и видела несколько разноцветных нарциссов. Скоро мы приехали в Lez Avants. Само местечко состоит из одних отелей и всюду страшный беспорядок. Но скоро мы вышли на дорожку, из которой был чудный вид на горы. Пройдя небольшое расстояние, мы сели отдохнуть. У мамы с собой было четыре или пять апельсин, и мы их с удовольствием съели, оттого что очень хотели пить. Отдохнув еще немного, мы пошли дальше. Мы обходили гору кругом. Чем ближе подходили мы к северной ее стороне, тем холоднее делалось. По дороге нам встретился какой-то человек, и мы спросили, куда идет эта дорога. Он ответил, что она идет в Col de Sonloup¹¹, и сказал, что дальше нельзя пройти, оттого что полно снега. Несмотря на его предостережение, мы все-таки пошли и увидели, что правда пройти невозможно из-за снега. Тогда мы пошли назад. На станции мы немного подождали поезда, который не замедлил прийти. Скоро он довез нас в Монтрё, и оттуда мы пошли домой пешком. Дома нас ждал обед, и после него я пошла спать, и Женя тоже.

29 мая 1913 года. Четверг

Сегодня с утра была чудная погода. За кофе папа и Шуберт (Шуберт вчера приехал) стали раздумывать, куда бы сегодня поехать, и решили в Pleiades.

¹¹ Коль-де-Сонлуп — горный перевал неподалеку от Лез Аван.

Так как до поезда оставалось еще больше часа, то папа и Шуберт пошли погулять и велели мне сказать это маме. Я маме передала, что папа и Шуберт пошли погулять. Мама сказала, что в Pleiades не поедет. Я побежала это сказать папе и Шуберту, тогда папа сказал, чтобы я сходила спросить маму, могу ли я с ними поехать в Pleiades? Я с радостью побежала, и мама мне позволила. Я схватила кофту и побежала. До того как идти на станцию, мы пошли погулять по дороге. Пройдя некоторое расстояние, мы сели отдохнуть. Когда мы отдохнули, мы пошли на станцию. Придя на станцию, мы взяли билеты и стали ждать поезд. Поезд скоро пришел, но в нем было полно людей, и мы должны были стоять на площадке. С нами ехал целый пансион детей, и все они стали петь. Папа их заочно бранил, что они заняли все места, да еще воют. Мне было приятно стоять на площадке. Все время пока мы ехали, было видно верхушку Мон-Блана. Минут через 20 мы приехали на вершину Pleiades. Выйдя из поезда, мы пошли по тропинке гулять. На одном месте было страшно много маленьких цветов. Я их собрала в платок. Там были еще прелестные бутоны и нарциссы, которые только начинали цвести. Я набрала этих цветков довольно большой букет. Мы лезли все выше и выше в поисках красивого вида (по сторонам росли ели и другие деревья, и ничего не было видно) и незаметно доползли до самой высокой точки Pleiades. Оттуда вдали была видна Юра и немножко Нешательское озеро, подернутое синеватой дымкой. С другой стороны открывался прелестный вид на Dent de Jaman, Rochers-de-Naye и на другие горы. Вообще перед нами открывался настоящий альпийский пейзаж. Налюбовавшись видами, мы пошли назад. Выйдя на солнечную площадку, мы расположились отдыхать. Мы сидели совсем близко к пропасти. Мне было ужасно приятно жариться на солнце. Отдохнув, мы пошли к станции. Там я купила себе открытку. Поезд уже стоял, и мы в него сели. Скоро он двинулся, и мы без всяких приключений доехали в Chevalleyres. Дома не знали, куда мы пропали. Мы были очень удивлены этим, оттого что были уверены, что все знали, куда мы поехали. Оказалось, что мама думала, что мы поедем после завтрака в Pleiades. Остальная часть дня прошла без всяких событий.

19 июля 1913 года. Пятница

Царское Село. Вот мы опять в России. Как время скоро летит! Теперь наше пребывание в Швейцарии кажется мимолетным чудным сном. Сегодня с утра была хорошая погода. Я встала в 9 часов и пошла смотреть, что делает мой огород (на леднике). Там оказалось все в порядке. Я недавно посеяла шпинат, и он уже всходил. Осмотрев все, я пошла на балкон столярничать. Папа мне вчера подарил верстак и два рубанка. Я хочу сделать письменный стол из двух

ящичков. Но покамест их у меня еще нет, и потому я принялась строгать доски для стола. Скоро пришла мама и попросила сделать меня полку. Я согласилась и тотчас же принялась за работу. Через некоторое время я пошла отдохнуть в сад. Костя и фрейлейн пошли гулять и взяли меня с собой. Я нехотя пошла, потому что мне хотелось работать. Мы отправились на Баболовские поля. Там было прелестно. Совсем как в деревне. Я набрала целый ворох сухих березовых сучьев для Костиной метлы. После завтрака до обеда я занималась столярными работами.

20 июля 1913 года. Суббота

Сегодня прелестная погода. Утром после чая я принялась опять за полку. В ней оставалось совсем мало работы, и я намеревалась кончить ее сегодня. Но утром я работала мало. Оттого что мы пошли гулять. Сегодня кончилась Женин корьевой карантин, и она в первый раз после болезни пошла в парк. Было страшно жарко, и все время сидели в цветниках. Скоро мы пошли домой. Остальную часть дня я работала, и к обеду полочка была готова. Папа, вернувшись из Петербурга, привез мне пилу, две стамески и угольник, я этому очень рада.

21 июля 1913 года. Воскресенье

Сегодня с утра была хорошая погода. Я по обыкновению встала в десятом часу. После чая я пошла с папой гулять в парк. Но гуляли мы недолго, оттого что сегодня завтрак в 12 часов. К обеду должны прийти Копыловы. Остальную часть дня мы были дома. Копыловы не опоздали и пришли как раз вовремя. После обеда мы гуляли в парке до 7 часов...

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ 1920–1950-х гг.

21 декабря. 1921 год. Среда. Петроград, Екатерининский, 69

Сегодняшний день есть начало моей настоящей жизни. Я сдала экзамены по остеологии у Тонкова! Теперь только я попала в колею и чувствую, что есть смысл в моих действиях. Если папа на небе видит нас, он бы порадовался. Теперь уж я на пути.

30 марта. 1922 год

Сегодня я сдала синдесмологию и миологию у Тонкова. Все вышло замечательно удачно.

Не дождавшись накануне экзамена, я пришла сегодня утром в Академию, не успела опомниться, как уже сидела перед Тонковым. Я напрасно его бранила. Он один из лучших и славных профессоров. С сегодняшнего дня я утверждена на 2 курсе. Хоть бы хватило сил пробиться дальше.

15 апреля. 1922 год. Страстная суббота

Несмотря на все мои глупые рассуждения насчет религии, я все-таки в этом году решила говеть. Я старалась ни о чем не думать и вызвать молитву и веру. Уже четыре года я не говела. Никак я не могу понять, есть ли что другое кроме материального. Ведь если начать рассуждать, то нельзя не признать, что существуют явления, которые нельзя назвать материей, например мысль, да, наконец, сама жизнь. Что это за жизненное начало? Откуда оно берется? Душа, чувство? У меня для каждого человека есть свое чувство. Это все понятно. Но как представить себе нечто подобное реально существующим вне материи, всемогущее, сотворившее мир, управляющее им и людьми? Как может быть, чтобы нечто совершенно нематериальное могло сотворить материю из ничего. Если действительно существует Бог, отвечающий на все наши обращения к Не-

му, то тогда, конечно, не может быть ничего невероятного. Ведь тогда и может быть и вечная жизнь и воскресение.

Если думать в таком направлении, то придешь к полному отрицанию. Но почему же почти все веруют в Бога, молятся Ему? Ведь самые выдающиеся ученые и мыслители по-своему понимали Бога, молились Ему, т. е., значит, допускали возможность сношения с Ним. Каким образом они дошли до этого? Ведь мало же допустить, что как-то мир должен был быть сотворен и это неизвестное «как-то» назвать Богом!

Я себе не представляю, каким образом можно прийти к убеждению о существовании Бога, как я это понятие понимаю, т. е. как нечто реальное, сознательное, постоянно готовое нас слушать и отвечать, словом, действительно как нашего Отца. Когда я спрашивала об этом о. Леонида, мне говорили, что Бог — жизнь. Но ведь это же совсем не то. Жизнь не может быть сама по себе, без отношения к материи уж во всяком случае. Нельзя сказать, что это есть что-то такое, что может быть вне нас, к чему можно обращаться.

Когда я была маленькой, я себе совершенно конкретно представляла Бога как доброго, всемогущего, вездесущего, всеведающего. Мне даже в голову не приходило, что это может быть не так. Я каждый день Богу молилась, и постоянно у меня было умиление перед Ним.

Помню, как в Лумне в саду темная аллея, налево от дома, мне почему-то представлялась чем-то страшным, местом пребывания леших, домовых и всяких нечистых сил. Я очень часто стремглав пробежала это место, но когда я начинала молиться и просить у Бога защиты, то появлялась уверенность, что никто меня не посмеет тронуть, всякий страх исчезал, и я чувствовала себя как бы в какой-то броне. Мне тогда было 11 лет, я тогда первую зиму ходила в гимназию. Там был очень хороший священник из Покровской церкви. Он очень любил нас.

В том же году у меня сделалось воспаление легких, и я чуть не умерла. Мне потом рассказывала Нина, что как раз во время кризиса тетя Женя ездила в часовню Спасителя и привезла мне оттуда образок. С этого самого дня мне стало лучше, и я выздоровела, это было подтверждение моей веры. Я считала себя самой скверной из всех людей, и поэтому любовь к Богу и Христу стала еще сильнее. Дальше в Швейцарии, в Царском Селе была все та же вера. В Царском я первый раз говела, когда мне было 15 лет, помню, как после исповеди я боялась что-либо делать, чтобы не согрешить. Какое чудное было состояние после Причастия! Мне казалось, что я правда соединилась со Христом. Но в это время я хоть и верила еще, но уже не молилась каждый день и не так боялась грешить. В 17 лет я поступила на курсы в Одессе. Если бы меня в то время спро-

силы — верю ли я? — я бы сказала, что да. Но вера моя была далеко не такая, как в 11–12 лет. Я говорила, что верю, но не было как-то основания этой веры. Я сама себе еще не признавалась, что собственно веры уже не было. Тогда я еще не смела отрицать Бога. Но чем дальше, тем хуже, и вот теперь я не могу понять, как можно верить в Бога. Но странно: почему-то, когда я так говорю, мне кажется иногда, а вдруг что-нибудь есть. Я только своим умом этого не могу понять; может быть, тут и надо какое-нибудь другое чувство. Оттого-то я в этом году и говела. Что значат слова: «если не примите Царствия Божия, как дети, не можете войти в него»? Мне кажется, что это значит, что Бога можно понять, не мудрствуя лукаво.

22 апреля. 1922 год. Суббота

Суббота — самый лучший день в неделе. Весь день радостное чувство, что вечером можно пойти в церковь. Я сама не понимаю, для чего я хожу в церковь. Все равно ведь я не молюсь, если не называть молитвой какое-то особенное состояние, которое у меня бывает в церкви, независимо от всех моих дум. Из всех церковных служб я больше люблю Всенощную. Нельзя было найти больше подходящего времени для вечернего богослужения. Когда все успокаивается от дневной суеты и как будто углубляется в себя, начинается звон к вечерне. Как бы противно мне до того не было, какие бы дурацкие мысли не бродили в голове, все отходит на задний план и только хочется пойти в церковь, даже если это и прямо противоречит тому, что я только что говорю. А зачем хочется этого, я и сама не знаю. Просто поднимается радостное чувство, как это бывает после занятия науками, естественной историей. Всенощная начинается пением «Благослови, душе моя Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его. Вся премудростью сотворил еси!». Я не знаю слов более подходящих для выражения моего душевного состояния. Это какой-то восторг вообще, относимый к чему-то, что нельзя понять. Неужели это и есть Бог? Как в конце дня подводишь итог своим действиям, так и во Всенощной понимается вся жизнь человечества, начиная от сотворения мира и блаженной жизни в раю до рождения Спасителя. И таким ничтожным, беспомощным чувствуешь себя, что естественно хочется говорить: «Господи, воззвах к Тебе, услыши мя». Потом таинственное воплощение Спасителя, выражающееся в пении «Богородице Дево». С этой точки зрения никакие умы не могут объяснить вочеловечивание Бога. И наконец, Его рождение и Ангельское славословие. Миром руководит Бог. Но как только возникнет реальное, отчетливое представление о Боге, сейчас же делается пустота и в голове шевелится: «все-таки это как-то не так». Материальное представление Бога невозможно.

Ученики А. С. Бакста (слева направо):
Н. В. Лермонтова, В. П. Климович-Топер, В. Козлов,
Н. А. Тьрса. 1908

23 апреля. 1922 год. Воскресенье

Саша меня водила в Надину мастерскую и показывала ее работы¹². Я мало что понимаю в живописи. Меня поразили яркие краски и странные фигуры ее картин. Но это с первого взгляда. Во всех ее вещах страшно много настроения, и при всматривании в лица находишь в них страшно глубокое выражение, передающее душевное состояние человека. Из того, что я видела, на меня самое большое впечатление произвели три вещи: Иеремия в пустыни знойной сидит и с выражением недоумения, скорби и вместе с тем с радостью смотрит на небо. Зверь на скале, который не может сойти со скалы (Надя изобразила себя) и смотрит в бессильной злобе на заманчивое окружающее. Женщина на балконе, должно быть, Кити, в полном отчаянии стоит. Лица Надиных портретов на-

Как нарочно, сегодня была проповедь как раз об этом. Иисус Христос изгнал бесов из бесноватых, и на людей это произвело разное впечатление: одни удивились чуду, другие приписывали Христу дьявольские силы, третьи вовсе не поверили чуду и требовали знамений. О. Александр, конечно, считает, что спиритизм, гипноз есть действие злых сил!

Мне кажется, что никакими знаменами нельзя получить веру. Вера приходит как-то иначе. Требование знамений указывает на грубость людей и на невозможность для них иметь высшее чувство. Это и выражено в ответе Христа: «Не получите другого знамения».

¹² Саша и Надя — Александра и Надежда Лермонтовы, двоюродные сестры митрополита Иоанна и монахини Евфросинии. Надежда училась в студиях Д. Н. Кардовского, А. С. Бакста и М. В. Добужинского. Была участником выставок «Мира искусства». Сегодня ее картины находятся в частных коллекциях и в запасниках Русского музея в Петербурге.

поминают лица древнерусских икон. Саша говорит, что, может быть, это имело на нее влияние. Если сравнить Надину живопись с картинами Похитонова¹³ и вообще всех обыкновенных художников, то я скажу, что, смотря на их картины, остаешься спокойным. Тут же чувствуется что-то другое, гораздо более глубокое. Я Надиной живописи не понимаю,

*На диване. Автопортрет. 1910-е. Худ. Н. В. Лермонтова.
Государственный Русский музей*

но мне кажется, что ее способом можно выражать такие идеи, при том так ярко, как это никогда не может быть достигнуто обыкновенной живописью.

Муня¹⁴ рассказывала, как «порченные» от прикосновения к чудотворной иконе начинали биться, как они исцелялись от них, как их исцелял Иоанн Кронштадтский. Приятно слушать такой простой рассказ. От него веет чем-то чистым, как в граде Китеже.

17 мая. 1922 год. Среда.

Во всех случаях, когда мне приходится сталкиваться с людьми, у меня чувство, что я стою в стороне, что я не такая, как все. Я совершенно неразвита, не умею говорить, как все люди. Например, сегодня мы с Китей шли в Геологический Комитет, и Китя говорила о том, что северная природа более лиственная, чем южная (глубже, задумчивее), что в южной природе все, как в сказке, искусственно, фантастично. Я великолепно поняла, что она этим хочет сказать. В южной природе действительно нет такой задушевности, такого спокойного, можно даже сказать религиозного (град Китеж) чувства. Особенно это относится к ранней весне, когда почки только что распустились и деревья покры-

¹³ Иван Павлович Похитонов (1850–1923), русский художник, мастер пейзажа.

¹⁴ Муня — женщина, жившая в семье Лермонтовых.

Китя

лись маленькими листиками. Земля еще не высохла, и так хорошо все пахнет. Это настроение чудно передано на иконах Нестерова и в музыке оперы «Град Китеж». Все, что я тут написала, я почувствовала уже, когда Китя говорила про природу. Но сказать словами почему-то не могла. Выходил набор идиотских слов, и, главное, все время чувство, что все, что я скажу, ужасно глупо. Поэтому я замолчала, и на этом разговор кончился. Я хотела сказать, что я думаю о картинах Нестерова, но решила не говорить, т. к. Китя не одобряет Нестерова и находит его ничего не выражающим. А это называется, что я боюсь высказывать свое мнение, чтобы не дискредитировать себя в глазах Кити. Вот до чего дошло. И все это оттого, что у меня нет са-

моуверенности, я себя ни в грош не ставлю и, кроме этого, отчаянно стесняюсь. Иногда я решаюсь отбросить все страхи и самолюбие и говорить все, что я думаю. Но когда приходит время это использовать, в голове не остается ни одной мысли, кроме той, какая глупая, что мой собеседник, наверное, тоже это думает. И в результате сижу, как тень, и ничего не говорю. Работаю на трупе по ангиологии.

26 июня. 1922 год. Воскресенье

Мама с Костей в Павловске у Жени. Я не могла поехать из-за экзаменов. Хотя, откровенно говоря, отлично можно было бы устроить, попросить Веру Викторовну. Опять-таки всему вина моя трусость, вечный страх перед людьми и слишком большое самолюбие и сомнение. Не могу заставить себя сделать что-нибудь, если страшно. Это какая-то позорная слабость. Ведь я сегодня все равно не учусь и к завтрашнему буду знать не лучше вчерашнего. А все-таки страшно, и, главное, нет силы воли. Я буду теперь стараться упражнять силу воли в другом направлении. До сих пор с 14 лет я прониклась добродетельным настроением, считала, что нужно себя смирять и всяче-

ски свои желания удерживать, всегда всем уступать и быть последней. Это мне представлялось хорошим, теперь же вдруг я увидела... (Запись обрывается. — Прим. ред.)

22 января. 1951 год

Хочу запечатлеть здесь, на страницах книги моей жизни, один чудесный случай. Однажды в дождливую и грязную погоду, месяца 2 тому назад, я делала вызовы в незнакомой части Старого Города в Ташкенте. Адрес больного никак не могла найти, всех спрашиваю, захожу в дома, бегаю из тупика в тупик. А время идет, и вызовов еще много. Я впала уже в отчаяние и стала молиться, прося Господа и Богородицу, угодников Божиих помочь мне. Помолилась я совсем мимолетно, без всякой веры, даже с неверием. Ну, как же Господь может мне помочь, ведь это невысказано, никто из людей не знает этого адреса... С таким неверием я продолжала бегать по тупикам и страшной грязи. И вот совершилось явное чудо, я была потрясена и посрамлена: идет письмоносец. Я обратилась к нему, и он тут же, подумав, сказал мне точно, как найти больного. Через пять минут я уже сидела у больного. Какой поразительный случай, который учит иметь горячую веру и наяву убеждающий во Всемогуществе Божиим и в том, что Он слышит каждое наше самое малое вздыхание.

Еще один чудесный и поразительный случай, происшедший в феврале месяце 1951 года в Ташкенте. Вечером в страшную непогоду я возвращалась с работы с вызовов. Было уже темно, шел снег, дул сильный ветер. Улица превратилась в сплошной каток, по которому я с трудом шла, ежеминутно рискуя упасть. На льду дороги, как в зеркале, отражались электрические фонари. Подошла к остановке трамвая, и оказывается авария, нет тока, трамваи не ходят. Значит, идти пешком через весь город, когда и шаг ступить страшно. Меня взяло отчаяние. Подошел автобус, но переполненный, и даже не остановился. В душе я помолилась одним только словом и даже не обратила внимания

Эли на берегу Чаткала. 1951

на то, что помолилась: «Господи, помоги мне сесть в автобус». Но он прошел, и у меня в душе возникло какое-то маловерное чувство, ну, мол, конечно, как бы я могла сесть в такой переполненный автобус. Появилось чувство какого-то маловерия во всемогущество Божие. И я продолжала стоять на остановке и забыла про свои молитвы. Вдруг откуда ни возьмись едет такси, и в нем сидит радиодиктор Губанова, моя хорошая знакомая. Она увидела меня и через несколько шагов остановила машину. Я подбежала, прошусь, посадите меня. А она: «Да я давно даю вам знаки, садитесь, садитесь». Я не верю своим глазам, уселась, и мы поехали. Тут только сообразила, что это ведь Господь услышал мою молитву, вернее просто вздыхание к нему, и послал мне машину. Никогда ни прежде, ни до этого я на трамвайной остановке не встречалась с Губановой. Через несколько минут я уже была на Комаровском и всем рассказала об этом чудесном случае. Все согласились, что это, конечно, чудо и явная помощь от Господа. «Милости Господни во век воспою» (Воскр. расслабленного, стих на Аллилуйя 5 гл.).

29 апреля. 1951 год. Ташкент. Пасха

Сегодня Пасха! Сподобилась за заутреней пройти Крестным Ходом с певчими и петь своими устами: «Воскресение Твое, Христе Спасе. Ангели поют на Небеси. И нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить». Вчера, в Великую Субботу, ночь всю почти не спала, была у ранней. Служил маленький Костенька, которому когда-то было 4 года. Сподобилась опять своими устами петь прокимен: «Вся земля да поклонится Тебе и поет Тебе. Да поет же имени твоему Вышний: “Елицы, во Христа креститесь”». «Воскресни, Боже, суди земли, яко ты наследииши во всех языцех». «Да молчит всякая плоть человека».

Все это так прекрасно, что нет слов выразить высоту этих песнопений. Сегодня утром была за повторной светлой заутреней и литургией, которую тоже служил маленький Костенька. Как установилось в обычае, регентовал наш незабвенный владыка. Непередаваемое ликование и повторение двух слов: «Христос Воскресе!» Весело трезвонили колокола, и вся природа радовалась с нами. «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь».

27 марта. 1955 год. Чернигов

Хочу на страницах этой тетради, спутнице моей жизни с детских лет, записать события, в которых явно проявлялась Рука Божия.

Ленинград. 1922–1923 годы. Обновленчество. Я в компании Нюры Зезюлинской. Увлекаемся широкими новыми взглядами Введенского, призывающе-

го отбросить устаревший церковный хлам и вернуться к первобытной чистоте церкви. «Как прекрасно, — думаем мы, — вот где истина». И вот внезапно, совершенно неожиданно для меня произошел решительный переворот в моей душе, от которого получило начало все дальнейшее направление мое в жизни. Блаженной памяти о. Александр Пакляр, которого я считаю светочем православия, со всей силой своей чистой души восстал против обновленчества. В проповедях, в беседах, в лекциях он объяснял, что такое Церковь. И вот однажды я поняла, что Церковь — это самое главное в жизни, что жить надо только для Церкви, вернее в Церкви, т. к. она есть то же Апостольское общество, которое было при Христе Спасителе, в ней та же преемственная благодать. Помню, как охватило меня это совершенно новое чувство, что вот где жизнь, по которой неясно тоскует душа и к которой стремится. А все остальное, что вне Церкви, — это второстепенное. В одно мгновение как-то все в душе переродилось, и началась какая-то новая жизнь. Поразительней всего эта мгновенность перемены душевного состояния. После этого стало неудержимо тянуть в Церковь. Проповеди о. Александра воспитывали и укрепляли сознание всеобъемлемости Церкви.

Пастырское училище

С тех пор началась у меня новая жизнь. Совершенно изменилась психология. Центр жизни и всех интересов был в Церкви, она наполнила мою душу и стала моей жизнью. А мир и все светское стало внешним и как бы второстепенным. Все обстоятельства способствовали укреплению и возрастанию этого состояния. Вскоре, в 1924 году, когда я была еще в ГИМЗе (Государственный институт медицинских знаний. — *Прим. ред.*), открылось Пастырское училище, эта незабываемая колыбель моей веры. Мы — Женечка, Нюра Зезюлинская и я — приходили туда, как в какой-то небесный чертог. Особенно блистал там о. Александр Пакляр, пред которым мы благоговели. Он преподавал Новый Завет. Что это были за лекции! Яркость изложения, глубина чувства его придавали такую реальность его словам, что казалось, видишь перед глазами Господа, слышишь Его слова, как только сказанные. Преисполненные таких чувств, мы с Нюрой Зезюлинской и Женечкой возвращались домой к Лермонтовым, и там, забившись в дальние углы, еще долго рассуждали обо всем слышанном. Интересно, какие мы были скрытные. Мама понятия не имела, куда мы ходим каждый вечер, и не представляла, что делалось у нас в душе.

В 1926 году осенью в Пастырском училище появилось еще одно лицо, которое оказало коренной переворот в наших душах и определило все дальнейшее течение нашей жизни.

Это был архимандрит Гурий. Он был 35 (34) лет, он только что вернулся из очередной ссылки, уже третьей по счету. Он стал заведующим Пастырским училищем и преподавал нам Историю Церкви. Но нас не столько интересовали его лекции, как то, что мы сразу в нем почувствовали духовного руководителя. Богослужения в Пастырском, посещение Киновии открыли нам какую-то совершенно новую жизнь людей, посвятивших себя Богу, — это монашество. Но тогда мы еще не могли формулировать, что нас так пленяет во всем этом. Наконец я поняла, что это прекрасное, что так влечет к себе, — это самоотвержение. Забывание всего своего личного и полная отдача себя на смирение Церкви, Богу. Я поняла, что и для меня возможна и необходима такая жизнь. И с тех пор я как бы обручилась с намерением отрешиться от своих интересов и жить для Церкви. Образ нашего незабвенного о. Гурия (которого, кстати, опять арестовали в 1928 году), постоянно стоял у меня перед глазами. Как мученика и исповедника веры, «яко овча на заклание ведется».

В 1927 или 1928 году Пастырское училище закрылось. Духовное окормление мы получали в Эстонской церкви, в Федоровском, у о. Льва. Помню, как душа тосковала до слез по той небесной жизни, которая нам открылась в Пастырском училище, и мы с упованием ждали о. Гурия и с трепетом следили за его жизнью далеко от нас. Разлука с любимыми пастырями (неоднократные аресты о. Александра и особенно в 1932 г.) только укрепляла желание посвятить себя всецело Церкви, да это незаметно превратилось в дело, так как мы жили только мыслью о них и, как могли, старались облегчить им тяжелую участь.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Архимандрит Михай (Хархаров)

НЕКОТОРЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДЫКЕ ИОАННЕ

Эти воспоминания о своем друге митрополите Иоанне (Вендланде) будущий архиепископ Ярославский и Ростовский Михай, а тогда архимандрит Ярославской епархии, написал вскоре после кончины владыки. Митрополит Иоанн умер 25 марта 1989 года, а воспоминания отца Михея датируются апрелем 1989 года. Почти 60 лет они были друзьями, духовными сыновьями митрополита Гурия (Егорова). И в настоящее время покоятся рядом: похоронены в ограде Федоровского собора в городе Ярославле.

Свои записи архимандрит Михай назвал «Некоторые воспоминания о владыке Иоанне». Он действительно не претендует на полноту изложения. Тем не менее, воспоминания представляют большой интерес в первую очередь потому, что их автор очень хорошо знал митрополита Иоанна. На протяжении всей жизни они были связаны узами дружбы и братской любви.

Э. М.

С покойным владыкой Иоанном я был близко знаком в течение 58 лет.

В моей памяти живо представляется юноша (тогда ему было 22–23 года), инженер-геолог, ежедневно посещавший кинобийский храм в Ленинграде, где он за псаломщика, часто совершенно один на клиросе, пел и читал во время службы.

До революции Киновия была маленьким общежительным монастырьком, основанным при даче петербургских митрополитов для монахов Александро-Невской лавры. Там обитали монахи, ищущие более строгого иноческого жития и подвигов, чем в лавре. Туда же посылали на исправление провинившуюся братию. В 20-е годы XX века это был уже приходской храм при кладбище. Из прежних насельников там оставался один очень старый и больной иеромонах Иоасаф. Он уже не мог ходить в храм. Служил там архимандрит Гурий

(Егоров), который привлек многих интеллигентных верующих людей, бывших членов братства Александро-Невского, а также бывших слушателей Богословско-пастырских курсов, заведующим которых он был.

После отъезда отца Гурия (не по своей воле) в далекие места, в Киновию были назначены два белых священника, которые ежедневно совершали службу.

Вместе с сестрой Елизаветой Николаевной туда стал ездить и Константин Вендланд. Накануне воскресных и праздничных дней, а также в праздники в киновийском храме собирались многие почитатели отца Гурия.

Организовывался большой хор. Служба совершалась строго по уставу без малейших пропусков. Как говорил мне мой первый духовник протоиерей отец Николай Гронский, из-за которого я стал посещать этот храм и прислуживать в нем еще отроком, «у нас совершается служба от стражи утренния до нощи». Однако в храме штатного псаломщика не было, и на буднях некому было петь и читать. Приход был крайне бедным. В то время это была глухая окраина Ленинграда, да и добраться было сложно. И вот юный Константин взял на себя труд безвозмездно ежедневно посещать, петь и читать в этом храме.

Ему нужно было ехать через весь город на трамвае, затем переплывать Неву на парходике на другой берег. Необходимо было поспеть ко времени и прийти раньше священника. Ни разу не было такого случая, чтобы Константин Николаевич не пришел или запоздал. Он шел на колокольню, звонил, затем читал часы и один на клиросе пел Божественную литургию. Редко когда кто-нибудь еще приходил на клирос в будние дни. Затем он возвращался через Неву и на трамвае ехал через весь город.

Приезжала и Лиза Вендланд, сестра митрополита Иоанна. По окончании института ее посылали на три года в Архангельскую область в глухую больницу врачом. Вернувшись в Ленинград, она стала опять посещать Киновию, вот тогда-то я ее и узнал. Она была очень добрая, даже на меня, тогда еще мальчика, обратила внимание.

На обратном пути она отдавала мне свой завтрак (или специально для меня припасенный). Чаще всего бутерброд с повидлом. Теперь это для нас мелочь, ничтожность, а в те времена — много значило. Я стеснялся, но она умела так просто подойти, что в конечном итоге, переезжая на парходике Неву на другой берег, съедал этот хлеб с повидлом, может быть, лишая ее приготовленного для себя завтрака.

В те трудные годы у верующей интеллигенции был большой духовный подъем, энтузиазм, горение духа. Люди многие каждый день шли в храм к ранней обедне, затем по дороге где-нибудь в парадной или в подворотне съедали наспех бутерброд или кусок булки (на улице считалось есть неприлично) и шли

на гражданскую работу. Вечером с работы спешили домой и опять в церковь. То в одну, то в другую. В Ленинграде в разные дни в разных храмах были чтения акафистов с общенародным пением.

Любовь к храму у Константина Николаевича проявилась с отроческих лет. Жили они недалеко от Никольского собора и Русско-эстонской церкви, и Костя вместе с сестрами посещал и тот и другой храмы.

Сестры его пели в хоре. Регентом-псаломщиком в то время в Никольском соборе был известный впоследствии профессор Николай Дмитриевич Успенский.

В юные годы в отношении религиозной настроенности оказал большое влияние на будущего владыку Иоанна настоятель Русско-эстонской церкви протоиерей Александр Пахляр, прекрасный проповедник и духовник. Костя и его сестры очень любили и почитали и всегда с большой теплотой вспоминали его.

Константина Николаевича за его труды в Киновийском храме по просьбе и ходатайству старосты епископ Лужский Амвросий (Либин), vicарий Ленинградского митрополита, посвятил во чтеца.

В 1933 году освобожденный из лагеря архимандрит Гурий; т. к. ему нельзя было вернуться в Ленинград, то он поехал в далекий Бийск, тогда еще маленький городок. Константин Николаевич поехал вместе с ним, чтобы быть под его руководством. Он желал монашества. На его скромную зарплату они вдвоем и жили. Затем по рекомендации профессора Николаева Константин Николаевич был приглашен в Ташкент и получил место в Ташкентском индустриальном институте и в университете. Дали ему большую комнату на Широкой улице, где они и жили с о. Гурием. Затем к ним приехала сестра Мария (инокиня Мария Карловна Шмидт, дочь бывшего генерал-губернатора Кишиневского), знавшая о. Гурия по Ленинграду. Когда несколько улучшилось их материальное положение, они купили небольшой частный дом (узбекскую кибитку) в старой части города на Мерганче (ул. 5 декабря).

Архиепископ Ярославский и Ростовский Михай

Константин Вендланд с сестрами

К тому времени приехали в Ташкент сестра Константина Николаевича Елизавета Николаевна, мать Серафима (Яковлева), мать Сергия (Заспелова), Мария Степановна Маракушина и Александра Сергеевна Борисова.

В подполье дома о. Гурий устроил малую домашнюю церковь, где совершалась служба. Впоследствии сделали пристройку к дому и там оборудовали церковь. На такое тайное служение в «катакомбных» условиях о. Гурий испросил благословение у правящего Ташкентской епархией митрополита Арсения (одного из бывших кандидатов на Патриарший престол на Соборе 1917–1918 гг.). В 1934 году архимандрит Гурий постриг в монашество Константина Николаевича, который получил имя Иоанн в честь святителя Иоанна Златоустого. Постриг совершался в домашних условиях, в домашней церкви.

О. Гурий предложил ему принять священнический сан. С этой целью он направил о. Иоанна с письмом к своему товарищу и сотруднику по Александроневскому братству Иннокентию (Тихонову), который тогда был архиепископом Старорусским. В домашней Крестовой церкви архиепископ Иннокентий совершил диаконскую, а затем священническую хиротонию, и о. Иоанн стал иеромонахом.

В Ташкенте, до гражданской службы, ежедневно совершалось им монашеское правило, а в воскресные и праздничные дни совершалась Божественная литургия (первое время в подпольной церкви, а затем в пристройке).

Затем о. Иоанн и другие шли на работу. Он читал лекции, а также работал в Геологическом управлении, где вел обработку материалов геологических экспедиций. Ежегодно в течение 18 лет о. Иоанн уезжал в летний период в геологические экспедиции и был большим знатоком гор Средней Азии. В этот период под руководством о. Гурия он прошел академический курс богословских наук самообразованием (в 1956 году он окончил по заочному сектору Ленинградскую духовную академию со степенью кандидата богословия).

В 1936 году в Ташкенте была паспортизация. Ходили слухи, что ранее судимых будут высылать из Ташкента. В связи с этим о. Гурию и другим, кто не получил еще реабилитации, пришлось уехать. В пяти километрах от Ферганы, в кишлаке Беш-Бала, купили домик с участком, в котором поселились о. Гурий, мать Серафима и сестра о. Иоанна — Елизавета Николаевна (к тому времени инокиня, а впоследствии монахиня Евфросиния). Недалеко купили домик Ольга Осиповна (монахиня Макария) с Зинаидой Петровной и сестрой Клавдией. Отдельно купили домик Вера Николаевна Киселева (инокиня) с матушкой Анастасией.

Там же, недалеко, жили иеродиакон Афонского подворья Софроний и схимонахиня Михаила. О. Иоанн остался в Ташкенте, и вместе с ним остались вести хозяйство и службы монахиня Сергия (Заспелова), Мария Степановна Маракушина (монахиня Александра) и Александра Сергеевна Борисова. Часто посещала сестра Мария (Мария Карловна Шмидт). Вторая сестра о. Иоанна, Евгения Николаевна (инокиня Евгения), вместе с матерью, Ниной Петровной, также поселились в Фергане, в городе, и жили отдельно.

В 1939 году о. Иоанн был в командировке в Ленинграде и там, в Никольском соборе, повстречался со мною, тогда еще юношей, и рассказал, как они живут под руководством о. Гурия и молятся в Ташкенте и Фергане. О. Гурия в то время я знал только понаслышке от певчих Киновии. В то время меня еще не пригласили к ним, но, приехав в Ташкент, о. Иоанн рассказал о. Гурию обо мне, что знает меня еще мальчиком по Киновии, и порекомендовал познакомиться со мной и пригласить меня к ним жить.

Когда о. Гурий приехал в Ленинград, то состоялось наше знакомство. Он предложил побывать у него в Фергане, а затем и совсем переехать. Я с девяти лет прислуживал в храме, сначала в Преображенском соборе, где познакомился с о. Николаем Гронским (дядей Антония Порфировича Прилежаева), и, когда его перевели настоятелем в кинобийский храм, я стал ездить туда.

У меня с юных лет было тайное желание стать священником и монахом. В то время никаких духовных школ не было, монастыри все были закрыты. И вот я решил оставить мать и сестер и уехал к о. Гурию. У меня было неполное среднее образование: не закончив 10-й класс, я пошел работать и три года проработал счетным ра-

ботником. Первое мое послушание от о. Гурия было — закончить 10-й класс. Я поступил в середине года в 10-й класс и закончил его довольно успешно. В это время о. Гурий, мать Серафима, мать Евфросиния и я жили на зарплату матушки Евфросинии, которая работала врачом на полторы ставки. Материально поддерживал нас о. Иоанн. Жили мы очень скромно, однако и не замечали этого.

Каждый день рано утром совершалась церковная служба и вычитывалось монашеское правило. После скромного завтрака шли на работу, а я в школу. После работы, вечером, опять вечернее богослужение и вечернее правило. Службы совершались вполголоса, т. к. летом было очень жарко и душно, приходилось открывать окна и двери, поэтому тец читал приглушенным голосом. Служба совершалась без сокращений, полностью, и так было ежедневно.

О. Гурий очень любил цветы, и у него было посажено в саду несколько сортов роз. Все принимали участие в работе в саду. Еще о. Гурий любил столярничать. Мы все спали на топчанах, сделанных руками о. Гурия. Делал он и лари, и письменные столы, и табуретки, и прочее. Любил о. Гурий заниматься строительством и своими руками сделал хорошую пристройку к дому, в две комнаты, для матушки Серафимы и матушки Евфросинии. Сделал келью и для меня — в сарае у Веры Николаевны.

Еще любил о. Гурий устраивать прогулки в горы (в Кизил-Кия, в Шахимардан и в другие места).

В 1941 году я окончил десятилетку, и мне предстояло сделать выбор: куда поступить учиться дальше. В Фергане в то время было одно высшее учебное заведение — педагогический институт. О. Гурий предложил или поступить в педагогический институт и жить с ним, или поступить в медицинский институт в Ташкенте и жить с о. Иоанном. У меня не было никакого желания быть педагогом, я мечтал быть священником, но поскольку невозможно было учиться на священника, т. к. тогда не было ни одной семинарии, то хотелось получить наиболее близкую к священству (как мне тогда казалось) специальность, стать врачом. О. Гурий благословил меня поступить в Ташкентский медицинский институт, и я переехал жить к о. Иоанну. В начале войны мы жили очень скромно. О. Иоанн, хотя и получал карточку 1-й категории (800 г хлеба), но все остальные получали иждивенческий карточки (400 г хлеба). Запасов продуктов у нас не было. Выручали крапива и конский щавель, которые мы собирали за городом.

В институте мне пришлось проучиться один год, а затем меня призвали на службу в армию¹. В 1946 году о. Гурий за восемь месяцев до открытия Трои-

¹ В 1942–1946 Александр Хархаров служил на фронте радиотелеграфистом. Участвовал в снятии блокады Ленинграда, воевал в Эстонии, Чехословакии, дошёл до Берлина. За боевые заслуги был награждён медалями.

це-Сергиевой Лавры был назначен наместником будущей Лавры и почетным настоятелем Ильинской церкви в Загорске. Мне посчастливилось к моменту открытия Лавры приехать по приглашению о. Гурия в Загорск (еще не освободившись из армии) и принимать участие в открытии Лавры.

После ее открытия, когда стала собираться братия, в числе первых приехал и о. Иоанн. Однако о. Гурий был наместником всего четыре месяца. Святейший Патриарх Алексей Первый вызвал архимандрита Гурия и сказал ему: «Вы открыли Лавру, поставили дело на рельсы, и теперь Вам новое послушание — быть епископом Ташкентским». Состоялся Священный Синод, на котором было определено: архимандриту Гурию, наместнику Троице-Сергиевой Лавры, быть епископом Ташкентским и Средне-Азиатским.

Владыка Гурий взял нас, первых послушников Лавры, Игоря Мальцева и меня, с собой в Ташкент в качестве иподиаконов. О. Иоанн тоже вернулся в Ташкент.

По совету владыки Гурия, о. Иоанн заявил своему геологическому начальству о намерении перейти на церковную работу (для этого нужно было иметь большое мужество!), и его освободили от высоких занимаемых должностей. Таким образом, он легализовал свое положение как священнослужитель. Владыка Гурий назначил о. Иоанна своим секретарем, а в соборе стал он постоянным проповедником. За каждой праздничной службой о. Иоанн читал канон; причем чтение его было необыкновенно выразительным, четким. Каждое слово доходило до молящихся. Верующие Ташкента очень полюбили и владыку Гурия, и о. Иоанна. По представлению владыки Гурия о. Иоанн был удостоен сана архимандрита.

В то время в Ташкентской епархии стали издавать свой епархиальный журнал «Информация», который распространялся в машинописных экземплярах. Вышло их всего 13 номеров. Во всех «Информациях» активно участвовал архимандрит Иоанн. В каждом номере непременно печатались его проповеди и другие статьи. О. Иоанн очень не любил и тяготился канцелярской работой, но положение секретаря обязывало заниматься ею. О. Иоанн пересили-

Александр Хархаров после войны

Владыка Гурий после литургии произносит проповедь. Ташкент. 1947

вал себя и аккуратно вел все секретарские дела. В то время жили в архиерейском доме: сам владыка, архимандрит Иоанн, я, Игорь Мальцев и монахиня, которая вела хозяйство. Там же была и канцелярия и свечной склад. О. Иоанн занимал очень маленькую комнатку. В ней помещались кровать, маленький письменный стол, стул и полка с книгами. Однако он никогда не высказывал своего недовольства ни условиями жизни, ни отсутствием удобств.

Владыка Гурий воспитывал нас и в другом отношении. Пользуясь всем необходимым (жилье, питание, одежда), мы не имели личных денег, не получали зарплаты.

Мы могли просить деньги на наши нужды у владыки в любой момент. Он не отказывал на разумные расходы, но мы старались обходиться так. Мне и Игорю было легко переносить такое положение, а о. Иоанну было труднее. Он был очень добрым человеком и легко верил всем, обращающимся к нему за помощью. Многие злоупотребляли его добротой и доверчивостью. Как только появлялись у него какие-нибудь деньги, он их раздавал; моментально находились такие люди, которые рассказывали ему о своих трудностях и нуждах, и он тут же отдавал последнее. Такое было у него бескорыстие.

В 1951 году о. Иоанн поступил в Ленинградскую духовную академию на заочное отделение и блестяще окончил ее.

В 1953 году владыку Гурия перевели из Ташкента в Саратов. Он взял с собой меня, затем приехал в Саратов Игорь и о. Иоанн. Сдав епархиальные дела в Ташкенте, владыка Гурий назначил его настоятелем Духосошественского собора Саратова. Этот период своей жизни будущий владыка Иоанн вспоминал всегда с теплотой.

Ему нравилось его положение настоятеля, нравился храм, большой, высокий, красивый. Со всеми — и с духовенством, и с исполнительным органом, и с прихожанами — сложились добрые отношения. Прихожане полюбили его. Владыка Гурий назначил его также духовником семинарии. У него сложились

Архимандрит Иоанн (Вендланд). Саратов. Первая половина 1950-х

очень хорошие отношения, теплые отношения и с преподавателями, и с учащимися семинарии.

В 1957 году архимандрит Иоанн получил назначение ректором Киевской духовной семинарии. Там особенно пригодился его большой опыт преподавательской работы в институте. Его уроки были очень живыми и интересными. Он вел Догматическое богословие. И такой предмет он преподавал семинаристам так живо и образно, что легко запоминались и тексты, и сам предмет.

Из Киева его назначили в Дамаск представителем Московской Патриархии при Блаженнейшем Патриархе Антиохийском и всего Востока. В 1958 году архимандрита Иоанна возвели в сан епископа Подольского. В его хиротонии участвовали: Святейший Патриарх Алексей, митрополит Николай Крутицкий, архиепископ Гурий Днепропетровский и Запорожский, епископ Алексей (Коноплев), епископ Пимен (Балтский) — теперешний Святейший Патриарх. Мне посчастливилось принимать участие в сослужении за этой службой, а также быть на обеде у Святейшего Патриарха Алексея.

Из Дамаска владыку перевели в Германию — архиепископом Берлинским и Среднеевропейским, Патриаршим Экзархом средней Европы, а в 1960 году — в Америку — митрополитом Нью-Йоркским и Алеутским, Патриаршим Экзархом в Северной и Южной Америке.

Митрополит Иоанн. 1979

После десяти лет пребывания в заграничных командировках митрополит Иоанн подал прошение Святейшему Патриарху Алексию с просьбой перевести его на одну из кафедр России. Когда скончался архиепископ Ярославский и Ростовский Сергей (Ларин), Священный Синод назначил митрополита Иоанна на освободившуюся кафедру — митрополитом Ярославским и Ростовским в 1967 году. Служил он 17 лет, до выхода на покой в 1985 году.

Здесь, в Ярославле, он много заботился о том, чтобы не оставались приходы без священников, особенно в глубинке, в бедных приходах,

где без священника приход умирал, переставал существовать, его закрывали.

Много было им рукоположено действительно достойных, прекрасных пастырей, но были и такие, от которых надо было избавляться. Владыка говорил: «Что лучше: оставить приход без священника или назначить не самого достойного?». Ради сохранения прихода он предпочитал назначать какого-нибудь священника, хотя и с плохой репутацией. «Сохранится приход — священника можно сменить; закроют приход — это уже навсегда», — говорил владыка.

В 1970 году, по сложившимся обстоятельствам, по моей просьбе, Святейший Патриарх Алексей после Жировицкого монастыря, где я был наместником, направил меня в распоряжение митрополита Иоанна. Перед этим я виделся с владыкой Иоанном, рассказал ему свое положение и просил у него места в епархии. Владыка обещал место в соборе, даже обрадовался. Но по тем же сложившимся обстоятельствам сначала я служил 10 месяцев на приходе в с. Бабурино, а затем в с. Балабаново под Рыбинском. Там мы ежегодно приглашали владыку для служения. Владыка любил гулять по берегу Волги, собирать трилобитов, купаться. Мы старались принять его и его свиту как можно радушнее, и все всегда уезжали довольными и с радостью ехали к нам. Владыка даже спрашивал меня: «Когда же ты снова пригласишь меня?» Тогда еще он был в силе.

В один из таких приездов владыка рассказал о том, что у трех священников нашей епархии неладит с законом. Владыка говорил с возмущением о них и обе-

шал запретить их в священнослужении на 15 лет. Я ужаснулся — на 15 лет запрещение! Да за 15 лет они совершенно будут потеряны для церкви. Я стал говорить владыке, что ведь и его моральная ответственность за них. Все они рукоположены владыкой, были отзывы о них недобрые и предупреждали владыку, по слову апостола: «Руки скоро не возлагай». В ответ на мои слова владыка рассказал следующее: «Когда я учился в школе, мы проходили стихотворение Лермонтова “Пророк”. Меня еще с детства поразили такие слова из лермонтовского “Пророка”, что он читал в сердцах людей их мысли и пороки» — до словно я не помню.

Далее владыка говорил: «И тогда, еще ребенком, я ужаснулся: какой это страшный дар — читать пороки. Господи, никогда не давай мне такого дара! — со всем жаром я помолился тогда. И, видно, детская молитва была услышана. Я действительно не стал замечать пороки и плохое в людях. Для меня все люди кажутся хорошими, я не замечаю их недостатков. И теперь мне уже не переделаться, да и немного осталось...». Говорил это владыка со слезами на глазах. Меня это потрясло!

Действительно, много лет зная владыку, общаясь с ним, я помню такие периоды, что он никого не осуждал, ни о ком плохо не говорил. Но мне казалось, что, общаясь с людьми, будучи на высоком начальственном положении, невозможно не различать людей. Ведь к архиерею поступают часто жалобы на те или иные поступки, но для владыки Иоанна все были хорошими.

Был у меня старец отец схиархимандрит Серафим Глинский, который также старался никого не осуждать; но это была его внутренняя работа. Он, если видел плохой поступок, старался внутренне оправдать человека, совершившего его.

Знал я и другого человека, который также старался никого не осуждать. Это ему поразительно удавалось, но опять-таки, по-видимому, усилием воли, покрывая все благодушием или стараясь не замечать плохое. Когда приходилось от других слышать плохое о человеке, он старался промолчать, пропустить мимо эти слова, чтобы не задела души. Но у владыки Иоанна это неосуждение было совершенно естественным, без внутреннего усилия и борьбы.

Владыка Иоанн на самом деле очень быстро снял запрещение со всех троих священников. Два из них переехали в другие епархии, а третий, по ходатайству секретаря, был назначен на один из лучших приходов в епархии — в Смоленское, где опять проявил себя плохо и был переведен на приход на Молокшу. Но и там долго не удержался и в конечном итоге ушел в другую епархию...

Владыка Иоанн, как геолог, много лет интересовался вопросом подтверждения, с точки зрения геологии, библейского сказания о сотворении мира. На-

В центре владыка Гурий, справа от него — архимандрит Иоанн, между ними во втором ряду — иеромонах Михай Хархаров

верное, все, что написано по этому вопросу на разных языках, он изучил. Итогом является его труд «Библия и эволюция». Интересовался он и вопросами философии. Любил и почитал философа Николая Лосского.

Любил владыка музыку, особенно органную, ходил слушать серьезную музыку на концерты в филармонию. Посещал и кино, и театр. Любил владыка рисовать, даже была организована выставка его картин.

И митрополит Гурий, и архиепископ Ермоген² отмечали у владыки Иоанна некоторую светскость. Владыка Иоанн происходил из дворянской, в высшей степени интеллигентной семьи, причем семьи не церковной в нашем понимании. В детстве учился он в привилегированной гимназии, много лет преподавал и работал в светских учреждениях, в кругу его знакомых и близких было много интеллигентных и светских людей, и все это наложило отпечаток светскости. В кино, театре, живописи, музыке он всегда находил религиозный элемент.

Эта светскость служила ему добрую службу. Она сближала его с людьми интеллигентными. И ему было легко общаться с ними, и им было легко говорить,

² Архиепископ Ермоген (Алексей Степанович Голубев; 1896–1978), с 1953 по 1960 г. возглавлял Ташкентскую и Среднеазиатскую епархию

чувствуя в нем человека своего круга. И многих людей ученых и интеллигентных он привел к Богу.

Вообще, как у человека высокой культуры и интеллекта, круг его интересов был очень широк. Как-то на именинах протодиакона о. Александра Пижицкого владыка Иоанн поздравил его, отметив, что у него живой интерес к окружающей жизни, и это значит, что человек еще не стар духом. В старости притупляются интересы и сужаются. Владыка до самого последнего момента любил жизнь. Очень не хотел умирать и до последних дней сохранил живой интерес ко всему окружающему и к текущей жизни.

Была у него и внутренняя постоянная молитва. Он творил молитву Иисусову, и до последнего момента при нем всегда были четки.

Замечательной чертой покойного владыки было его радушное и благодушное отношение к людям. «А-а-а, отец Михей!», «А-а-а, отец Михаил!» — так он встречал часто многих.

Покойный владыка Гурий говорил о владыке Иоанне: «Он был бы хорошим ученым». Также и епископ Ермоген говорил о нем, что владыка Иоанн был бы прекрасным ученым. Сам владыка Иоанн как-то в личной беседе отметил, что сложилась его жизнь так, что он не стал ученым, профессором. Но такие минуты тихой грусти были редки. Он, вместе с тем, высоко ценил и был благодарен Богу за то, что Он поставил его на такое высокое служение, был благодарен за все: «Слава Богу за все».

Таков был наш незабвенный, дорогой владыка митрополит Иоанн.

10 апреля 1989 года

Архимандрит Михей (Хархаров)

ИЗ ПИСЬМА ГАЛИНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ПЫЛЬНЕВОЙ³. 1984 ГОД

Узбекистан. Жили замкнуто, из посторонних никто не ходил, служили полупешотом. Мать Евфросиния обладала хорошим голосом и знала музыку. За службами она была регентом. Там мы изнемогали от жары, и от усталости, и от духоты, так хотелось спать, что постоянно приходилось с собой бороться, вымоешь лицо холодной водой, полегче, но не надолго. Окна и двери плотно закрыты, чтобы не было слышно посторонним. И никогда она не посетовала на трудности, всегда была в храме, да еще старалась помочь в саду отцу Гурию. Она боялась обременить собою другого.

Готовила и стирала нам мать Серафима. Тогда не было стиральных машин, стиральных порошков, всё вручную. У нас была построена на участке баня. Мать Евфросиния пойдет помыться, снимет с себя белье, выстирает (чтобы не утруждать мать Серафиму), отожмет и мокрое наденет на себя. Мать Серафима спрашивает: «Лиза, где белье?». А оно на ней так и высохнет.

Однажды в Фергане она обнаружила заболевшего проказой узбека, и ей самой пришлось его сопровождать в Ташкент и сдать под расписку.

Узбеки ее очень любили. Конечно, как врач она была очень внимательна к пациентам и совершенно бескорыстна.

Такая подвижническая жизнь была до начала войны. Потом ее как врача мобилизовали. Упомяну еще, что ее не раз командировали в очаги вспышки чумы в глухих районах Средней Азии. Во время войны она работала врачом в гос-

³ Галина Александровна Пыльнева, монахиня Варвара, вела переписку с архиепископом Ярославским и Ростовским Михеем. Автор множества книг и журнальных публикаций.

питале, прикомандированном к Войску Польскому. В Войске Польском были военные ксендзы, которые совершали мессы и требы по просьбе солдат.

После войны, демобилизовавшись, она переехала в Загорск, где отец Гурий был назначен наместником, а затем уехала в Ташкент, когда владыку Гурия назначили епископом Ташкентским. Там она работала врачом, а затем, когда владыка Гурий заболел диабетом, она оставила гражданскую службу.

В Ташкенте при архиерейском доме была церковь Крестовая, в ней ежедневно совершались службы и правила.

Когда владыку Гурия перевели в Саратов, мать Евфросиния была врачом в Саратовской семинарии, затем владыку Гурия перевели в Чернигов. Она переехала туда и лечила сестер Черниговского Троицкого монастыря. Затем переехала в Днепропетровск вслед за владыкой.

Но тут много-много пришлось ей пережить огорчений и неприятностей от новых людей, окруживших владыку Гурия. Видимо, попустил Господь ей эти скорби, когда и сам владыка, по настоянию нового окружения, стал тяготиться и врачом, самоотверженно служившим ему всю жизнь, и другими старыми своими духовными детьми (в том числе и владыкой Иоанном, и мною). Меня он вызвал из Глинской пустыни, где я проживал уже год, и в Днепропетровске был его секретарем и настоятелем собора. Началось все не сразу, а к концу пребывания владыки в Днепропетровске. Когда же его перевели в Минск, а за ним поехала и мать Евфросиния, и его новое окружение, там-то они себя и проявили особенно враждебно против матери Евфросинии и меня.

К тому времени владыка Иоанн был уже ректором Киевской семинарии, а затем направлен в Дамаск, потом его посвятили во епископа и через некоторое время перевели в Германию. Он выхлопотал разрешение взять с собою сестру, мать Евфросинию. Прекрасно владея немецким языком, она там была для него незаменимой помощницей, да и на правах старшей сестры постоянно сдерживала его. Владыка Иоанн все же был склада ученого, светского человека, а на административной должности, да еще дипломатической, постоянно

Врач Е. Н. Вендланд

Е. Н. Вендланд. 1960-е

вращаясь в среде светской, нуждался в такой поддержке духовной со стороны близкого человека, сестры.

К ее добрым делам следует отнести и то, что она выписала из Сибири двух старичков. Дядя Коля Скалон был женат первым браком на родной тете матери Евфросинии, а затем женился на другой — Евгении Францевне. Не по своей воле попали на жительство в Сибирь, да там и остались. К тому времени они совсем одряхлели и не могли жить без посторонней помощи. Мать Евфросиния выписала их в Переяславль, поселила на нижнем этаже, а сама жила наверху, не имея отдельной комнаты для себя. Старички и днем и ночью беспрестанно беспокоили ее своими

просьбами, нуждами, не давая ей покоя. Она к тому времени сама болела сердцем, но все же до конца досмотрела их и схоронила. Незадолго до смерти ее мы соборовали (владыка и 4 священника). В последнее время у нее совсем перестали ходить ноги. Мне она говорила, что не боится умереть, но очень жаль, что владыка Иоанн останется один. Она страшно жалела его и переживала.

В моей памяти она осталась как человек, полностью посвятивший себя Господу и служению ближним, а это и есть, наверное, святость.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Митрополит Волгоградский и Камышинский Феодор</i>	3
От составителя	4
Митрополит Иоанн (Вендланд)	9
Мой папа	11
Моя мама	30
Пример возникновения и развития религиозного чувства	44
Эли. Моя сестра Елизавета Николаевна Вендланд (монахиня Евфросиния)	50
Слово, произнесенное о. Леонидом Кузьминовым в день памяти монахини Евфросинии (Вендланд) 4 сентября 1985 г. в Покровском храме города Переславля-Залесского	169
Монахиня Евфросиния. Из дневников	171
Мое пребывание в Швейцарии. 1912	174
Мой дневник. 1913 год. Швейцария	186
Из дневниковых записей 1920–1950-х гг.	197
Приложения	207
<i>Архимандрит Михай (Хархаров)</i> . Некоторые воспоминания о владыке Иоанне	209
<i>Архимандрит Михай (Хархаров)</i> . Из письма Галине Александровне Пыльневой. 1984 год.	223

Для широкого круга читателей

Митрополит Иоанн (Вендланд)
Монахиня Евфросиния

ВОСПОМИНАНИЯ И ДНЕВНИКИ

Составитель Э. А. Меженная

Редактор М. А. Нянковский

Оформление М. Е. Бороздинского

Корректор Т. В. Чупина

Издательство ООО «Академия 76»
150049, Ярославль, Рыбинская ул., 59–22
E-mail: nyankovskiy.ma@yandex.ru

Подписано к печати 00.00.2019. Формат 70 × 100¹/16.
Усл. печ. л. 18,2. Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфкомбинат».

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

<http://www.jpк.bertelsmann.ru>